

**ИЗБРАННЫЕ
РЕЧИ и СТАТЬИ**

Генри Джорджа

Перевод с английского

С. Д. Николаева

Что такое Единый налог

и почему мы его добиваемся?

(Статья из «The financial reform almanack», 1891 г.)

Изложим кратко основные принципы той реформы, которую мы, ее приверженцы, называем Единым налогом.

Мы предлагаем отменить все налоги, за единственным исключением налога с ценности земель, взимаемого независимо от ценности разного рода построек и улучшений.

То, что мы предлагаем, не есть налог на недвижимость, ибо под недвижимостью понимают также здания и сооружения. Не есть это и налог на землю, ибо мы предлагаем облагать не землю вообще, а лишь ту землю, которая имеет ценность, не зависящую от ценности возведенных на ней сооружений или сделанных в ней улучшений, и предлагаем облагать такую землю как раз пропорционально этой ее ценности.

В сущности, мы не устанавливали бы нового налога, приводя в исполнение наш план, ибо налог с земельных ценностей уже взимается теперь повсюду в налоге на недвижимость. Для достижения нашей цели нам нужно бы было лишь отменить все налоги, за исключением налога на недвижимость, и в этом последнем налоге уничтожить ту часть его, которая взимается теперь с построек, сооружений или улучшений, оставив только ту часть его, которая взимается с ценности самой земли.

Эту последнюю часть мы увеличили бы в таком размере, чтобы в ней отбиралась по возможности вся экономическая рента, или то, что называют иногда «незаработанным доходом с земли».

Что одного этого налога с ценности земель было бы достаточно для покрытия всех общественных расходов: городских, земских или государственных, — в этом не может быть и сомнения.

Чтобы дать понятие о причинах, побуждающих нас добиваться этой реформы, я позволю себе сказать несколько слов: во 1-х, об ее полезности и, во 2-х, об ее справедливости.

От Единого налога мы можем ожидать нижеследующие благие последствия:

1) Этот налог освободит нас от целой армии сборщиков податей и других чиновников, которые требуются при теперешних налогах;

будет доставлять в бюджет, по сравнению с другими налогами, значительно большую долю того, что берется с народа; вместе с тем, упрощая и удешевляя правительство, он будет содействовать также и тому, чтобы сделать его более честным. Он избавит нас от налогов, которые роковым образом ведут к обманам, клятвопреступлениям, подлогам и взяточничеству, которые вводят людей в искушение и которые подавляют в народе как раз то самое, чем всего более следует дорожить: честь и совесть. Земля находится у всех на виду и не может быть скрыта; ценность ее определяется легче ценности чего бы то ни было другого, а потому и налог, предлагаемый нами, можно собирать с наименьшей затратой и с наименьшим вредом для общественной нравственности.

2) Он значительно увеличит производство богатства:

а) Устранив пагубное действие теперешних налогов на трудолюбие и бережливость. Облагая налогами дома, мы сдерживаем их постройку; облагая налогом промышленное оборудование, мы сокращаем число этого оборудования; облагая торговлю, мы сокращаем размеры торговых оборотов; облагая капитал, мы уменьшаем количество капитала; облагая сбережения, мы сокращаем сумму сбережений. Таким образом налоги, которые мы имеем в виду уничтожить, угнетают промышленность и уменьшают богатство. Но, обложив налогом ценность земли, мы не уменьшили бы количества земли.

б) Напротив того, обложение ценности земли имело бы следствием большую доступность земли для желающих ею пользоваться; оно сделало бы более трудным удержание за собой ценной земли для тех собственников, которые сами ею не пользуются, а рассчитывают лишь на будущий прирост ее ценности. Уничтожение налогов на труд и произведения труда освободило бы активный элемент производства, а отбирание земельных доходов в виде налога, уничтожив спекулятивные цены на землю и затруднив захват нужной для пользования земли людьми, не пользующимися ею, освободило бы пассивный элемент. Надо только посмотреть вокруг себя; увидеть землю, остающуюся вне употребления или в неполном использовании; посмотреть на рабочих, лишенных работы; на капитал, лишенный применения или применяемый лишь в слабой мере, чтобы понять, как возросло бы производство при беспрепятственном приливе производительных сил к земле.

в) Обложение налогами труда и его произведений, с одной

стороны, и недостаточное обложение ценности земли с другой, приводят к несправедливому распределению богатства, которое сосредоточивается в руках немногих лиц в виде чудовищных состояний, каких еще не видел свет, в то время как масса все более и более беднеет. Налоги эти всегда ложатся тяжелее на бедных, чем на богатых: повышая цены, они делают необходимым больший запас средств для начала какого бы то ни было промышленного предприятия, дают преимущество крупным капиталам и создают особые выгоды и возможность монополизации для разного рода предпринимательских союзов и синдикатов, ради которых нередко налоги и устанавливаются. С другой стороны, недостаточное обложение земельных ценностей дает возможность составлять огромные состояния на земельной спекуляции и на повышении земельных ценностей, состояния, которые не представляют из себя никакой прибавки к общему богатству страны, а являются лишь присвоением одними людьми того, что создается трудом других.

Это несправедливое распределение богатства, с одной стороны, ведет к образованию класса людей праздных и расточительных потому, что они слишком богаты, а с другой — к образованию класса людей, праздных и расточительных потому, что они слишком бедны, лишает людей капитала и удобств, которые могли бы сделать их более эффективными производителями, и таким образом в огромной мере сокращает производство.

з) Несправедливое распределение богатства, создавая, с одной стороны, мультимиллионеров, а с другой — бродяг и нищих, порождает воров, игроманов, общественных паразитов разного рода и требует огромного расхода денег и сил на охранников, полицейских, суды, тюрьмы и другие средства предупреждения и пресечения преступлений. Оно поддерживает жажду наживы, преклонение пред богатством, вызывает ожесточенную борьбу за существование, благодаря которой растет пьянство и число сумасшествий и люди, вместо того, чтобы обращаться к честной производительной деятельности, расходуют свое время и силы на обманы и мошенничество. Помимо нравственных потерь, всем этим предполагаются огромные материальные потери, которых не было бы при Едином налоге.

д) Налоги, которые мы желали бы отменить, ложатся всего тяжелее на более бедные сельские районы и таким образом оттесняют народонаселение и богатство к более крупным городам. Налог,

который мы желали бы повесить, уничтожил бы монопольное владение землей: основную причину чрезмерного скопления населения в одних местах и крайнего рассеяния его в других. Семьи живут в городах друг над другом вследствие огромных спекулятивных цен, по которым сдаются свободные участки. А жители деревень селятся вдалеке друг от друга, лишаясь удобств и прелестей общественной жизни, потому что люди, вместо того, чтобы брать себе земли, сколько они могут обработать, стараются захватить ее возможно больше, надеясь получить прибыль от возрастания ее ценности, и каждый приходящий поселенец должен идти все дальше и дальше в поисках свободных земель. Одни семьи живут десятками под одной крышей, другие ютятся в землянках в степи, вдали от соседей; одни живут слишком тесно друг к другу, чтобы это было выгодно для их нравственного, умственного или физического благоденствия; другие слишком удалены друг от друга, чтобы испытывать возбуждающее и облагораживающее влияние общества. Проистекающие от этого потери в здоровье людей, в их умственной энергии и все возникающие при этом излишние перемещения товаров, — далеко немаловажные в экономическом отношении, — были бы предупреждены путем установления Единого налога.

II.

Обратимся теперь к нравственной стороне вопроса и рассмотрим предлагаемую нами реформу с точки зрения справедливости.

Право собственности опирается не на человеческие законы, — те часто игнорируют и нарушают его. Оно опирается на естественные законы, — другими словами, на законы Бога. Оно ясно и безусловно, и всякое нарушение его, все равно совершается ли оно отдельной личностью или целым народом, является нарушением заповеди «Не укради». Человек, который ловит рыбу, выращивает яблони, выхаживает теленка, строит дом, изготавливает орудие производства, шьет платье, рисует картину, тем самым приобретает исключительное право собственности на произведения своего труда, право дарить их, продавать или завещать в наследство. Но создал ли кто землю, чтобы он мог предъявлять на нее или на какую-либо часть ее такое же право собственности, чтобы мог дарить ее, продавать или завещать в наследство? Так как земля была создана не нами и является лишь временным местопребыванием сменяющихся человеческих поколений, так как мы находимся на ней, очевидно, с одинакового

позволения Создателя, то ясно, что никто не может иметь какого-либо исключительного права собственности на землю, и права всех людей на нее должны признаваться равными и неотчуждаемыми. Что должно существовать, так это исключительное право на владение землею, ибо человек, который пользуется ею, должен иметь ее в прочном владении, чтобы пожинать плоды своего труда. Но это право владения должно быть ограничено равными правами всех других людей, и потому должно обуславливаться уплатою обществу владельцем известного вознаграждения за предоставленную ему таким образом ценную привилегию.

Когда мы облагаем налогами дома, урожай, деньги, хозяйственные принадлежности, капитал или богатство в какой бы то ни было форме, мы отбираем у членов общества то, что по праву должно считаться их собственностью — мы нарушаем право собственности, хотя бы и именем закона. Но когда мы облагаем налогами земельные ценности, мы берем у членов общества то, что принадлежит не им, а обществу, и что не может быть оставлено у кого либо из них без обиды для других членов общества.

Подумайте, что представляет из себя ценность земли. Она не имеет отношения к стоимости производства, как его имеет ценность домов, лошадей, овец, одежды и других предметов, производимых трудом, ибо земля не производится человеком, а создана была Богом. Ценность земли не проистекает от затраты труда на нее, ибо ценность, производимая таким образом, есть ценность улучшений. Ценность какую имеет известный участок земли, означает собою только то, что участок этот желателен более чем та земля, которую могут получить другие граждане, и что больше есть охотников платить некоторую премию за позволение пользоваться им. Потому, внимая требованиям справедливости, мы должны брать эту премию или цену в пользу всех и тем обеспечить за всеми равные права.

Подумайте о разнице между ценностью здания и ценностью земли. Ценность здания, подобно ценности товаров или всего того, что называется собственно богатством, производится трудом индивидуумов и, следовательно, по праву принадлежит индивидуумам; но ценность земли возникает лишь вместе с ростом и развитием общества и, следовательно, по праву принадлежит обществу.

Если земля в Нью-Йорке стоит теперь миллионы долларов за акр, то не в силу того, что было сделано ее собственниками, а в силу того, что на ней сосредотачивается теперь огромное народонаселение. И,

стало быть, ее ценность можно с полным основанием считать тем фондом, из которого должны покрываться общие расходы всего народонаселения. Ценность эта должна быть взята в общую пользу, иначе возникает риск земельной спекуляции и монополий, которыми будет создана искусственная скудость там, где в изобилии припасено было богатство Создателем для всех, призванных к жизни Его божественным Провидением. Таким образом мы нарушаем закон справедливости, облагая налогами труд или произведения труда, и мы нарушаем этот закон также тогда, когда не облагаем налогом земельных ценностей.

Вот основные причины, побуждающие нас добиваться Единого налога, как наиболее важной и коренной реформы. Мы не думаем того, что он изменит человеческую природу. Это не во власти человека. Но он создаст условия, при которых человеческая природа будет развивать все лучшее, вместо того, чтобы развивать все худшее, как это нередко бывает теперь. Он сделает возможным такое огромное увеличение в производстве богатства, какого теперь мы, пожалуй, не в состоянии себе и представить.

Он обеспечит справедливость в распределении доходов. Он разрешит рабочий вопрос и рассеет тучи, которые сгущаются теперь на горизонте нашей цивилизации. Он сделает незаслуженную бедность совершенно неизвестной. Он уничтожит растлевающую погоню за наживой. Он даст людям возможность быть по крайней мере такими честными, правдивыми, рассудительными и благодарными, какими они желали бы быть. Он устранил соблазны лжи, клятвопреступления и обмана. Он сделает доступными для каждого, даже для наиболее бедного, все прелести удобства и выгоды прогрессирующей цивилизации. Он подготовит наступление того царства правды и справедливости, а стало быть — царства изобилия, мира и счастья, которых Иисус велел Своим ученикам просить и добиваться. И мы ждем всего этого от Единого налога не потому, чтобы он представлял из себя многообещающее изобретение или хитроумную выдумку, а потому, что в нем наши основные общественные учреждения были бы согласованы с высшим законом справедливости и наиболее важные государственные постановления были бы обоснованы на предписании поступать с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобой.

Программа лиги Единого налога

*составленная при участии Генри Джорджа
на нью-йоркской конференции 1890 г.*

Мы признаем своим руководящим началом ту очевидную истину, что все люди созданы равными и одарены их Творцом некоторыми неотчуждаемыми правами.

Мы признаем за всеми людьми равное право на пользование тем, что было создано Богом, и тем, что появляется вместе с ростом и развитием общества.

Мы признаем за каждым человеком право на все, что производится его трудом, и утверждаем, что никакой налог не должен взиматься с произведений труда.

Для проведения в жизнь этих начал мы предлагаем собирать все общественные доходы, местные и государственные, путем Единого налога с ценности земель, минуящего постройки и улучшения, и уничтожить все другие налоги — прямые и косвенные.

Так как во всех наших областях мы уже собираем кое-какие налоги с ценности земель, то мы легко и просто могли бы установить Единый налог, уничтожая постепенно все прочие собираемые теперь налоги и увеличивая соответственно налог с доходности или ценности земель, пока все правительственные расходы не стали бы покрываться лишь этим налогом.*

Доход, получаемый от этого налога, мог бы разделяться между местным и центральным правительством совершенно так же, как разделяются теперь прямые налоги; можно было бы и просто назначить сумму, какую должна уплачивать каждая область центральному правительству, и брать ее затем из налога с ценности земель, получаемого каждой областью.

Единый налог, предлагаемый нами, не есть налог с земли, и, стало быть, он не приурочивался бы к пользованию землею и не превращался бы в налог на труд.

Это налог не с земли, а с доходности или ценности земли. Он

---

* Для полного осуществления вышеизложенных принципов требуется, чтобы Единый налог достигал всей суммы ренты. Брать более этой суммы значило бы брать налоги с произведений труда; брать менее ее, значило бы оставлять у индивидуумов то, что не создается их трудом и что по праву принадлежит обществу. (Прим. перев.)

падал бы не на всякую землю, но лишь на ценную землю, и на эту землю падал бы не соответственно степени пользования ею, а соответственно ее ценности — соответственно той сумме, какую может требовать собственник за дозволение пользоваться ею. Он был бы, таким образом, налогом не на пользование или улучшение земли, а на присвоение земли, и в нем взималось бы только то, что без него доставалось бы собственнику земли, просто как собственнику, а не как производителю.

При Едином налоге все ценности, созданные индивидуальным трудом при пользовании землей или при улучшении ее, исключались бы из оценки, и объектом обложения признавалась бы лишь ценность самой земли, возникающая благодаря удобствам местоположения, близости к центрам и т. п. Только эту ценность и нужна бы было определять с возможным беспристрастием через известные промежутки времени. Таким образом человеку, который обрабатывает землю, приходилось бы платить налог не более, чем сколько платил бы спекулянт, удерживающий подобную землю праздно; и человек, который застраивал бы свою землю в городе, платил бы налог не более чем человек, который владел бы пустопорожним участком такой земли.

Короче, Единый налог привел бы граждан к участию в государственных расходах, пропорционально ценности естественных удобств, которыми они владеют, но не ценности тех богатств, которые они производят или накапливают. Он заставил бы **их** платить за владение пустопорожней землей как раз столько же, сколько уплачивалось бы за ту же землю при полном пользовании ею.

Следовательно, Единый налог:

1. Переложил бы бремя налогов с сельскохозяйственных округов, где земля без улучшений имеет ничтожную ценность, на города, где цена земли исчисляется миллионами рублей за десятину.

2. Избавил бы нас от теперешней многосложности налогов и огромного штата чиновников, занятых их собиранием, упростил бы правительство и в огромной мере удешевил бы стоимость его содержания.

3. Положил бы конец обманам, подкупам и огромному неравенству, неотделимым от теперешних способов обложения, притесняющих бедного и позволяющих богатому уклоняться от причитающихся с него платежей. Земля не может быть утаена или скрыта, и ценность ее может быть определена с большей легкостью и

точностью, чем ценность чего бы то ни было другого.

4. Дал бы нам такую же свободу для торговли со всем миром, какая существует теперь у нас для торговли между отдельными областями, и таким образом сделал бы наш народ участником тех выгод, какие получают другие страны от своих природных особенностей или мастерства своих жителей. Он уничтожил бы синдикаты, монополии и подкупы, являющиеся следствием таможенного тарифа. Он положил бы конец тем штрафам и наказаниям, каким подвергается теперь всякий, кто улучшает свое хозяйство, строит дома, изготавливает оборудование или каким-либо иным способом увеличивает общую сумму богатства. Он дал бы каждому возможность прилагать свой труд или капитал к делу производства или обмена вне всяких помех или стеснений, сохраняя за каждым производителем все произведения его труда.

5. С другой стороны, отбирая в пользу общества ту ценность, которая возникает в земле благодаря росту и развитию общества, он сделал бы невыгодным владение землею просто для собственников и выгодным только для людей, пользующихся ею. Он сделал бы невозможным для спекулянтов и монополистов удержание естественных удобств, остающихся вне пользования или вне надлежащего пользования, и открыл бы то безграничное поле для приложения труда, какое представляет природа. Таким образом, он разрешил бы рабочий вопрос, положил бы конец невольной бедности, поднял бы заработную плату во всех занятиях до размера того, что вырабатывается трудом; сделал бы невозможным перепроизводство в такое время, когда еще не удовлетворены все нужды людей, распространил бы повсюду благодеяния сберегающих труд изобретений и создал бы такое эффективное производство и такое равномерное распределение богатства, что у всех людей остался бы досуг, все стали бы пользоваться жизненными удобствами и все приняли бы участие в выгодах развивающейся цивилизации.

Что касается монополий иных, чем земельная, то мы признаем прямой обязанностью государства заведывание предприятиями, в которых бывает невозможна свободная конкуренция, как телеграфы, железные дороги, водопроводы, газовое освещение и т. п. Все предприятия такого рода должны находиться в заведывании местных или центральных органов государственного управления и единственной целью их должно быть служение общему благу.

Единый налог в двух словах (Single Tax In A Nutshell)

Налоги на плоды труда приводят к сдерживанию производства. Это ясно всякому, кто только задумается над этим. Установите высокий налог на шляпы и люди станут меньше покупать шляп; обложите налогами здания, и будет меньше строиться зданий. И так со всеми остальными вещами, производимыми трудом. Тенденция таких налогов – уменьшение потребления и сдерживание обмена, а это в свою очередь мешает естественному спросу на плоды труда для удовлетворения человеческих потребностей. Таким образом, никакие налоги не должны взиматься с труда и товаров потребления.

Налог на стоимость земли (или земельную ренту) не сдерживает производство и не уменьшает вознаграждение тех, кто пользуется землей, но зато делает неприбыльным владение ею без использования, чем открывает природные ресурсы труду, стимулирует производство и облегчает торговлю. Результатом такого налога будет облегчение бремени мелких фермеров, т. к. он исключит их постройки, урожай и скот из налогообложения, а также избавит их от высокого налога, который сейчас, благодаря пошлинам и сборам, взимается со всех товаров и услуг, которыми фермеры пользуются или потребляют. Этот налог также поможет фермерам улучшить их благосостояние тем, что откроет доступ к землям, которые сейчас держатся и не используются спекулянтами в ожидании повышения цен на землю. В то же время единый налог, дав стимул к развитию промышленности, обеспечит фермеров стабильным и постоянно растущим рынком для сбыта их продукции.

Косвенные налоги, такие как таможенные сборы, пошлины, налоги на прибыль и т. д., несправедливы и непропорциональны, потому что в конечном итоге они падают на население и не в пропорции к их доходам, а в пропорции к тому, что они должны потреблять, и потому они особо тяжело ложатся на бедных, которые вынуждены отдавать почти все, что они заработали, для удовлетворения своих потребностей. В случае таможенных пошлин, тяжесть увеличивается тем, что это позволяет частным лицам, для их собственной выгоды, поднимать цены на производимые ими товары и тем самым по сути облагать население новым налогом. Нынешняя налоговая система обременительна для большинства народа, и ложится особенно тяжелым грузом на те слои населения, которые, как заявляется ее сторонниками, она призвана защищать и поддерживать. Вот почему

косвенные налоги должны быть отменены, а торговля освобождена от всех пошлин и ограничений.

Каждый человек наделен неотъемлемым правом на то, чтобы в полном объеме обладать плодами своего труда или предприимчивости, будь то производство товаров, постройка зданий или любая другая деятельность, удовлетворяющая его собственным или других людей потребностям и желаниям. Но та стоимость, приобретаемая землей по причине увеличения спроса на нее, который в свою очередь возникает из-за роста численности населения и общественного развития, справедливо принадлежит всему обществу. Поэтому общество посредством налогов должно забирать в общую пользу полную рентную стоимость земли.

Где земельная рента будет собираться для содержания правительства и удовлетворения общественных нужд, там труд и предпринимательство будут освобождены от налогов, и не будет никаких побуждений к тому, чтобы держать землю и не пользоваться ею. Спекуляция землей прекратится, и природные ресурсы, такие как полезные ископаемые, городские участки и пустующие поля станут доступны для трудящихся. Рабочие, которые не смогут наняться на работу на выгодных для них условиях, смогут найти себе занятие на земле. Необязательно, что все люди станут земледельцами, но при доступных сельских и городских землях, а также землях с полезными ископаемыми, тот, кто захочет работать на них, не встретит проблем с занятостью, и тогда зарплаты поднимутся до их истинного размера — полного вознаграждения за труд. Рабочий вопрос состоит в следующем: Как могут люди, желающие работать, найти возможность для этого, и производить то, что напрямую удовлетворяет их потребностям или посредством обмена на товары, произведенные другими? Единый налог, открывая доступ к природным ресурсам, и одновременно освобождая производство от бремени налогов, решает рабочий вопрос.

За что мы выступаем

(What We Stand For)

Мы говорим, что это плохая политика облагать налогом людей за то, что они увеличивают совокупное богатство общества.

Наша цель — уничтожение бедности. Мы предлагаем добиться этого уничтожением несправедливости, и в частности уничтожением той основной несправедливости, которая лишает большую часть человечества естественного права на землю, данную Богом.

Отношения между человеком и населяемой им планетой являются основополагающими, и законы, устанавливающие условия владения и пользования землей, а также отношения между человеком и землей, на которой все должны жить, являются самыми главными из всех законов.

Мы не хотим сказать, что в мире мало других проблем, требующих своего решения. Но мы утверждаем, что коренная несправедливость, лишаящая людей их естественного права на землю, того элемента от которого зависит их существование, является самой важной и, следовательно, с ее устранения должно начаться всякое улучшение жизни. Пока мы не избавимся от этой несправедливости, мы не сможем решить остальные более мелкие проблемы или достичь хоть малейших улучшений, которые бы принесли ощутимую пользу. Мы не заявляем, что это единственная вещь, которую надо сделать, но мы говорим, что она первая, которую надо сделать.

Мы предлагаем установить равенство между людьми по отношению к земле, от которой зависит их существование, не делением земли на равные участки; не изъятием земли государством в формальную собственность и раздачи ее потом в аренду; не изъятием земли у ее текущих владельцев; а простым изменением налоговой системы. Мы предлагаем отменить все ныне собираемые налоги с труда и его произведений, а в качестве налогов собирать арендную стоимость земли, которую она приобретает вследствие роста и развития общества, и употреблять их на общественные нужды.

Мы не предлагаем вмешиваться в права собственности. Наоборот, мы полностью поддерживаем права собственности. То, что человек создает своими усилиями, физическими или умственными, это, мы считаем, принадлежит ему и никому более. Если человек вспахивает

поле и сажает пшеницу, то мы говорим, что он один имеет право на урожай с этого поля. Если человек строит дом, то он и должен им владеть, всем целиком. И мы утверждаем, что это несправедливо и нарушение священного права собственности, когда наши сборщики налогов приходят и говорят ему, что поскольку он обработал землю, построил дом, произвел или накопил богатство, государство требует с него определенную часть этого богатства. Мы говорим, что такая система несправедлива и что ни копейки не должно быть взято с человека, только потому, что он был предприимчив и бережлив.

Мы предлагаем оставлять труду все его произведения целиком. Мы предлагаем брать для общественных нужд ту ценность, что произведена не одним человеком, ту ценность, которая принадлежит земле, но не по причине того, что ее владелец сделал, а по причине роста и развития общества в целом. Мы говорим, что это справедливо, что это отдаст обществу то, что принадлежит обществу, и оставит человеку то, что по праву ему принадлежит. И поскольку это справедливо, то мы говорим, что это и мудро.

Мы говорим, что это плохая политика брать налог с людей за то, что они увеличили совокупное богатство общества; что благодетелем является тот, кто выращивает два колоска пшеницы там, где рос только один; что человек, строящий дом, делает добро не только себе, но и всему обществу; и что глупо облагать налогом людей за то, что они возводят дома, или обрабатывают поля, или возводят фабрики, или строят корабли, или делают что-либо иное, что увеличивает совокупное богатство общества. Мы говорим, что государство должно поощрять предпринимательство, а не подавлять его; что ни один налог не должен быть взыскан с предприимчивости, которая производит, или бережливости, которая накапливает. Мы говорим, что тот огромный фонд, который формируется, не забирая у человека ничего из того, что он производит, является специально предназначенным для общественных нужд источником дохода. Этот фонд мы предлагаем использовать, отменив при этом все другие налоги, и ввести единый налог на ценность земли, независимо от улучшений на ней, увеличив его как можно больше и как можно быстрее, до тех пор пока он не достигнет величины почти всей ценности земли.

Оглянитесь вокруг, и вы увидите какая польза произойдет от этого простого изменения. Как много обманов оно предотвратит. От какого

соблазна к взяткам и коррупции оно избавит.

Огромное преимущество налоговой системы, которую мы предлагаем, в том, налог может быть точно оценен, легко собран и не даст возможности проявиться тем многим обманам, что сейчас происходят повсюду, и не даст поводов для уклонения от уплаты налогов, которые сейчас существуют.

Земля не может сбежать, ее нельзя спрятать. Она лежит у всех на виду, ее стоимость может быть определена с большей точностью, чем любая другая стоимость. И обложив налогом только одну землю, мы сможем избавиться от целой армии чиновников. Мы повысим сбор доходов без наложения каких-либо ограничений на производство или, по крайней мере, несколько не снизив его. Наоборот, взимая налоги предложенным нами способом, мы предотвратим монополизацию природных ресурсов, которая везде ограничивает производство, и даже в больших и богатых странах производит бродяг и нищих. Монополизация природных ресурсов заставляет нас думать, находясь среди материального изобилия, что работа есть нечто хорошее само по себе. Благодаря этой монополии, даже в лучшие времена мы видим печальную картину тысяч и сотен тысяч людей, желающих работать, стремящихся к работе, но не имеющих возможности ее найти.

Мы считаем, что именно это является причиной всех проблем с трудовой занятостью. Мы считаем, что в этом кроется причина бедности. Всевышний не виноват в том, что ужасная, горькая борьба за существование является уделом миллионов. Это происходит не из-за непредусмотрительности Бога. Он предоставил всего достаточно и даже с избытком для всех нас. Все что нам нужно — это предотвратить монополизацию. Все что нам нужно — это обеспечить каждому человеку его естественные права.

Простой план, предложенный нами, полностью предотвратит монополизацию земли, сделав ее невыгодной. В чем соблазн монополизации земли? Член комиссии Спаркс в своем последнем отчете рисует очень яркими красками манеру, в которой общественная земля была скуплена спекулянтами, путем расширения грантов, делая фальшивые записи, везде стараясь завладеть землей раньше поселенцев. Почему? Чтобы нажиться на стоимости земли, которую она начнет приобретать, как только возникнет перспектива заселения.

В тот самый момент, как станет понятно, что какую бы стоимость

ни приобрела земля независимо от стоимости улучшений на ней, что такая стоимость будет взята на пользу общества, тогда соблазн скупки земель исчезнет совершенно. Но не только исчезнет соблазн в будущем скупать земли, но также земля, скупленная в прошлом, будет освобождена. Как только на спекулянта, владеющего 160 акрами пустующей сельскохозяйственной земли, с такой же тяжестью ляжет налог, как и на фермера, который распахал и обработал свою землю, и сделал на ней улучшения; как только владелец ценного участка под строительство будет платить одинаковый налог в независимости от того пустует ли этот участок, или на нем стоит великолепное здание; как только вы сделаете так, что с увеличением стоимости земли увеличивается и налог на нее, тогда монополисты, которые везде удерживают пустующие городские участки, невозделанные пахотные земли и закрытые шахты и не дают их людям, которые с удовольствием бы использовали их, будут вынуждены избавиться от этих земель.

Смотрите, как эта система заработала бы здесь в Нью-Йорке. Наше огромное население скучено, однако половина территории города не застроена! Почему? Не потому, что нет нужды в новых домах, не потому, что нет большого количества мест для застройки; но потому что места под застройку удерживаются людьми, которые не хотят или не могут использовать их сами, и не позволяют тем, кто хочет использовать их, иметь доступ к ним, пока те не заплатят им огромную сумму денег. Простым результатом изменения налоговой политики, которое мы предлагаем, будет то, что эти люди будут вынуждены либо сами застроить пустые участки, либо продадут их другим, кто застроит. В тот момент, когда люди, удерживающие землю будут вынуждены либо использовать ее, либо отказаться от нее, появится много свободной земли для всех тех, кто захочет ею пользоваться. Я не хочу сказать, что при этих условиях каждый человек пойдет и построит себе дом, или что все безработные страны станут фермерами или пойдут добывать руду в шахте. Но несомненно одно, что достаточное количество людей будет иметь возможность и воспользуется природными ресурсами, т. е. землей, для трудоустройства и тем самым снизится переизбыток рабочих рук на рынке труда. Избежав необходимости работать за зарплату у работодателя, они не только трудоустроят самих себя, но и поступая так — производя богатство того или иного вида — они будут создадут

спрос на труд других для целей производства. Таким путем станет возможным то, что каждый человек, желающий работать, будет иметь возможность найти широкие возможности для трудоустройства. И трудоустройство этой большой массы безработных в производственной сфере создаст огромный спрос на различные товары и услуги, который даст новый толчок для развития всех отраслей промышленности.

Вот в чем, вкратце, заключается учение, за которое мы выступаем.

Налог с ценности земель (Taxing Land Values)

I. Арендная плата не повысится с введением единого налога

Против предложение сосредоточить все налоги на ценности земель обыкновенно возражают, что собственники земель отвечали бы на всякое повышение налога с ценности земель равным ему повышением арендной платы. И именно мысль, что всякое повышение налога с ценности земель падало бы на лиц, пользующихся землей, а не на собственников земли, быть может, более, чем что-либо другое, мешает людям оценить должным образом то всеохватывающее и благотворное действие, какое оказало бы уничтожение налогов, падающих на труд или произведение труда, и отобрание в пользу общества той ценности, которая возникает в земле вследствие роста и преуспеяние общества.

Однако налог с ценности земель или, применяя политико-экономический термин, налог на ренту падает не на того, кто пользуется землей, и не может перелagаться собственниками земель на арендаторов. Это истина, признанная всеми более или менее известными экономистами. Как бы много они ни спорили относительно всего прочего, а относительно этого между ними нет спора. Какие бы смешные основание ни приводились некоторыми из их числа в защиту того мнения, что более не следует обращаться к налогу на ренту, все они одинаково признают, что налог на ренту всегда уменьшает прибыль собственников земли, никогда не перелagается на лиц, пользующихся землей, не повышает цен и не задерживает производства. Чтобы не приводить многих цитат, достаточно будет сослаться на Джона Стюарта Милля. В своих "Основах политической экономии" (Книга V, глава III, § 2) он говорит:

"Налог на ренту падает весь на землевладельца. Нет ему никакого средства переложить это бремя на кого-нибудь другого. Налог этот не возвышает ни ценности, ни цены земледельческого продукта, потому что она определяется стоимостью производства в наименее благоприятных обстоятельствах, а часть продукта производимого в

наименее благоприятных обстоятельствах не платит ренты, как мы уже доказывали много раз. Потому единственное действие налога на ренту — очевидное его действие. Он просто берет всю свою сумму у землевладельца и передает ее государству".

Причина этого ясна будет для всякого, кто усвоит принятую теорию ренты, — ту теорию, которой дано было имя Рикардо, и которую, по словам Джона Стюарта Милля, нужно только понять, чтобы признать доказанной. Причина этого ясна будет для всякого, кто вникнет, хотя бы, впервые, в сущность ренты и ее происхождение. Рента с земли представляет собой доход с права собственности, остающийся за вычетом той доли дохода, которой было бы достаточно, чтобы побудить к пользованию землей; она есть плата за дозволение пользоваться землей. Отбирая в налоге часть этой платы или всю ее, государство никоим образом не ослабляло бы побуждение пользоваться землей и не понижало бы дохода от этого пользования, никоим образом не уменьшало бы количества земли, которой можно пользоваться, и не затрудняло бы доступ к ней людям, желающим ею пользоваться. Не существует способа, каким налог с ценности земель или налог на ренту можно было бы переложить на людей, пользующихся землей. Требуя себе сколько бы то ни было из платы за дозволение пользоваться землей, государство лишь уменьшало бы, соответственно, чистую прибыль собственников земли от их права дозволять пользование землей или ту цену, которую они могли назначать при продаже их земли, — капитализируя ренту, действительную или ожидаемую.

Вот, например, участок земли, имеющий ценность, — где он находится — безразлично. Его рента или ценность определяется наивысшей платой, какую могут предложить за него лица, желающие им пользоваться. И понятно, что налог с этой ценности или налог на ренту, не увеличивал бы готовности платить за землю более, чем прежде, у лиц, желающих пользоваться, и возможности требовать более за пользование ею у собственников. Предположить, что такой налог мог бы быть переложен собственниками земли на владельцев ее, в сущности, значило бы допустить, что собственники земли берут теперь за нее не столько, сколько можно было бы взять, что они могли бы повысить плату за землю до любого размера всюду, где им захотелось бы.

А это, конечно, нелепое допущение. Цены могли бы расти

беспредельно, если бы они назначались только продавцом. Цена, какая может быть дана или получена за известный предмет, всегда устанавливается при взаимодействии двух желаний или стремлений: желание или стремление покупателя и желание или стремление продавца. Один хочет дать возможно меньше, другой хочет получить возможно больше, и тот пункт, на котором состоится обмен, есть как раз тот пункт, на каком оба эти желание или стремление приходят в равновесие и делается возможным соглашение. Другими словами, цена определяется уравнением спроса и предложении. И налог, очевидно, не может оказывать влияние на цену, если он не оказывает влияние на относительную величину того или другого из членов уравнения. Простое желание продавца больше взять, простое желание покупателя меньше дать, не может ни повысить, ни понизить цены. Не может повышать цены то, что не уменьшает предложение или не увеличивает спроса. Не может понижать цены то, что не увеличивает предложение или не уменьшает спроса. А налог с ценности земель, или отобрание государством части той платы, которую собственники земли могут брать за пользование землей, ни спроса на землю не увеличивает, ни предложение земли не уменьшает, и потому он не может повышать той цены, которую собственники земли могут брать с лиц, пользующихся землею. Для собственников земли является полной невозможностью переложить налог на лиц пользующихся землею в виде повышенной арендной платы.

При налоге с ценности земель, при неизменности прочих условий, арендные цены будут не выше, чем прежде, тогда как продажные цены земель, которые определяются чистым доходом, должны будут значительно понизиться. Всякий, кто покупал бы землю, платил бы менее продавцу, потому что после он должен бы был платить более государству.

И мало того, что налог с ценности земель не повышал бы арендной платы: в странах, подобных Соединенным Штатам, где так много ценной земли, которой никто не пользуется, он с силой стремился бы к понижению этой платы. Во всех городах, да и всюду у нас, мы видим множество земель, находящихся вне пользование или вне надлежащего пользование просто потому, что за них назначаются слишком, высокие цены людьми, которые не хотят или не могут пользоваться ими сами и которые удерживают их за собой только в надежде получить прибыль от возрастания их ценности вследствие роста народонаселения. Благодаря налогу с ценности земель люди эти

вынужденны были бы искать для своих земель арендаторов или покупателей. За землю, с которой не берется налогов, свободно может назначать высокую цену даже человек бедный, ибо землю кормить не надо. Но берите с той же земли высокий налог, и даже богатый человек вынужден будет искать для нее покупателей или арендаторов, а чтобы найти их, будет понижать цену, которую требует, а не повышать, ибо требуя меньшего, а не большего, ищет покупателя тот, кто в нем нуждается. Собственнику приходилось бы платить высокий налог с земли, которая ничего ему не приносит и ничего не обещает приносить в будущем при возрастании ее ценности, ибо это возрастание ценности сопутствовалось бы возрастанием налога, — и он предпочел бы передать ее кому-нибудь другому или вернуть государству. Не стало бы более собак на сене, — людей, которые всюду в нашей стране владеют землей, не пользуясь ею и не позволяя пользоваться другим. Обложить земли налогом приблизительно в размере ренты значило бы в конец уничтожить спекулятивные цены и понизить арендную плату в которую всегда входит спекулятивный элемент. А как неосновательно было бы думать, что собственники земель, имеющие арендаторов, могли бы переложить налог с ценности их земель на своих арендаторов, это можно видеть из того, как влиял бы этот налог на собственников, которые не имеют арендаторов. Рента растет не тогда, когда собственники земли ищут арендаторов, а тогда, когда арендаторы ищут земли.

Чтобы представить дело в форме наиболее понятной, рассмотрим два случая: во-первых, случай страны, в которой использована вся годная земля, и конкуренция арендаторов довела арендную плату до такого размера, что арендатор уплачивает собственнику земли почти все то, что он в состоянии добыть, довольствуясь одним голым существованием, и, во-вторых, случай страны, в которой использована не вся пригодная земля, и арендная плата, которую собственники земли могут требовать с арендаторов, определяется условиями, на каких арендаторы могут занимать еще не использованную землю. Каким образом, в обоих этих случаях, мог бы перелагаться собственниками земли на арендаторов налог с ценности земель, если бы он был установлен?

Заметим, что налог с ценности земель не есть налог на землю. Это совершенно различные вещи, и только лишь смешивая их признают, будто налог с ценности земель должен падать на лиц, пользующихся землей. Налог на землю, другими словами, налог с земель постольку

то с акра или фута, должен падать на лиц, пользующихся землей, не говоря уже о том действии, какое он может оказывать на спекуляцию. Ибо этот налог, падая ровно на всякие земли, — на самые плохие и невыгодные по местоположению в такой же мере, как на самые лучшие и выгодные, — становится условием пользования какой бы то ни было землей, от которого никто не может избавиться, и собственники земли присоединяют его к арендной плате. Действие его аналогично действию налога на производимые товары и сводится, в сущности, к сокращению предложения земель, которыми можно пользоваться, ибо при нем становится невозможным пользование малопродуктивными землями, на которых не возвращается уплачиваемый налог. Но налог на ренту (в экономическом смысле слова), или налог с ценности земель, падает не на всякую землю, а лишь на ценные земли и на эти земли — пропорционально их ценности. Таким образом его не приходится платить с самых плохих земель, находящихся в пользовании (которыми, собственно, и определяется рента); он не становится условием пользования землей и не уменьшает количества земли, которой можно с выгодой пользоваться. Потому собственники земли, с которой он взыскивается, не могут перелгать его на лиц, пользующихся их землей. Это различие между налогом на землю и налогом с ценности земли, — существенное различие в их действии, — никогда не следует упускать из виду.

Не следует также упускать из виду и того, что ценность земли есть нечто совершенно отличное от ценности улучшений. Это ценность, которая возникает не вследствие труда какого-либо индивидуума, но вследствие роста и прогресса общества. Налог с ценности земель не может, стало-быть, уменьшать награды за труд или за накопление богатства. Он просто берет в пользу всего общества ту ценность, которая создается всем обществом.

И если относительно налога с ценности земель или налога на ренту нельзя утверждать того, чтобы он падал на лиц, пользующихся землей, и распределялся в виде повышенных цен, то это с полным основанием можно утверждать относительно большинства тех налогов, посредством которых собираются теперь общественные доходы. Так, говоря вообще, налог на доходы с капитала падает не на собственников капитала, а на лиц, пользующихся капиталом, и перелгается ими на потребителей того, что производится при содействии капитала; налог на дома или строительные материалы уплачивается в конце концов в виде повышенной наемной платы

обитателями домов; сборы с промышленных заведений или ввозные пошлины уплачиваются в конце концов потребителями товаров. Факт этот далек от того, чтобы быть общепризнанным, иначе массы никогда не выражали бы своего согласия с системой собирания большинства наших налогов. Но смутное сознание его все же есть в людях, и именно оно, при всей путанице в мыслях, поддерживает убеждение, будто налог с ценности земель должен прибавляться к арендной плате. Однако, чтобы уничтожить это убеждение, надо только рассмотреть как это бывает, что люди, впервые уплачивающие налог, оказываются в состоянии переложить его на других людей путем повышения цен.

Акциз на спички, например, как это все мы знаем из опыта, дает фабрикантам или торговцам возможность назначать более высокие цены. Почему так? Да просто потому, что он увеличивает стоимость производства спичек и сокращает предложение их до тех пор, пока цена на них не станет вознаграждать за уплату налога. И именно убеждение в том, что налог будет увеличивать стоимость производства и сокращать предложение, побуждает торговцев повышать цены наличного товара тотчас же, как только вводится налог, и понижать, лишь только он отменяется. Но налог на ценность земель не может увеличивать стоимость производства земель. Земля не есть произведение человеческих рук. Человек не производит землю! Он, приходя в мир, находит ее уже существующей. Ее цена, следовательно, не определяется стоимостью производства и бывает всегда наивысшей ценой, какую только может предложить кто-либо за привилегию пользоваться ею. У земли, в отличие от предметов, которые должны быть произведены не иначе, как трудом, нет нормальной ценности, основанной на стоимости производства, и ценность ее изменяется от нуля до тех огромных сумм, какие уплачиваются в городах за участки на бойком месте или в горнозаводских округах за более богатые залежи, когда на них является спрос вследствие роста народонаселения. Потому налог с ценности земли не дает собственнику земли возможности требовать соответственно большей платы за свою землю или вообще увеличивать плату. Напротив того, делая более затруднительным удерживать землю праздною, он стремится увеличивать количество той земли, для которой собственникам приходится подыскивать арендаторов или покупателей. Потому следствием налога с ценности земель должно быть не повышение платы, которую вносят

собственникам земли арендаторы, а скорее понижение ее. И так как налог этот уплачивается из того, что получает с своей земли собственник, то следствием его должно быть также понижение цены, по какой земля могла бы быть продана в вечное владение. Возьмем, для примера, хотя бы участок земли на главной улице Нью-Йорка, приносящий его собственнику ежегодно \$10000. Такой участок в настоящее время стоил бы при продаже около \$250000. Установление налога с ценности земель не понизило бы его доходности, разве только повлияло бы на нее несколько в силу того обстоятельства, что при нем стали бы застраиваться пустые земли, лежащие на более далеком расстоянии от центра города. Но так как меньшая часть дохода стала бы оставаться у собственника, то продажная цена этого участка понизилась бы. И если бы налог с ценности земли можно было установить с таким теоретическим совершенством, что вся рента с земли отбиралась бы обществом, то собственники земли утратили бы и свой доход с ее теперешней ценности и всякую надежду на доход с ее будущей ценности. Земля сохранила бы прежнюю цену для лиц, пользующихся ею, но уже ровно ничего не стоила бы просто для собственников. За нее не дали бы прежних \$250000, за нее ничего не дали бы при продаже, так как всё, что уплачивалось бы ее арендатором, целиком поступило бы в пользу общества. При такого рода налоге, если бы даже он был установлен с теоретической точностью, просто собственников земли не стало бы более. Никто не стал бы гоняться за владением землей иначе, как ради того, чтобы пользоваться ею или производить на ней улучшения.

Общий закон, которым определяется тенденция налогов, таков: налог на предметы, цена которых удерживается на известном уровне благодаря возможности увеличивать их предложение, равно налог на методы или орудие производства таких предметов, увеличивая стоимость производства, сдерживает предложение, повышает цены этих предметов и падает в конце концов на потребителей. Иное дело налог на предметы, предложение которых не подлежит изменениям или монополизировано. Стоимость производства их не имеет значение для их цен, так как она не составляет определяющего элемента для их предложения, и потому налог на них не повышает их цен и падает целиком на их собственников.

Я счел нужным доказывать, что налог с ценности земли не может перелagаться собственниками земли на арендаторов, в виду тех усилий, которые делаются, чтобы запутать общественное мнение в

вопросах такого рода. Сами собственники земли понимают достаточно хорошо, что налог этот не может перелagаться ими. Иначе как можно было бы объяснить себе их противодействие единому налогу и их крики о „конфискации"? Из опыта пашей страны, как и из опыта всех других стран, мы знаем, что люди, обязанные уплачивать налог, который можно перекладывать на других, лишь в редких, исключительных случаях относятся к нему враждебно; обыкновенно же они относятся к нему благосклонно и даже противятся его отмене. Но слыханное ли дело, чтобы собственники земли отнеслись когда-нибудь благосклонно к налогу на ценность земель или противились его отмене?

II. Выгоды единого налога

Многие из возражений, делаемых против замены единым налогом с ценности земель всех прочих собираемых теперь налогов, касаются людей, которые являются в одно и то же время и собственниками земли и ее владельцами, каковы фермеры или поселенцы. Однако, выясняя основной принцип, необходимо принимать собственников земли и владельцев ее за два различные класса. И нужно сначала рассмотреть влияние этой меры на все общество, в его целом, и только потом определять влияние ее на какой-либо отдельный класс.

На интересах всего общества замена налогом с ценности земель всех прочих налогов сказывалась бы тремя путями:

I. Путем сокращения правительственных и общественных расходов.

II. Путем увеличения производства богатства.

III. Путем установления более справедливого и равномерного распределения его.

1. Упрощение правительства и сокращение общественных расходов

Сокращение правительственных и общественных расходов при замене единым налогом с ценности земель всех прочих налогов было бы отнюдь не маловажным. Мы сэкономили бы те деньги, которые уходят теперь на жалованье, премии и служебные расходы множества чиновников, занятых сбором и исчислением массы существующих налогов, государственных, региональных и муниципальных, и

прочими делами, неразрывно связанными с теперешней громоздкой системой. Мы избавились бы от услуг всех этих чиновников, как самых крупных, которые тягнутся по своему влиянию с губернаторами самодержавных штатов, так и самых мелких, которые следят, чтобы табак не продавался без бандеролей, чтобы разносчики не торговали без номеров, или обыскивают чемоданы и одежду пассажиров, проезжающих границу. Мы избавились бы от расходов на судебное преследование и тюремное заключение нарушителей нашего устава о пошлинах и сборах, а также и от затрат, нередко весьма значительных, на уклонение от платежа этих пошлин и сборов, — затрат, которые делаются все же народом.

Налог с ценности земель допускает большую точность исчисления, чем какой-либо то ни было другой налог, требуя менее всякого налога расходов на свое собирание. Земля — вся наружи; ее нельзя ни скрыть, ни утаить, и ценность ее определяется с чрезвычайной легкостью. Всякий сведущий комиссионер может сказать точную цену любого участка на какой угодно улице. Но чтобы определить ценность находящихся на нем построек, необходимо подробное исчисление специалиста, а ценность товаров, которые могут в них храниться, и вовсе не поддается исчислению посторонних лиц. Налог с земельных ценностей мог бы собираться до последнего цента сборщиком, сидящим в своей канцелярии. Расходуя лишь ничтожный процент на периодическую оценку земель и прием взносов, народ, в своей совокупности, получал бы для общих надобностей почти целиком всю ту сумму, которая вносилась бы плательщиками налога.

Однако последовавшее сбережение никоим образом нельзя было бы оценить, принимая в соображение только сокращение в расходах по собиранию налогов и по связанным с ним операциям. Один из крупнейших недостатков теперешних налогов состоит именно в том, что они распределяются в повышенных ценах, что сверх обычных явных сборщиков они создают целую вереницу замаскированных, и что каждый из этих тайных сборщиков берет себе потом не только внесенный им налог, но также прибыль на него и разные случайные надбавки, нередко весьма значительные. Всем известно, как энергично противились понижению акциза с виски американские производители этого напитка или отмене налога на спички — производители спичек. А так бывает со всеми косвенными налогами. Вводятся они обыкновенно без всякого затруднения, но отменять их бывает не легко. Лишь только вносится биль об отмене налога на

какой-либо предмет из массы их, обложенных налогами, как немедленно же в приемных законодательного собрания появляются разные личности, говорящие и действующие против такой отмены, — верный признак того, что налог этот приносит доход не одному только правительству, что он берет с народа не столько, сколько доставляет казне, а много более. Что эта система, побуждающая крупные частные интересы скорее поддерживать высокие налоги, чем заботиться об их понижении, должна вести к расточительности в правительственных, расходах и к развращенности чиновников, — понятно без дальнейших объяснений.

И этого мало, что установив налог с ценности земель и отменив все прочие налоги, мы избавились бы от крупных материальных потерь: мы избавились бы также от политической деморализации, которая обнаруживается всюду в нашей стране, как неизбежное следствие существующей системы, создающей огромное число чиновников, занятых сборианием налогов, и массу разнообразных денежных интересов, впутанных в дело государственного управления. Упростив правительство, мы положили бы конец развращающему влиянию денег на нашу политику, оказали бы поддержку честности и патриотизму и сделали бы невозможной карьеру государственных людей для торгашей и спекулянтов, а главное, мы подняли бы народную нравственность. Почти все налоги, которые мы предлагаем отменить, становятся в конце концов налогами на добросовестность, и почти всеми ими устанавливаются награды за подкуп, подлоги и обман, за развращение чиновников и пренебрежение к общественным интересам. В виду множества возможных сбережений для общества и государства, решится ли кто отрицать, что замена налогом с ценности земель всех прочих налогов была бы высшим благодеянием для страны, — что она в огромной мере содействовала бы общему благосостоянию? И сравнительно с такой "реформой гражданской службы" не будет ли казаться ничтожной полезная, сама по себе, реформа гражданской службы, осуществленная с огромной затратой времени и сил Джорджем Кёртисом в Соединенных Штатах*?

2. Рост производства

Теперешняя система, приурочивающая налоги к постройкам, улучшениям и, вообще, к капиталу во всевозможных видах и формах,

---

* Назначение чиновников по конкурентному испытанию. *Прим. перев.*

является системой прямой помехи производству.

Некоторые из Южных Штатов ввели недавно законы, по которым хлопчатобумажные мануфактуры избавлены были на известное число лет от платежа налогов, и в результате оказалось множество новых хлопчатобумажных мануфактур там, где ранее никто о них и не думал. Разве не благоразумно поступили в этом случае Южные Штаты? Разве эти хлопчатобумажные мануфактуры не создадут новых отраслей промышленности, не увеличат богатства целых округов, не обогатят целых штатов? И если они поступили благоразумно в этом случае, то не поступили ли бы они еще благоразумнее, сделав это освобождение от налогов, вместо временного, постоянным? И если благоразумно было освободить от налогов хлопчатобумажные мануфактуры, то не было ли бы еще благоразумнее освободить от налогов все прочие производства, все виды капитала, все формы богатства, — дома и товары, лошадей и коров, железные дороги и телеграфы? Разве не тот штат самый богатый, который имеет всего этого наибольшее количество? Чего же ради будут штаты облагать все это налогами? Население Нью-Йорка желает, чтобы понизились цены квартир, и в то же время взимаются сборы со строений, задерживающие постройку новых домов и отличающиеся от налога с ценности земель главным образом тем, что они уплачиваются в конце концов квартирантами в виде более высоких цен на квартиры.

За прямыми помехами производству, которые ставит теперешняя система, следует целый ряд косвенных со стороны косвенных налогов, передающихся в виде повышенной стоимости товаров от одного лица другому и возрастающих с каждой такой передачей. О действии их мы можем судить, хотя бы, по нашему таможенному тарифу, которым создаются на нашей границе искусственные преграды не меньшие, чем Анды или Гималаи, и который обходится народу во много раз дороже тех денег, какие он доставляет казне. Внося произвольные изменения в цены товаров, он достигает лишь одного: повсеместного стеснения трудовой деятельности, начиная с сооружения железных дорог и кончая постройкой деревянного сарая или изготовлением рубашек.

Ясно, что уничтожить все налоги, которые стесняют так промышленность, значило бы усилить повсюду производство и увеличить богатство. Но ясно также, что и установить налог с ценности земель значило бы устранить ряд помех к производству. Ибо спекулятивная ценность, которую получает теперь земля всюду, где

делается вероятным, что она потребуется для какого-либо дела, является прямой задержкой производству. Приобрести свободный участок земли под постройку дома, даже на окраинах наших больших городов, обходится обыкновенно не дешевле, если не дороже, чем построить самый дом. Прежде чем начать обработку девственной почвы там, где это представляется наиболее выгодным, фермер принужден бывает расстаться с большей частью своего капитала, спутать себя разными закладными или принять обязательство отдавать большую часть производимого им в виде арендной платы. В результате на дорогах оказывается масса бродяг и тяготение к центрам народа, который хочет работать, ищет работы, но не может ее найти даже во времена наибольшего оживления промышленности, а отсюда — неестественная конкуренция, которая во всех занятиях гонит заработную плату к минимуму, дающему одно голое существование, и с которой трудящиеся люди борются всюду, опираясь лишь на грубую силу. С одной стороны, мы видим чрезмерную скученность населения в городах, с другой — чрезмерную обособленность его в деревнях. Не говоря уже о нравственных, общественных и интеллектуальных невыгодах такого неестественного размещения народонаселения, его экономическим следствием может быть лишь препятствие к усовершенствованиям и растрата производительных сил.

Мера, которую мы предлагаем, устранила бы это препятствие и остановила бы эту растрату, ибо она уничтожила бы земельную спекуляцию и сделала бы продажную цену земли лишь номинальной. Никто не стал бы заботиться о том, чтобы захватить себе побольше земли, которой он не может пользоваться, и никто не стал бы владеть землей, не имея возможности пользоваться ею наилучшим образом. Фермеры в деревне стали бы теснее селиться друг к другу, а небогатые люди в больших городах избавились бы от необходимости жить в грязных квартирах многоэтажных домов. Капиталисту, который хотел бы построить фабрику, не нужно было бы затрачивать так много из своего капитала на приобретение земли. Ему приходилось бы лишь уплачивать ежегодно налог с этой земли в размере ее доходности, причем он не знал бы более никаких других налогов. Всяду следствием этой меры было бы расширение сферы применения труда и капитала, при полном освобождении производства от налогов. Люди, желающие работать, получили бы возможность работать. Не стало бы более той неестественной конкуренции, которая происходит от переполнения рынка рабочей

силой, а возникший затем спрос на товары привел бы в движение все части промышленного механизма и довел бы до высшего напряжения все силы, участвующие в производстве.

Ясно, что это в огромной мере содействовало бы общему благоденствию и росту народного богатства.

3. Более справедливое распределение доходов

Все налоги, ведущие к повышению цен, в силу этого являются также налогами, благоприятствующими развитию монополий, ибо чем более требуется капитала для ведения какого-либо дела или для усовершенствований в нем, тем менее находится охотников им заниматься. А некоторые из числа таких налогов, подлежащих отмене при нашей реформе, как бы нарочно приспособлены к тому, чтобы оказывать содействие монополиям. Неравенству в распределении богатства, искусственному и не необходимому, благоприятствует и то обстоятельство, что значительная доля производимого трудом и капиталом страны, достается в виде ренты людям, не участвующим в производстве, — собственникам земли в силу их права собственности. А возникнув, неравенство всегда обнаруживает тенденцию к росту или увеличению, Это — как бы мировой закон, что "всякому имеющему дано будет, а у неимеющего отнимется". Взять у одного и дать другому всегда и везде значит увеличить относительное влияние одного и уменьшить относительное влияние другого и тем самым поставить обоих в неравное положение при установлении последующих норм распределения. Проследите происхождение большинства крупных состояний, и вы всегда найдете его в монополиях того или другого рода, причем самой важной из них окажется монополия на землю. Бывают случаи, что капитал получает несоразмерную долю производимого богатства за свое содействие производству (собственно там, где скопляясь он объединяется в монополии), — однако не потому огромное развитие производительных сил, к которому приводил и приводит прогресс изобретений и рост народонаселения, не сказывается на подъеме благосостояния массы, — не потому трудящийся народ получает так мало на свое пропитание, и не потому заработная плата стремится к минимуму, могущему только поддерживать существование. С прогрессом промышленности и развитием общественных учреждений процент, которым измеряется доход с капитала, не повышается, а

скорее обнаруживает тенденцию к понижению. Лишь рента все растет, растет и растет. Направить на удовлетворение общественных надобностей этот огромный фонд, создаваемый производительной деятельностью всего общества, но поступающий теперь в пользу лишь части общества, значило бы превратить силу, порождающую неравенство, в силу восстанавливающую равенство. Освободить капитал от налогов, которые стесняют теперь производство и задерживают улучшения, уничтожить земельную спекуляцию и сделать землю доступной для всякого желающего ей пользоваться, значило бы дать полный простор для всевозможных приложений труда и капитала и увеличить повсюду размер заработной платы. Рабочим во всех отраслях производства, стало бы доставаться более справедливая, чем теперь, доля ценности, создаваемой их трудом.

Не может быть и сомнения в том, что на каждом из этих трех указанных нами путей влияния замены единым налогом с ценности земель всех прочих налогов, при помощи которых собираются теперь государственные доходы, было бы благотельным для всего общества. Замена эта в огромной мере упростила бы и удешевила правительство; она в огромной мере увеличила бы производство богатства; она устранила бы то грубое неравенство в распределении, которое так мучительно сказывается теперь повсюду. А вникнув в предмет, мы заметим, что каждое, улучшение в одном из этих направлений само собою вело бы к улучшениям в других, — большее равенство в распределении, например, содействуя распространению образования и проявлениям изобретательности, увеличивало бы в огромной мере силы, занятые производством, а повышая общий уровень нравственности, делало бы правительство более чистым, более способным удовлетворять своему назначению, и сокращало бы экономические потери, связанные с нравственной распущенностью.

4. Кто выиграет, а кто проиграет от реформы

По отношению к факторам производства и первичному распределению продукта общество разделяется, для целей экономического исследования, на три класса: собственников земли, капиталистов и рабочих. Предлагаемая нами перемена, очевидно, была бы выгодна для капиталистов и рабочих и невыгодна для собственников земли. Однако только лишь в отвлечении можно

разграничивать строго эти классы, особенно в таких странах, как Соединенные Штаты. Правда, у нас есть значительный класс рабочих, которые не имеют ни земли, ни капитала. Но все же у нас найдется очень немного капиталистов, которые не были бы в то же время работниками, ибо, в экономическом смысле слова, хозяин, руководящий каким-либо крупным промышленным предприятием, является в такой же мере работником, как и всякий рабочий, которого он нанимает, и, вероятно, у нас не окажется ни одного собственника земли, который не был бы в то же время работником или капиталистом, ибо, согласно точному определению термина, здание и улучшение суть капитал, а не земля*. Весьма значительная часть населения нашей страны представляет из себя одновременно землевладельцев, капиталистов и работников, и, конечно, огромное большинство может считать себя принадлежащим по меньшей мере к двум из этих классов. Таким образом выигрышу, в котором участвовал бы каждый член общества, только лишь одни собственники земли, как таковые, могли бы противопоставить известные личные потери. Стало быть, предложение сосредоточить налоги на ценности земель, рассматриваемое с точки зрения личных интересов, было бы выгодно даже и для собственников земли в тех случаях, когда их интересы, как собственников земли, не слишком преобладают над их интересами, как капиталистов или работников, или тех и других вместе.

По отношению к праву собственности на землю или праву владение ею население Соединенных Штатов может быть разделено на три класса: на класс людей, которые имеют землю, но сами ею не пользуются; на класс людей, которые имеют землю и сами ею пользуются, и на класс людей, которые вовсе не имеют земли. К последнему классу принадлежат и некоторые капиталисты, но главным образом он составляется из работников разного рода, — сельскохозяйственных рабочих, чернорабочих, фабричных, ремесленников, менеджеров, лиц свободных профессий и др., которые поддерживают свое существование своим трудом. Это класс, на

---

* Собственно, они — богатство, и могут быть или не быть капиталом, смотря и по тому употреблению, какое из них делается. Однако для нас, в этом рассуждении, не представляется необходимым удерживать в виду различие между капиталом и богатством, так как при перемене, предлагаемой нами, всякое богатство было бы свободно от налогов, все равно, есть ли оно просто богатство или является в то же время и капиталом, — другими словами, применяется ли оно просто к удовлетворению желаний собственника или также к общим производительным целям.

котором по преимуществу следует останавливать внимание, и не в силу каких либо сентиментальных соображений, а просто потому, что он составляет основание общественной пирамиды, и все, что улучшает или ухудшает его положение, сказывается соответственно и на всем обществе. Ясно, что уничтожить, налоги на капитал, на улучшения, на производство и на обмен значило бы в огромной мере облагодетельствовать тех, которые живут своим трудом, физическим или умственным. Ясно также, что уничтожение этих налогов было бы благодеянием и для тех, которые живут отчасти на приобретение своего труда и отчасти на приобретения своего капитала — для оптовых и розничных торговцев, фабрикантов и т. п. лиц, — и что увеличивая чистую прибыль на капитал оно было бы благодеянием для тех, которые живут исключительно с дохода на капитал.

Возьмем теперь случай излюбленный противниками единого налога, — случай фермера, который обрабатывает собственную землю, или случай мелкого городского собственника, живущего на принадлежащей ему земле. Не подлежит сомнению, что перемену в налогах, которую мы предлагаем, понизила бы продажную цену их земли (но только голой земли, отнюдь не строений или улучшений), а будучи доведена до конца, по существу дела и вовсе уничтожила бы эту продажную цену. Однако она никоим образом не уменьшила бы полезности их земли и никоим образом не сократила бы их дохода. Доход их, в сущности, увеличился бы, ибо им приходилось бы при новом порядке платить менее налога, чем сколько платят они теперь. Менеджер, ремесленник, торговец или человек какой-либо свободной профессии, имеет дом на собственной земле, в котором он живет, быть может, стал бы платить более, чем теперь, налога с земли, но за то он избавился бы от налогов, падающих теперь на его дом со всем, в нем находящимся, косвенно на все, что потребляет его семья. Также и фермер. Наши теперешние налоги с особой силой падают на земледельческий класс. Всюду в Соединенных Штатах они взимаются с улучшенной земли в большем размере, чем с неулучшенной, и, повышая в огромной мере цену всего, что приходится фермеру покупать, не повышают и, в стране, вывозящей хлеб, не могут повышать того, что ему приходится продавать. Но сделав единственным предметом обложения ценность земель, мы сразу переместили бы главную тяжесть налогов из редконаселенных земледельческих районов в густонаселенные центры, где земля имеет действительно высокую ценность. Вместе с тем уничтожились бы

спекулятивные цены на землю, и многим фермерам, в результате, вовсе не приходилось бы платить налогов, ибо никто из них, даже сделав крупные улучшения на своей земле, не должен бы был платить с нее более налога, чем сколько платится его с неулучшенной земли такого же качества и местоположения. Очевидно, для фермера было бы великое облегчение, если бы отменены были все налоги, падающие на его улучшения и на предметы, им потребляемые, и заменены были налогом с ценности голой земли, — с ценности, всегда более высокой в населенных центрах, чем земледельческих районах, и в редко заселенных земледельческих районах едва ли и вовсе существующей, кроме тех случаев, когда она создается спекуляцией. Да и новое размещение народонаселения, которое должно было бы наступить, заключало бы в себе не мало выгод для фермеров. Как выгадало бы население городов при уничтожении той системы, которая приводит к постройке многоэтажных домов, переполненных жильцами, среди участков пустыющей земли, так выгадало бы и население деревень в производительности труда и общественных удобствах, при более тесном сближении поселков, когда не стало бы более побуждение захватывать себе более земли, чем сколько может быть использовано.

Не будем терять из виду и того, что если и понизилась бы цена какой-либо земли, то это понижение коснулось бы также всех прочих земель, и, стало быть, меновая ценность какой-либо усадебной или полевой земли не изменилась бы по сравнению с ценностью всякой другой усадебной или полевой земли. Человек, желающий сохранить за собой и своим семейством прочное владение землей, на которой стоит его дом, или полем, которое он обрабатывает, понес бы лишь чисто номинальные, неощутимые потери, имея огромные и вполне реальные выгоды; когда же подросли бы его дети, то для них стало бы делом несравненно более легким приобрести собственный дом или поле.

Кто действительно должен бы был понести потери, так это люди, чьи доходы составляются главным образом из ренты, да люди, которые владеют землей в надежде получить впоследствии большую прибыль от продажи ее желающим ею пользоваться. Однако, если и есть люди, принадлежащие исключительно к этому классу, то их во всяком случае очень немного. Все наши крупные землевладельцы являются в то же время в большей или меньшей степени капиталистами, и они выигрывали бы как капиталисты, хотя, может

быть, и теряли бы как собственники земли. А если иногда относительная потеря и превышала бы относительный выигрыш, то только лишь в случае людей, могущих без вреда выносить такого рода потери (для лиц, находящихся в исключительном положении, как, например, вдовы, можно бы было выработать особые меры предосторожности). Если, не смотря на дело с какой либо узкой точки зрения, то всюду будет оказываться справедливым, что истинные интересы индивидуумов совпадают с высшими интересами общества.

Есть люди, как профессор Харрис, которые возражают против нашего предложение на том основании, что ренты было бы недостаточно для покрытие всех общественных расходов. И есть другие люди, как профессор Уокер, которые возражают против него на том основании, что ренты для этой цели было бы слишком много, что стал бы получаться огромный излишек, который сделался бы причиной общественного разложение и деморализации. Мы можем предоставить обеим этим категориям "статистиков" сговариваться между собой без нашего вмешательства. Будет ли ренты в Соединенных Штатах или каком-либо отдельном штате недостаточно для покрытие необходимых общественных расходов или ее будет для этого слишком много, — это нимало не изменяет самого принципа. Если ее будет недостаточно, то это не оправдание для того, чтобы ею не пользоваться в той мере, в какой ее будет хватать. Если ее будет слишком много, то это не оправдание для того, чтобы отдавать индивидууму то, что по праву принадлежит обществу.

Ближайшим следствием сосредоточение налогов на ценности земель было бы прекращение земельной спекуляции и, в общем, падение цен на землю. Однако свобода, которую получила бы промышленность, когда уничтожены были бы все налоги, задерживающие производство, и открыт был бы доступ к земле, находящейся теперь вне пользования, вскоре же стала бы являть свое могучее действие в смысле побуждения к улучшениям и увеличение общего благосостояния, а вместе с тем, как это всегда бывает с прогрессом общества, стала бы подыматься действительная (неспекулятивная) ценность земель, стал бы возрастать тот общественный фонд, который можно бы было употреблять для общих надобностей, не налагая никакого бремени на промышленность. Непрерывно возрастая, фонд этот в короткое время достиг бы таких размеров, какие показались бы теперь необычайными, и было бы

совершенно напрасно при этом опасаться, что для него могло бы не оказаться тогда достаточно благодетельных применений, ибо как бы быстро он ни возрастал, с развитием общества росли бы также и общественные нужды. Что же касается развращающего влияния какое могло бы оказывать на власть распоряжение таким огромным бюджетом, то мы уже не боялись бы его, зная, что, бросив принятые теперь способы собирания налогов, мы чрезвычайно упростили бы функции правительства, и что улучшив общественные условия, уничтожив нужду и боязнь нужды, мы вместе с тем подняли бы и общий уровень нравственности. В человеческой природе нет ничего такого, что препятствовало бы людям в делах общественных быть такими же добросовестными, какими они бывают в делах чисто личных; и когда богатство перестанет быть предметом поклонения, тогда народ поймет, какое право имеет честность на его уважение.

Сосредоточить все налоги на ценности земель значило бы сложить тяжкое бремя с труда и капитала, освободить от пут энергию и предприимчивость, уничтожить побуждение к земельному хищению и открыть доступ к естественным удобствам для всякого, желающего ими пользоваться, не принуждая его, как теперь, платить за то тяжелую пошлину какому-то другому лицу, не принимающему участие в производстве. А за свободой действия, предоставленной таким образом производительным силам, необходимо последовало бы огромное увеличение производства богатства. Фонд, из которого должны получаться все доходы, чрезвычайно возрос бы, а вместе с тем установилось бы и наиболее полное равенство в распределении. Свобода действия оказалась бы существенно важным условием не только наиболее деятельного производства, но также и наиболее справедливого распределения.

Для того, кто лишь вскользь думал об этом предмете, покажется нелепостью говорить о простой перемене в налогах, как о радикальном средстве против нищеты, низкой заработной платы и всех общественных зол, которые гнетут теперь цивилизованный мир.

Но тот, кто вникнет в предмет, поймет, что это действительно радикальное средство и что с ним мы уверенно можем идти к тем великим целям, которые имеем в виду. Ибо снять тяжесть налогов с производства и накопления богатства и возложить её на присвоение того элемента, который доставляет сырые материалы богатства, значило бы устранить преграды к естественному взаимодействию общественных сил, оказывающие на общественный организм такое

же : действие, какое оказывали бы на тело человека повязки и лигатуры, задерживающие обращение крови. И только признав общее и равное право на землю, мы могли бы обеспечить личное и исключительное право на производство труда и согласовать наши наиболее важные общественные учреждение с высшим законом справедливости.

Мир сотворен Богом

(Приложение к открытому письму Папе Римскому Льву XIII)

1. Мир сотворен Богом.
2. Люди, попадающие в этот мир лишь на короткий срок своего земного существования, имеют равные права на щедрость и попечение Божьи.
3. По своей природе человек испытывает телесные нужды, от удовлетворения которых зависит не только поддержание жизни тела, но также развитие его интеллектуальных и духовных способностей.
4. Бог сделал так, что удовлетворение этих нужд зависит от усилий самого человека, и дал ему для этого силы, обязав трудиться. Трудовая деятельность ставит человека гораздо выше животных, поскольку мы можем с уверенностью сказать, что труд помогает человеку творить.
5. Бог, обязав человека трудиться, снабдил его при этом и подручными материалами для этого. С необходимостью и способностью работать, человеку также был дан материал для труда. Этим материалом является земля. Причем человек сам по себе есть ни что иное как наземное животное, которое может жить только на земле и от земли, и может пользоваться другими элементами, такими как воздух, солнечный свет и вода, только при наличии земли.
6. Будучи равными созданиями Бога, а также одинаково наделенными Им правом на жизнь и на удовлетворение своих потребностей, люди одинаково наделены правом на пользование землей, и любое узаконение, которое отрицает равное пользование землей, является безнравственным.
7. Будучи созданными в виде личностей, с личными нуждами и возможностями, люди индивидуально наделены (при соблюдении, конечно, моральных обязательств вытекающих из межличностных отношений таких, например, как семейных) правом на пользование своими силами и на наслаждение плодами своих усилий.
8. Отсюда происходит, независимо от человеческого закона, черпающее свою законность в законе Бога, право частной собственности на вещи, произведенные трудом — право, которое владелец может передать, но лишение которого без его согласия является кражей.
9. Это право частной собственности, вытекающее из права человека

на самого себя, является единственно законным правом собственности. Оно применимо к вещам, произведенным трудом, но не может применяться к вещам, произведенным Богом.

10. Право частной собственности может справедливо применяться только к вещам, но не к земле. К земле может быть применимо только право частного владения.

11. Существует большая разница между право частного владения вещами, созданными Богом, и правом частной собственности на вещи, произведенных трудом. Первое ограничено, второе безгранично, за исключением случаев, когда чувство самосохранения уничтожает все остальные права. Цель исключительного права владения землей есть просто сохранение другого права — исключительной собственности на плоды труда; и первое никогда не должно нарушать второе. До тех пор пока исключительное владение землей не нарушает равные права других людей, человек может по праву владеть землею.

12. Чтобы объединить преимущества частного владения со справедливостью общей собственности, достаточно просто брать для общих нужд ту ценность, какой обладает земля, независимо от любых улучшений, сделанных на ней.

13. Мы предлагаем, оставив землю во владении частных лиц и предоставив им полную свободу дарить, продавать или завещать ее, просто забирать в общую пользу налог, который будет равен годовой ренте земли, независимо от способа ее употребления и улучшений на ней. И поскольку это обеспечит достаточное количество средств на все общественные нужды, мы, одновременно с введением этого налога, отменим все прочие налоги на плоды труда и средства производства — те налоги, которые будучи собираемы с плодов труда, мы считаем нарушением права частной собственности.

Изучение политической экономии

(Лекция, прочитанная студентам Калифорнийского университета 7-го марта 1877 г.)

Я полагаю, что назначение этих лекций состоит не столько в том, чтобы дать слушателям известную сумму знаний, сколько в том, чтобы вызвать в них интерес к науке, и я в своей лекции буду иметь в виду одну только цель—направить вас на путь самостоятельного размышления. Я не буду излагать вам законов политической экономии, не буду касаться и ее нерешённых вопросов, даже тех, по которым я составил себе определенное мнение. Я постараюсь лишь дать вам некоторое понятие о простоте и точности этой науки, признаваемой часто очень сложной и неопределенной, выяснить легкость, с какою она может быть изучаема, и отметить причины, которые делают изучение ее достойным вашего внимания.

О важности вопросов, с которыми имеет дело политическая экономия, едва ли нужно будет говорить. Наука, исследующая законы производства и распределения богатства, касается предметов, к которым направлено по меньшей мере девять десятых наших усилий и по меньшей мере девять десятых человеческой мысли. В ее область входит все, относящееся к заработку трудящихся и прибылям капиталистов; все, касающееся торговли, денежного обращения, финансов, налогов и общественных расходов,—все, что так или иначе влияет на сумму богатства, которая распределяется в обществе, и на характер этого распределения. Не будучи наукой о государственном управлении, она является тем не менее существенно важной для науки о государственном управлении. Имея непосредственное отношение только к тому, что называется инстинктом себялюбия, она тем не менее касается тем самым и самой основы высших качеств нашей души. Законы которые она стремится раскрыть, суть законы, в силу которых государства становятся богатыми и населёнными или падают и гибнут,—законы, от которых зависят благосостояние, счастье и удобство нашей личной жизни. А так как развитие более благородной части человеческой природы могущественно изменяется материальными условиями, если только не целиком от них зависит, то и законы, изыскиваемые политической экономией, являются законами, которыми в конце концов определяется и умственное, и нравственное, и физическое состояние человечества.

Ясно, что эта наука имеет для нас из всех наук наибольшую важность. Как ни полезны, как ни благородны науки, раскрывающие перед нами широкое понимание природы, рассказывающие нам историю седой старины или изыскивающие законы нашей телесной или душевной организации, но что они значат сравнительно с наукой, изучающей те условия, которые только и делают возможной разработку всех прочих наук? Сравнивая на этой почве практической полезности политическую экономию с другими науками, невольно хочется вложить в уста изучающего ее слова известного грека: «я не умею играть ни на каком инструменте, но я могу из маленькой деревушки сделать большой и цветущий город».

Тут сам собою возникает вопрос: «Почему же науке, столь важной, уделяют так мало внимания?» Наши законы то и дело игнорируют ее самые простые и ясные принципы, а что это невежество в отношении ее не ограничивается одними так называемыми необразованными классами, можно видеть и из споров в наших законодательных палатах, и из решений наших судов, и из речей лидеров наших партий, и из передовых статей наших газет. Сто лет прошло с тех пор, как Адам Смит выпустил в свет свое «Богатство народов», и шестьдесят с тех пор, как Рикардо провозгласил свою теорию ренты. И однако политическая экономия со времени Рикардо не подверглась сколько-нибудь существенным улучшениям.

Тысячи новых открытий в отраслях человеческого знания быстро получили самое широкое приложение и стали общим достоянием; самые крайние выводы других наук сделались частью основных научных построений, а истины, проповедуемые политической экономией, по видимому, не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на мысль людей, и даже до сего времени еще остается вопросом, можно ли считать наукой политическую экономию и будет ли она ею когда-нибудь.

И это обстоятельство нельзя объяснить бедностью политико-экономической литературы. По предмету ее написано было за последнее столетие столько книг, что ими можно было бы наполнить обширную библиотеку; во всех наших высших учебных заведениях имеются кафедры политической экономии, и внимание общества то и дело привлекают к себе вопросы, при обсуждении которых ближайшим образом затрагиваются основные начала этой науки.

Мне думается, причиной малого внимания к политической экономии является частью природа самой науки и частью способ,

каким она разрабатывалась.

Прежде всего, самая важность предмета, с каким имеет дело политическая экономия, создает преграды к ее изучению. Открытия других наук могут идти в разрез с превратными понятиями, но выводы политической сталкиваются с денежными интересами и таким образом бьют прямо по чувствительному карманному нерву. Нет такого учреждения, в сохранении которого не был бы заинтересован более или менее значительный общественный класс, и потому политическая экономия всегда будет встречаться с людьми, которые будут смотреть на нее так, как смотрели эфесские серебряники на людей, доказывавших бесполезность постройки алтарей Диане. Маколей совершенно верно заметил, что если бы какой-нибудь денежный интерес был связан с отрицанием силы всемирного тяготения, то не было бы недостатка в спорах и против наиболее очевидного из всех физических явлений. И именно такая трудность спутывала и спутывает политическую экономию при ее поступательном движении. Человек,

который заинтересован или воображает себя заинтересованным в сохранении покровительственного тарифа, может с удовольствием слушать все то, что будут говорить ему наши профессора о составе солнца или о развитии видов, но с какою бы ясностью вы ни стали доказывать ему бесполезность и расточительность стеснения торговли, он все равно не поймет вас. Подобным образом вы тщетно бы стали доказывать человеку, рассчитывающему нажиться от железнодорожной субсидии, что все эти измышления, изменяющие направление для приложения труда и капитала, должны вести скорее к потерям, чем к выигрышам. Какое же противодействие должна тогда выдерживать наука, имеющая дело с тарифами и субсидиями, с банковскими процентами и с облигационными займами, с рабочими союзами и стачками капиталистов, с пошлинами и налогами, с торговыми патентами и способами владения землею! Против нее выступит не просто невежество, а невежество, опирающееся на эгоистичный интерес и разъяренное страстями.

И в то время, как себялюбие будет побуждать людей выдавать простакам за политическую экономию нелепости разного рода, сложность явлений, которые ведает эта наука, будет очень облегчать им их дело обмана. Человек, привыкший полагаться на других в деле мышления, видя, как выдаются под именем этой науки самые разнородные мнения, легко и просто сделает вывод, что в

политической экономии всякий найдет для себя то, что ему нравится. И что особенно плохо, так это то, что даже за пределами самоуверенного шарлатанства, в изложении ее истинных учителей, политическая экономия представляется в значительной мере разрозненной и неопределенной. В изложении лучших учебников политическая экономия может быть уподоблена красивой статуе, лишь наполовину высеченной из мрамора, или пейзажу, часть которого вырисовывается отчетливо и ясно, а все остальное покрыто туманом. Я не могу входить здесь в большие подробности, но что именно таково положение дел, это вы можете видеть и из неспособности политической экономии дать сколь-нибудь ясный и удовлетворительный ответ на наиболее важные из жизненных вопросов нашего времени, каким является хотя бы вопрос о причинах экономических кризисов, и из путаницы в мыслях, какая откроется пред вами при мало-мальски внимательном изучении даже лучших из учебников. Вся сила мысли ученых людей, все их искусство ушли лишь па разные тонкости и хитроумные построения, на бесплодные споры и словопрения, и самые важные общественные явления остаются неисследованными. И вот простой и привлекательной науке придан был вид чего-то отталкивающего, темного, неопределенного.

А там,—думается мне, под влиянием той же основной причины,—сложился взгляд на политическую экономию, восстановивший против нее все чувства и предрассудки людей, которые всего более могли бы выиграть от ее разработки. Имя политической экономии постоянно призывалось в борьбе против рабочих классов, добивавшихся повышения платы и сокращения часов работы. И от имени политической экономии проповедывался рабочим классам тот богохульный догмат, всегда внушаемый угнетателями угнетенным, будто Творец присудил одну часть своих созданий к жизни в неустанных трудах и лишениях, тогда как другой части дал право пользоваться всеми плодами земли и всем изобилием ее,—как проповедывалось от имени Христовой церкви божественное установление рабства. Поскольку дело касалось важнейших общественных вопросов времени, политическая экономия всегда представлялась большинству ее признанных служителей, как научное оправдание того, что есть, и в ее удобной формуле предложения и спроса они всегда склонялись видеть средство, которым Провидение так твердо устанавливает известную норму заработной платы, что ее не поколеблют никогда никакие решения рабочих. Да и не одни только

невежественные писаки так унижали имя и термины политической экономии. Обычная окраска ее так велась в самую глубину ее, что от нее не были в состоянии избавиться даже люди, подобные Джону Стюарту Миллю. Даже люди смелого ума сторонились от исследования принципов, грозящих крупным «законным» интересам, тогда как менее разборчивые в средствах всю свою изобретательность расходовали на то, чтобы как-нибудь исключить из состава науки все то, что так или иначе могло вредить этим интересам. Возьмите лучшие и наиболее распространенные учебники. Они настаивают на свободе для капитала и оправдывают на основании полезности ту себялюбивую жадность, которая прибавляет к состоянию состояние и делает сердца людей нечувствительными к слезам бедняков. Но какую утеху дают они в то же время несчастным рабочим, кроме советов воздерживаться от рождения детей?

На что можно надеяться, когда руки, которые должны бы были давать хлеб, вместо него предлагают камень? Есть ли какое-нибудь основание ожидать, зная человеческую природу, чтобы народные массы, хотя и смутно, но все же глубоко сознающие несправедливость существующих общественных условий, понимающие, что их теснят и жмут каким-то образом, стали бы приветствовать истину в том частичном выражении, какое дает ей наука,—чтобы они стали с доверием относиться к тем системам знания, которые, по видимому, стремятся лишь обелить неправду, возвести в долг святости себялюбие, будто бы гармонирующее с принципом полезности, и представить высшим благодетелем человечества скорее Ирода, чем Винсена де Поля? Есть ли что удивительного в том, что они в своем невежестве склоняются к нелепостям покровительственной теории и к тем жалким учениям, которые вообще известны под именем социализма?

Я так долго остановился на исследовании вопроса, почему политическая экономия приобрела в народном представлении характер науки неопределенной, темной, исполненной духа себялюбия, единственно для того, чтобы мне легче было доказать вам, что ни одно из упомянутых качеств не может считаться действительно свойственным этой науке. Мне хотелось бы побудить вас к ее изучению, показав вам всю ее ясность, простоту и полезность, —те качества, какими она если не обладает, то во всяком случае может и должна обладать.

Хотя политическая экономия имеет дело с самыми разнородными

и сложными явлениями, тем не менее все эти явления таковы, что они всегда могут быть разложены на простейшие элементы и представляют из себя лишь, так сказать, проявления самых обыкновенных принципов. Предпосылки, из которых она делает свои выводы, суть истины, известные каждому из нас, — истины, на которых мы то и дело основываем свои поступки и рассуждения в нашей повседневной жизни. Ее процессы, состоящие главным образом из анализа, имеют подобную же точность, хотя, в виду крайней переплетаемости следствий со следствиями в общественной жизни, она не может предсказывать точно результатов и ограничивается лишь тенденциями.

И хотя при изучении политической экономии мы не можем пользоваться тем могучим методом опыта в искусственно произведенных условиях, который оказал такие ценные услуги физическим наукам, тем не менее мы можем не только видеть во всем разнообразии человеческих обществ уже произведенные для нас опыты, но и пользоваться в широкой степени методом, аналогичным методу химиков, который может быть назван умственным опытом. Мы можем отделять, комбинировать или выделять условия у себя в воображении и таким образом испытывать действие известных начал. Метод этот кажется мне одним из главных орудий политической экономии, с которым все вы близко знакомы и которым пользуетесь, без сомнения, каждый день, хотя бы и не давая себе в нем отчета. Я позволю себе пояснить то, что я хочу сказать, на примере, не имеющем отношения к политической экономии.

Когда я был мальчиком, я ходил на набережную вместе с товарищем смотреть первый железный пароход, пришедший из-за океана в Филадельфию. Слышать о железном пароходе было для меня тогда чем-то в роде того, как слышать о свинцовом змее или о деревянной кухонной печке. Не долго мы побыли на палубе этого парохода, как мой товарищ заметил презрительным тоном: «Э! я вижу, в чем дело. Он весь выложен деревом, потому-то он и плавает». Я не мог в ту минуту возражать ему, но не удовлетворился его объяснением и, сойдя на берег, стал доискиваться истины, производя опыты в уме. Если бы плавать этому пароходу позволяло дерево внутри его, то в таком случае, чем больше

было бы в нем дерева, тем выше поднимался бы он из воды. И вот в уме я нагрузил его деревом. Но, будучи хорошо знаком с процессом изготовления лодок из деревянных чурок, я сразу заметил, что он

погрузился бы глубже, а не поднялся бы выше. Затем я мысленно выбрал из него все дерево, подобно тому, как мы выдалбливали наши деревянные лодки, и понял, что таким образом облегченный пароход поднялся бы еще выше. Затем в воображении я проделал в нем дыру и понял, что вода устремилась бы в него, и он стал бы тонуть, как то бывало с нашими деревянными лодками, снабженными свинцовым килем. И таким образом я увидел с такою же ясностью, как если бы я на самом деле производил эти опыты над пароходом, что плавать ему позволяла не деревянная обшивка внутри него, а его пустота, или, как я выразился бы теперь, вытеснение воды.

Именно такого рода умственные действия вы, без сомнения, производите каждый день, пользуясь при этом тем методом воображаемого опыта, который оказывается столь полезным для политико-экономических исследований. Вы можете таким образом преобразовывать умственно предложения или явления, всесторонне рассматривать их, уединять, расчленять, разлагать или, пользуясь как бы увеличительным стеклом, представлять их себе в большем размере и открывать в них несообразности, как *reductio ad absurdum*. Позволю себе привести еще один пример.

Прежде чем мне пришлось читать что-либо по политической экономии, мне пришлось слышать длинную и хорошо составленную речь в защиту покровительственного тарифа. До того времени я считал «покровительство отечественной промышленности» за нечто хорошее, и не потому, что я сам составил себе определенное мнение по этому предмету, а потому, что таково было мнение людей, на которых я смотрел, как на более сведущих, чем я. Однако оратор, которого я слышал, поскольку это касалось одного из его слушателей, хватил выше, чем куда метил. Его доводы пробудили мою мысль, как пробудили ее в детстве соображения моего товарища относительно тайны плавания железных судов. Я сказал себе: действие тарифа состоит в том, что он повышает стоимость привоза товаров из-за границы. Но если он является вместе с тем благодеянием для страны, то тогда должны бы быть благодеянием для нее и все опасности, затруднения и помехи, из-за которых повышается стоимость привоза товаров из-за границы. Если правильна эта теория, то наиболее выгодным местоположением для города надо было бы считать то, при котором он был бы наименее доступен; морские разбои и крушения должны бы были содействовать народному преуспеянию, повышая стоимость провоза и страховки, а всякие улучшения в морском и

железнодорожном деле вредить ему. А это, очевидно, нелепость.

И я пошел еще дальше в своих размышлениях. Оратор настаивал на безумии того, чтобы такая великая страна, как Соединенные Штаты, вывозила сырые материалы и ввозила мануфактурные товары, которые она могла бы столь же успешно производить у себя дома. И я спросил себя: что же побуждает народ вывозить сырые материалы и ввозить мануфактурные товары. Я понял, что причина этого кроется не в чем ином, как в том обстоятельстве, что он может при этом получать товары дешевле, т.е. с меньшим трудом. Я сопоставил с этой торговлей между разными странами сделки между отдельными личностями и заметил в них полное сходство: крестьянин тоже продает свою пшеницу и покупает муку; скотовод отправляет шерсть на рынок и покупает в обмен сукно и одеяла, а кожевник снова покупает свою кожу в обуви, но не шьет ее сам. Я понял, вникнув в дело, что обмен между странами совершенно тождественен с обменом между отдельными личностями; что он есть, в сущности, не что иное, как обмен между личностями различных национальностей; что он всюду является следствием свободного желания и везде приводит к тому, что люди получают наибольшее вознаграждение при наименьшей затрате труда; что общественное состояние, при котором не было бы такого обмена, не отличалось бы в сущности от того, в каком находятся дикие обитатели Огненной земли; что как раз в той мере, в какой усиливается разделение труда и развивается торговля, увеличивается также богатство народов и развивается цивилизация. И таким образом, проследивая все доводы сторонников покровительства взвешивая их, разлагая и испытывая, я дошел до заключений которых держусь и до настоящего времени.

Умственные действия, подобные этим, и есть все то, что требуется для изучения политической экономии. Если что нужно для него (и нужно безусловно), так это привычка к осторожному мышлению— привычка отчетливо делать каждый шаг, нигде не допуская никаких прыжков и скачков. Ибо именно эти прыжки или скачки на пути к известным заключениям — привычка рассматривать существенно различные вещи, как тождественные, только потому, что в них есть какое-либо поверхностное сходство—являются источником множества опасных ошибок, с которыми приходится иметь дело политической экономии.

Мне думается однако, что на нескольких примерах я могу яснее представить вам то, что я имею в виду. Если бы я предложил вам

детский вопрос: «Что тяжелее: фунт свинца или фунт перьев?»—вы, без сомнения, обиделись бы; и если бы я серьезно спросил вас: «Что дороже: доллар в золоте или доллар в чем-нибудь еще?» — вы тоже почувствовали бы, что я насмехаюсь над вашим пониманием. И тем не менее убеждение, что доллар в золоте дороже доллара в чем-либо ином, имеет широкое распространение и держится очень крепко. Оно направляло политику великих наций, диктовало договоры, вооружало армии, снаряжало флоты, начинало битвы, заводило спорные и запутанные системы налогообложения и отправляло тысячи людей в тюрьмы и на виселицы. Без сомнения, значительная часть и, может быть, огромное большинство населения Соединенных Штатов, включая сюда множество лиц с университетскими дипломами, членов так называемых ученых обществ, сенаторов, депутатов, писателей и редакторов, — является совершенно неспособной понять во всей ее полноте ту истину, что доллар в чем угодно имеет совершенно ту же цену, как доллар в драгоценных металлах, и люди постоянно рассуждают, делают выводы и устанавливают законы в том предположении, что государство, которое обменивает золото на товары, терпит убыток и что долг мудрости предписывает нам предупреждать обмен такого рода и «удерживать деньги в стране». На этом нелепом предположении построена вся современная система налогов в Соединенных Штатах, и, если вы дадите себе труд присмотреться, вы заметите, что это предположение высказывается и при обсуждении всех вообще текущих наших дел. Даже здесь, в Сан-Франциско, где драгоценные металлы являются одним из средств расплачиваться за товары и в течение долгого времени являлись единственным таким средством, мы можем видеть силу этого убеждения. Враги китайской иммиграции оплакивают «отток серебра и золота в Китай», но им и в голову не приходит сокрушаться об оттоке муки, пшеницы, ртути или креветок. И в нашей руководящей прессе, которая считается стоящей на интеллектуальном уровне, неизмеримо более высоком, чем разные клубы, преследующие китайцев, мы то и дело видим поздравление читателей с тем, что мы перестали ввозить такие-то и такие-то товары и сберегли столько-то денег, которые приходилось бы отсылать за границу и горькие жалобы на то, что мы еще платим на сторону деньги за то-то и то-то, что могло бы производиться здесь на месте. Но что мы отсылаем вино или шерсть, фрукты или мед, это никогда не считается за что-либо достойное сожаления, этому только радуются. Что же это такое, как не

признание того, что доллар в золоте дороже рубля в чем бы то ни было другом?

Заблуждение это становится явно нелепым, когда мы выражаем его в форме общего предположения. Но тем не менее привычка делать прыжки в заключениях, о которой я говорил, дает ему возможность казаться чем-то вполне естественным в глазах людей, не привыкших к сосредоточенному мышлению. Деньги есть наш образчик или мерило ценности, с помощью которого мы определяем все другие виды ценностей. Когда мы говорим о приобретении богатства, мы говорим о «наживании денег», и о лишении богатства говорим, как о потере состояния, т. е. опять же денег; богатого человека мы называем денежным человеком, хотя на самом деле у него может быть и обыкновенно бывает очень мало того, что может действительно считаться деньгами.

Кроме того, деньги являются обычным средством обмена, и желая получить то, что нам нужно, в обмен на то, что нам не нужно, мы обыкновенно обмениваем сначала последнее на деньги и уже на них приобретаем первое. А так как число лиц, желающих приобрести и то, и другое, и третье, очевидно, должно быть более числа лиц, желающих приобрести что-либо одно, что бы нам ни приходилось обменивать, то и всякая трудность в осуществлении желаемого нами обмена обыкновенно будет чувствоваться в первой части его; ибо, обменивая что-либо на деньги, я должен найти кого-нибудь, желающего приобрести это что-либо, тогда как при обмене денег на какой-нибудь товар, всякий нуждающийся в каком бы то ни было товаре или услуге, готов будет взять мои деньги. Вот эта-то привычка оценивать богатство на деньги и говорить о приобретении или об утрате богатства, как о наживе или потере денег, вместе с обыкновением связывать трудности обмена в отдельных случаях с трудностью добывания денег, постоянно и наталкивает людей, не имеющих отчетливой мысли, на прыжок к заключению, будто деньги имеют ценность большую, чем что-либо иное. Однако самое поверхностное рассмотрение показало бы им, что богатство, за исключением самой ничтожной доли его, никогда не составляется из денег; что трудность обмена в отдельных случаях отнюдь не связана с относительной ценностью денег и, в сущности, пропадает, когда принимают в соображение и приводят в действие целый ряд меновых сделок между значительным числом лиц; короче, что доллар в деньгах стоит не более, чем доллар в хлебе или сукне, а обмен денег на товары

не только служит доказательством невыгодности сделки, но, наоборот, доказывает выгоду ее, ибо если бы мы не нуждались в товарах более, чем в деньгах, то не совершали бы и самого обмена.

Или возьмите другой пример. При обсуждениях китайской иммиграции вам, без сомнения, не раз приходилось встречаться с доводом, будто дешевый труд, сокращающий стоимость производства, совершенно эквивалентен по своему действию сокращающим труд машинам, что он так же, как машины, ведет к увеличению богатства. Мнение это есть скороспелый вывод из того факта, что дешевый труд и берегающие труд машины одинаково сокращают стоимость производства для предпринимателя. И если бы мы, не делая скороспелых заключений, разобрали со вниманием, как достигается это сокращение в обоих случаях, то сразу же заметили бы ошибку. Берегающие труд машины сокращают стоимость производства, повышая производительность труда; более дешевая заработная плата сокращает стоимость производства, уменьшая долю производимого, достигающуюся работнику. Для хозяина и то и другое может означать одно и то же, но для общества, которое составляется и из хозяев и из рабочих, следствия будут весьма различны. В одном случае будет увеличиваться вообще сумма богатства, в другом—лишь изменяться его распределение, и то, что будет выигрывать один класс общества, по необходимости будет терять другой. Следствия удешевления заработной платы и введения усовершенствованных машин оказались бы очень непохожими.

Совершенно такое же заблуждение представляется чем-то вполне естественным для людей другого класса,—будто как ввоз в страну дешевых рабочих должен вести, при современной организации общества, к понижению общего уровня заработной платы в этой стране, так должен вести к нему и ввоз дешевых товаров. Но я предоставляю вам самим разобраться в этом заблуждении; замечу только, что оно проистекает от смешения целого с частью, распределения богатства с его производством.

Если бы мне позволяло время, я мог бы представить вам целый ряд примеров того, как становится явной ошибочность множества ходячих мнений, даже более распространенных, чем упомянутые мною, при испытании их теми простыми способами, какими располагает политическая экономия. Да и моя цель состоит не в том, чтобы направлять вас к тем или другим готовым заключениям. Все, чего хочется мне, так это только выяснить вам всю простоту науки,

которую обыкновенно считают очень сложной, и чрезвычайную легкость, с какой она может быть изучаема. Ибо для изучения ее не требуется ни специальных знаний, ни обширных библиотек, ни дорогих лабораторий. Не нужно даже и учебников или учителей, если только у вас хватит охоты думать самостоятельно. Вам нужно будет лишь заботливо разлагать сложные явления на их элементы, отличать существенное от случайного и сознательно прилагать к делу те простые законы человеческой деятельности, которые хорошо известны каждому из вас. Ничего не принимайте на веру, «все испытывайте, хорошего держитесь». Вам будут полезны тогда и мнения других людей в качестве намеков, пояснений и поправок; при иных условиях мнения других людей будут для вас тем же, чем бывают слова для слушающего их попугая.

Если бы даже ничего нельзя было привести в пользу изучения политической экономии, кроме того умственного упражнения, какое оно представляет, то и тогда оно заслуживало бы вашего глубочайшего внимания. Ибо упражнение, приучающее людей к самостоятельному мышлению, должно считаться наиболее нужным упражнением. Образование состоит не в заучивании фактов, а в развитии и укреплении умственных способностей. Все эти полки учителей, все эти арсеналы учености ничего не могут сделать в смысле образования человека. Они могут лишь помогать ему в его самообразовании. Тут—лишь орудия, инструменты, которые могут быть полезными только тому, кто может пользоваться ими. Обезьяна с микроскопом, мул, везущий на своей спине библиотеку,—вот наиболее пригодные эмблемы для тех людей,—а имя им, к несчастью, легион,— которые проходят всевозможные курсы и школы и становятся лишь учеными дураками, набитыми тем знанием, каким они не могут пользоваться,—тем более жалкими, тем более презренными, тем более вредными для истинного прогресса, что они считают себя, и другие считают их, образованными людьми.

Но хотя мне кажется, что ничто не может содействовать так сильно развитию здоровых умственных привычек и самостоятельности в мысли, как занятие, научающее нас прилагать логический анализ к явлениям повседневной жизни и видеть в постоянно изменяющихся явлениях действие неизменного закона, отличать реальное от кажущегося и прослеживать в кипящем водовороте человеческих желаний, страстей и предрассудков великие течения нашего времени, тем не менее все же не это заставляет меня так настаивать пред вами

на изучении политической экономии. К занятием ею должно побуждать нас нечто более благородное, чем жажда знания, нечто настолько же превышающее эту благородную страсть, насколько сама она считается выше жажды наживы или власти.

Наука о богатстве уделяет мало внимания той могущественной силе сочувствия и тем страстным влечениям, которые заставляют людей работать, бороться и даже жертвовать собой ради блага других. Она даже сознательно исключает их из своих построений. И однако именно эти-то благородные страсти, именно эти-то высокие стремления и побуждают с особенной силой к ее изучению. Политическую экономию стоит изучать не столько потому, что она многое может дать нам, сколько потому, что она может сделать нас способными дать многое другим людям.

Мне думается, вы уже чувствовали в себе побуждения самого высшего себялюбия — стремление быть полезным членом общества, желание сделать жизнь людей более чистой, радостной и счастливой. Если вы еще не испытали в себе этого стремления, то все же, я верю, оно таится в вашей душе, готовое обнаружиться при первом же запросе на него.

Вам, милостивые государи, стоит лишь оглянуться кругом, чтобы заметить, как оно нужно. Вы принадлежите к числу немногих, которым особенно благоприятствует судьба, ибо самый факт вашего пребывания в этом университете есть нечто исключительное, и вы не можете еще понять и только потом, быть может, постепенно поймете, как калечит и спутывает людей та жизненная борьба, которая является уделом большинства, как подавляет она самые благородные способности и самые дорогие порывы, как заглушает она радость и поэзию жизни, как превращает она в язву общества людей, которые могли бы быть его красой, и делает хищниками и паразитами выдающихся представителей умственного и физического труда. Все это, может быть, еще никогда не останавливало на себе вашего внимания; но все же, если вы подумаете об этом, вы, без сомнения, увидите достаточно нужды и страдания даже здесь, среди нас, чтобы почувствовать скорбь и сожаление, чтобы принять серьезное решение, чтобы испытать сочувствие, которое дерзает, и негодование, могущее двинуть на борьбу со злом.

И увидя все это, разве вы не пожелаете как-нибудь облегчить страдания, побороть невежество, искоренить порок? И вот вам придется обратиться к политической экономии, чтобы изыскать

причины зла, чтобы направить топор к самому его корню. Иначе тщетны будут все ваши усилия. Филантропия, не руководимая разумным пониманием причин, может замазать болезнь, может усилить ее, но не может излечить. Если бы милостыня могла избавить людей от нужды и если бы проповеди могли сделать людей нравственными, если бы издания книг и постройка школ могли искоренить невежество, то, конечно, все эти цели уже давно бы были достигнуты.

Но есть еще одно обстоятельство, еще более важное, могущее побудить вас к изучению политической экономии: вопросы, входящие в круг ее ведения, должны будут в ближайшем будущем приобрести особое, исключительное значение. Чтобы принять сознательное участие в борьбе,—а вам нельзя будет остаться в стороне от нее,—вам нужно будет знать кое-что из выводов этой науки. А как серьезна и как жестока будет эта борьба, это может видеть всякий, кто даст себе труд вникнуть в те силы, которые уже сосредоточиваются для нее.

Среди нас господствует удобное верование, будто мы уже миновали пояс бурь и непогоды и будто в силу того, что мы называем прогрессом, все бедствия нашей жизни исчезнут сами собой. Не принимайте этой доктрины без тщательного ее рассмотрения. Она нигде не оправдывается в прошлом и ничто не говорит за нее в настоящем. Вникните, милостивые государи, в тенденции нашего времени, и вы поймете, точно ли нет теперь надобности в серьезной работе интеллигентных людей.

Возьмите хотя бы здесь, в Сан-Франциско. Может ли мыслящий человек смотреть спокойными глазами на развитие нашего города? Разве не знаем мы того, что при теперешних условиях вместе с ростом его богатства и народонаселения будет увеличиваться также бедность и размножаться порок, что вместе с лакеями в ливреях на его улицах будут появляться также нищие. И что вместе с восхитительными виллами по берегам его залива будут воздвигаться безобразные ночлежные дома в его глухих переулках? Я с наслаждением и гордостью следил за развитием Сан-Франциско, и в моем воображении, уже невольно рисуется он в виде великого города, красоты Тихого океана,—быть может, величайшего из городов. А какой из этого будет толк? Сан-Франциско теперь, с его тремястами тысяч жителей, для людей, кормящихся своим трудом, стал уже не таким хорошим местом, каким он был, когда имел всего шестьдесят тысяч; и когда его народонаселение с трехсот тысяч возрастет до миллиона, то,

при наличности теперешних тенденций, на его улицах будут представляться те же жалкие зрелища, которые так поражают в Нью-Йорке человека, прибывающего туда с тихоокеанского побережья.

Это—темные стороны нашего пресловутого прогресса; это—как бы Немезида, неустанно преследующая нас. Где всего больше богатства, там всего более самой, глубокой бедности; где особенно бьет в глаза роскошь, там раскрываются картины и самой ужасной нищеты. В городах, этих товарных складах наций, каждый год голодная смерть уносит свои жертвы. Где великолепные храмы возносятся к небу свои кресты, там нужны целые армии полицейских; вместе с новыми школами мы строим также новые тюрьмы; где собираются самые щедрые пожертвования на отправку миссионеров в далекие страны для проповеди евангелия мира и благоволения, там обнаруживаются такая грязь, порок и нищета, что их испугались бы язычники. На фабриках, где могучая сила пара приводит в движение машины, увеличивающие в сотни и тысячи раз производительность труда, работают малые дети, которым следовало бы играть или учиться, и где механизм обмена доведен до высших степеней совершенства, тысячи людей тщетно пытаются обменять свой труд на самое необходимое для жизни!

Откуда же падает эта мрачная тень, застилающая пред нами то, что мы привыкли называть материальным прогрессом, на что надеяться и чему служить учит нас наша ходячая философия? Это вопрос, имеющий для нас первостепенное значение. Мы должны найти ответ на него, или мы погибнем, как погибали все предшествующие цивилизации. Никакая цепь не бывает крепче своего самого слабого звена, и наша чудная статуя, с головой из золота и плечами из бронзы, стоит еще на глиняных ногах!

Одна политическая экономия может дать ответ на этот вопрос. И если вы проследите намеченным мною путем законы производства и распределения богатства, вы откроете причины общественной слабости и болезней в порабощении невежества себялюбием и в тех неурядицах, которые целиком зависят от нас.

Вы отыщете и врачующее средство. Вы увидите его не в диких мечтах о кровавом перевороте и не в жалких планах подчинения разумных людей пустой абстракции, именуемой государством, а в тех простых мерах, которые предписываются самой справедливостью. В просвещении вы увидите великое врачующее средство, в свободе необходимое условие его благотворного действия. Вы поймете, что

истинный закон общественной жизни есть закон любви, закон свободы, закон «каждый для всех и все для каждого»; что основное христианское правило нравственности есть также основной принцип и науки о богатстве; что в наивысших выражениях религиозной истины заключаются и самые широкие политико-экономические обобщения.

В вас явится тогда такое глубокое сознание братства людей, какого не могут вам дать никакие разглагольствования на нравственные темы; и все более и более станет крепнуть в вас убеждение в том, что Бог есть точно отец всех людей. Если бы ранее, не разобравшись, вы и усвоили себе ту, хуже чем атеистическую, теорию, будто нужда и страдание и беспросветный труд суть следствия божественных установлений, или, если бы, отшатнувшись от этой идеи, решили бы все же, будто в мире царит лишь слепой и беспощадный рок, чуждый стремлениям человека и нечувствительный к его страданиям, то вы оставили бы эту мысль, увидев, как много зла и путаницы в наших общественных условиях проистекает только лишь от нашего неведения и непонимания закона, и поняв, насколько лучше и счастливее могли бы люди сделать человеческую жизнь.

Да придет царствие твое

(Речь об освобождении земли)

Мы только что соединились к самой торжественной, самой святой, самой великой из всех молитв: «Отче наш, иже еси на небесех». Все мы с детства знаем ее, и она пробуждает в нас нередко самые нежные, самые радостные чувства. Много раз мы повторяли ее, когда— в ответ на запрос души, когда—только лишь в силу привычки. В течение столетий ежедневно, ежечасно возносилась эта молитва: «Да придет царствие Твое». Но пришло ли оно? Пусть ответит на это любой христианский город, хотя бы один из тех, в которых должна бы «процветать проповедь слова Божие!», «Да придет царствие Твое!». День за днем, неделя за неделей, столетие за столетием возносилась эта молитва; и все же в любом христианском городе тысячи семей живут самой жалкой, беспросветной жизнью. «Да придет царствие Твое!» Мы молились и молимся о нем, и все же оно не приходит. Так замедлилось оно, что многие из нас стали думать, будто и вовсе оно не наступит. Вот тут-то и дает себя знать разница между тем, что мы теперь называем христианством, и христианством, которое овладело древним миром и под слоем прежней сгнившей общности насадило семена новой, более высокой. Мы свыклись с мыслью, что царство Божие не предназначено для этого мира, что мир наш, в сущности, всегда будет во власти дьявола и что царство Божие находится где-то в иных мирах, куда Господь берет всех добрых людей, когда те умирают. А если это так, то какой тогда смысл в молитве о наступлении этого царства? И каким представляется тогда Бог, христианский Бог, всемогущий, любящий Отец, о котором говорил Христос? Он смотрит на наш мир, видит его страдания и бедствия, видит как гибнут таланты, как гаснут жизни, как невинность доходит до порока и преступлений, как натягиваются и рвутся сердечные струны, и все же, имея полную к тому возможность, не дает нам своего царства мира, любви, изобилия и счастья... Разве не должен Он казаться самовластным деспотом, пред которым надо ползать, чтобы удостоиться его милостей?

Но подумайте только. Ведь Всемогущий Господь, — я говорю это с глубоким благоговением, — ведь Всемогущий Господь не мог бы дать нам Своего царства. Что представляет из себя то царство Божие, о котором Христос учил нас молиться? Разве не есть оно исполнение

воли Бога не самодействующими приборами, не принуждаемыми животными, но разумными существами, созданными по Его образу, одаренными свободной волей и умеющими отличать добро от зла? Глубокую истину, приносящую в самую сущность христианства выразил кто-то, заметив, что Бог никогда никого не посылает в ад; что даже дьяволы пошли в ад только потому, что они сами хотели туда скорее, чем в рай. Духи зла не чувствовали бы себя счастливыми там, где царил бы дух добра: сочетавшись с неправдой и любя неправду, они были бы несчастны там, где справедливость была бы законом. И, соответственно этому, Бог не мог бы поставить разумных существ, обладающих свободной волей, в такие условия, когда они должны бы были поступать праведно, не уничтожив их свободной воли. Да, не мог бы. «Да придет царствие Твое!» Когда Христос учил людей этой молитве, то он думал, что они будут не праздно повторять его слова, но что для наступления этого царства они будут работать так же, как молиться!

Молитесь! Подумайте же, что такое молитва. Как справедлива старинная притча! Человек, телега которого увязла в дороге, упал на колени и молился Юпитеру, чтобы тот вытащил ее. Он мог бы молиться до скончания века, и все же телега его оставалась бы там, где была. Этот мир далеко не таков, чтобы в нем можно было простым повторением слов вытаскивать телеги из грязи или бедняков из их трущоб. Тот, кто хочет молиться с толком, должен работать!

«Отче наш, иже еси на небесех!» Не деспот, правящий миром по своему произволу, а отец, любящий отец, наш отец, отец для всех нас, — таков смысл Христова учение. Он наш Отец, а мы Его дети. Но вот люди видят кругом себя страдания и неправду, которыми наполнена человеческая жизнь даже в так называемых христианских странах, и говорят, что нет никакого Отца на небесах, что Бога нет, ибо, будь Он, Он не допустил бы ничего подобного. Как слаба мысль этих людей! Что сделали бы мы для наших детей, будучи отцами? Решился ли бы кто-либо из нас, зная мир и законы человеческой жизни, окружить своего сына такой охраной, чтобы он не мог сделать никакого зла и не мог испытать никакого страдания? И что оказалось бы в результате такого воспитания? Избалованное животное, но не владеющий собою человек! Мы, действительно, Его дети. Но пусть кто-либо из Божьих детей упадет в воду, и если он не научился плавать, он утонет. Если он будет далеко от земли и не будет по близости лодки или чего-либо такого, к чему он мог бы пристать, он все-таки утонет, в состоянии ли

он будет плавать или нет. Бог Творец мог создать людей такими, что они плавали бы как рыбы, но как мог бы он создать их такими, чтобы они плавали как рыбы и вместе с тем имели бы тела, подобные нашим, чудно приспособленные к тем требованиям, которые может предъявлять к ним заключенный в них разум? Бог мог создать рыб; Он мог создать птиц, но мог ли Он, при тех Его законах, каковы они есть, создать животное, столь же приспособленное для плавание, как рыба, и столь же приспособленное для летание, как птица? Что разум, который мы видим всюду в природе, всемогущ, не значит, чтобы он мог идти против самого себя или смеяться над своими же законами. Да, мы дети Божьи. Но что такое Бог, кто скажет? Всякий человек знает это; всякий человек знает, что позади всего, что мы видим, есть какая-то сила, способная создать все это; что за пределами доступного нашему пониманию царит разум, превышающий тот, какой есть в человеке, — разум, для которого человеческое разумение является все же подобием, хотя бы и бесконечно малым.

Да, мы — Его дети. Мы обладаем до известной степени тем даром приспособления средств к целям, который должен был проявить себя, чтобы вызвать к существованию этот мир. Посмотрите на те огромные суда, постройкой которых прославилась Англия. В океане, волны которого они бороздят, плавают киты, дельфины, рыбы разного рода. Но они и теперь остаются такими же, какими были в то время, когда Цезарь подходил к этому острову или когда древние бритты спускали в море свои обтянутые кожей лодки. Люди тоже теперь плавают не лучше, чем плавали они в те времена, но посмотрите, какие успехи сделали они благодаря своему пониманию, как развилась их творческая способность и как, благодаря ей, они стали теперь переплывать океан быстрее всякой рыбы. Посмотрите на один из тех огромных пароходов, которые пересекают теперь Атлантический океан, делая по шестисот верст в день, невзирая на встречный ветер. Разве не есть он в некотором роде произведение божественной силы, — создание, до известной степени подобное тем рыбам, которые плавают на дне? Вот здесь-то и обнаруживается различие между человеком и животными; здесь-то и раскрывается между ними широкая и непроходимая пропасть. Человек в ряду других животных есть единственное способное творить, — единственное, обладающее божественным даром приспособления средств к целям. И возможно ли, чтобы человек достигнувший благодаря своим способностям того, что стал переплывать

Атлантический океан в какие-нибудь шесть дней; оказался бы не в состоянии уничтожить те условия, которые заставляют тысячи семей жить в тесных и вонючих конурах? Когда мы подумаем о тех изобретениях, какие сделаны человеком, и посмотрим затем на нищету, гнездящуюся в самых богатых городах, на невежество, произвол и неправду, царящие в наиболее просвещенных странах, мы не колеблясь решим, что так это есть не по вине Бога, а по вине человека. Можем ли мы не понять того, что в той самой способности подниматься выше и выше, которая дана была человеку от Бога, что в самой этой способности заключена, и по необходимости заключена, способность падать все ниже и ниже?

«Отче наш!» Наш Отец! В молитве не говорится мой Отец, а наш Отец, — Отец всех людей, всех без различия любящий Отец. И у Него мы просим Его царства. Но мы лишь устами приближаемся к Нему. Мы зовем Его Отцом лишь тогда, когда склоняемся перед Ним в молитве. Но всеми нашими учреждениями мы отрицаем Его, как Отца всех людей! Он создал мир, сотворил человека по образу Своему, поселил его на земле, чтобы из недр ее он мог добывать себе пропитание, чтобы в ней находил он все нужное для удовлетворения своих потребностей лишь при одном приложении труда. И как Отец людей, разве не поставил он всех нас, детей своих, в равное положение относительно пользования Его милостью? Но, однако, наши законы не признают, чтобы земля была предназначена для пользования всех людей, а считают ее лишь собственностью меньшинства. Мне припоминается маленький разговор, напечатанный где-то. Он ведется между мальчиком и его отцом при посещении ими кирпичного завода. Мальчик видит людей, делающих кирпичи, и спрашивает, кто эти запачканные люди, зачем они возятся с глиной и много ли они зарабатывают. Узнав это, он спрашивает о собственнике кирпичного завода. «Он не делает кирпичей,— говорит отец,— он получает доход, предоставляя делать их другим людям». Мальчик спрашивает тогда, кому принадлежат сделанные кирпичи, и узнает, что они принадлежат прежде всего людям, которые их сделали. Тогда он спрашивает о собственнике кирпичного завода, почему он владеет всей залежью глины. «Разве он сделал ее?» Нет, — отвечает отец, — она была сотворена Богом. «И Бог сотворил ее для него? — спрашивает мальчик. Тогда отец замечает мальчику, что он не должен делать таких вопросов, что все это делается по заведенному порядку и что все это находится в полном соответствии с законом

Божьем. Мальчик, — без сомнения, ученик воскресной школы, — перестает спрашивать и только бормочет про себя: «Бог так возлюбил мир, что отдал ему своего едиnorodного сына, но, видно, собственника этого кирпичного завода он возлюбил так, что отдал ему в придачу также и всю эту залежь глины».

Все это отзывается кощунством, но я вам и не передаю этот разговор с легким сердцем. Я не допускаю шутиwego тона в отношении священных предметов. Но порой бывает полезно, чтобы мысль шокировала нас. Подумайте о том, чему учит нас христианская вера; подумайте о жизни и смерти Христа. Подумайте об учении Его, что все мы одинаково дети Всемогущего Отца, который чужд лицепрития. И подумайте затем о той узаконенной неправде, о том отрицании самых важных и основных прав детей Божьих, которое позволяют себе делать даже многие из учителей веры, — более того, — которое они кощунственно признают за входящее в планы и намерения самого Творца. На мой взгляд, лучше и благороднее поступают люди, которые говорят, что нет Бога, чем те признанные христиане, которые болтают о благодати Небесного Отца и в то же время явно или скрытно признают, что миллионы и миллионы человеческих существ по воле Бога ежедневно являются в мир, где не приготовлено для них места. Нам говорят, что бедные, по воле Бога, созданы для того, чтобы богатые могли проявлять показную добродетель, распределяя между ними свою милостыню. Нам говорят, что такое положение дел, когда малые дети мрут ежедневно сотнями тысяч, зависит просто от того, что дети Бога, приходя в мир по Его повелению, не находят там для себя достаточно места, чтобы жить; что они изгоняются из Божьего мира потому, что нет там для них достаточно воздуха, нет там для них достаточно пищи. Я не верю в такого Бога. Если бы я и поверил в него, то я возненавидел бы его от всей души, хотя быть может в страхе и падал бы перед ним на колени. Нет в этом мире достаточно места для малых детей!.. Но посмотрите в любой цивилизованной стране, разве нет там места и даже с избытком? Недостаточно пищи? Но посмотрите на незанятых рабочих, на нераспаханные поля, на расточаемые повсюду естественные богатства. Да! То христианство, которое сваливает на Творца ответственность за зло, страдания и бедствия, зависящие от человеческой неправды, это христианство хуже и несравненно хуже всякого неверия. Оно есть богохульство; грех против Духа Святого, грех, которому нет прощения!

«Хлеб наш насущный даждь нам днесь», молимся мы. Но если бы Адам, выйдя из рая, сел у ворот и стал молиться, то он молился бы до сего времени, не получая ничего для своего пропитания, пока не начал бы работать. Однако пища есть дар Божий. Бог не дает нам готовых кушаний, убранных блюд, настланных скатертей. Он дает нам лишь возможность производить их, возможность вырабатывать их своим трудом. Воля Его такова, — она выражена в Священном Писании и начертана всюду в природе, — чтобы трудом своим мы производили все нужное нам. Природа вознаграждает труд и только труд. Бог дает нам «лишь те естественные запасы, которые необходимы для труда. И Он дает их не одному какому-либо человеку, не нескольким лицам, не одному какому-либо поколению, но всем без различия людям. Это дары Его, Его милости ко всему человеческому роду. И тем не менее, что видим мы во всех цивилизованных странах? Что некоторые люди захватили себе эти милости, считая их своей личной собственностью, а огромное большинство не имеет законного права прилагать свой труд к богатствам природы и пользоваться благодатью Творца. Потому-то всюду в образованном мире так называемые трудящиеся классы принуждены жить в бедности, а люди, которые даже гордятся тем, что ни они, ни их предки никогда не занимались честным трудом, ведут роскошную жизнь и имеют вволю произведений труда.

Некий мистер Абнер Томас, написал недавно рассказ, под заглавием «Сон». Задремав в кресле, он увидел себя, будто он был перевезен на другую сторону реки Смерти. Там он пошел прямой и узкой дорогой и вскоре же пришел к Золотому городу. Благообразный старец отворил пред ним ворота, узнал его имя и впустил его в город, посоветовав в то же время быть осторожней в выборе товарищей и не очень-то знаться с опороченными ангелами.

— Как, — спросил в удивлении вновь пришедший, — разве это не рай?

— Нет, это — рай, — отвечал привратник, — но здесь в настоящее время развелось довольно много бродячих ангелов.

— Как могло это случиться? — спросил во сне Томас. — Разве не пользуется здесь каждые в полном изобилии всем тем, что ему может быть нужно?

— Да, так было прежде, — заметил привратник, — и тогда, если вам нужно было полировать свою арфу или расчесать крылья, вам самим приходилось делать все это. Но здешняя жизнь совершенно изменилась с тех пор, как мы ввели в действие на небе те же

постановления, какими определяется право собственности в наиболее развитых странах на земле. Все сразу же улучшилось, по крайней мере для высших классов.

Привратник посоветовал тогда вновь пришедшему лучше обсудит вопрос о том, где удобнее будет ему устроиться.

— Да я нигде не хочу устраиваться, — сказал Томас, — я лучше пойду вон на тот чудный зеленый холм и разлягусь там.

— О нет, я вам не советовал бы делать этого, — заметил привратник: — тот ангел, которому принадлежит этот холм, очень недолгоблизит нарушений его права собственности, а как я вам сказал, несколько столетий тому назад мы установили право частной собственности

на землю рая. Мы всю ее поделили, и вся она находится теперь во владении частных лиц.

— Надеюсь, что вы и меня не забыли при этом дележе, — спросил Томас.

Нет, — ответил привратник, — о вас не было речи; но вы можете приняться за работу и в какие-нибудь два столетия скопить достаточно, чтобы купить себе хорошенький участок. Приходя сюда, вы бесплатно получаете пару крыльев и, заложив их, вы легко можете устроиться где-нибудь, пока не найдете работы. А с этим я очень советовал бы вам поторопиться, так как народу у нас все прибывает и прибывает и уже теперь оказывается значительный излишек в предложении труда. Бродячие ангелы становятся прямо-таки нашей язвой.

— Но какую работу могу я найти? — спросил Томас.

— Наши главные занятия, — отвечал привратник, — это изготовление арф и венцов и выращивание цветов; но здесь всегда бывает спрос и на личные услуги разного рода.

— Я люблю цветы, — сказал Томас, — и я займусь их выращиванием. Вот прекрасный участок земли, которым, по видимому, никто не пользуется. На нем я и буду работать.

— Нет, так вы не можете устроить дело, — заметил привратник. — Этот участок принадлежит одному из дальновиднейших наших ангелов, который сильно разбогател, торгуя землей, и который владеет теперь этим участком, поджидая повышение его цены. Прежде, чем устроиться на нем, вам надо купить или арендовать его, а так просто вы не можете, занять его. И в этом роде продолжается повествование о том, как все дороги на небе, как все улицы Нового Иерусалима

переполнились несчастными блуждающими ангелами, которые заложили свои крылья и сделались отверженцами на самом небе.

Вы смеетесь, и все это действительно забавно. Но в этом есть и известный нравственный смысл, очень заслуживающий внимания. Не смешно ли прилагать в воображении к Божьему раю те же правила дележа, какие мы прилагаем к Божьей земле, молясь в то же время, чтобы воля Его исполнилась и на земле так же, как на небе?

Как бы ни был благотворен воздух рая, как бы ни был ярок наполняющий его свет, как бы ни был чуден рост его деревьев и цветов, там все равно была бы та же бедность, те же страдания, то же деление на классы, какие мы видим на земле, если бы он так же был разделен, как разделена земля, и никакое воображение не в силах бы было представить себе что-либо иное, допусти только мы в мыслях, что и на небе были бы заведены такие же владения, как на земле. И обратно, если бы люди здесь на земле стали относиться друг к другу так, как должны, по нашему мнению, относиться друг к другу жители неба, разве наша земля не превратилась бы в рай?

«Да придет царствие Твое!» Невозможно представить себе иным царство, о котором мы вопрошаем в молитве, как местом, где правят справедливость и равенство, не обязательно равенство положений, но равенство возможностей. Кто не верит, что царство это наступило бы здесь на земле, если бы люди стали искать справедливости, если бы они признали основной закон христианства, — поступать с другими так, как желаешь, чтобы поступали с тобой, — если бы признали, что все мы здесь равные дети одного Отца, все имеем одинаковое право пользоваться Его милостями, жить данной нам жизнью, развивать вложенные в нас способности и прилагать свой труд к сырым материалам, заготовленным Богом? А веря этому, кто не почувствует в себе той радостной надежды приближения царства Божие, которая принесла Евангелие на улицы Рима, распространила его по всем языческим землям и сделала господствующей религией мира, невзирая на самые преследования? Древние христиане, молясь о наступлении царства Христа, мечтали не о наступлении царства его на небе, а о наступлении царства его на земле. Касайся проповедь Христа просто другого мира, первосвященники и фарисеи не стали бы преследовать его, римские солдаты не пригвоздили бы его ко кресту. Почему подвергалось преследованием христианство? Почему отдавали на съедение зверям его первых приверженцев, почему сжигали их, вместо факелов, в садах тиранов, почему травили их

собаками, истязали, предавали смерти в самых жестоких мучениях, какие только могла придумать дьявольская изобретательность палачей? Не потому, чтобы оно было новой религией, заботящейся только о будущем. Рим относился с терпимостью ко всем религиям. Рим хвастался тем, что все боги находили для себя приют в его храмах. Рим гордился тем, что никогда не вмешивался в религиозные дела завоеванных им народов. Что преследовалось, так это великое стремление к преобразованию общественного строя, — Евангелие Правды, которому с радостью внимали простые рыбаки и которое приносили в столицу императоров крестьяне и рабы. Христианское откровение было учением о равенстве людей, о том, что Бог есть отец, а люди — братья. Оно ударило в самый корень того бесправия, которое угнетало рабочие классы. Оно разбивало цепи рабов и уничтожало ту великую неправду, которая давала возможность кучке людей роскошествовать на счет труда массы и держала рабочих людей, что называется, в чёрном теле. Только потом стали затемняться чистые истины Евангелие учением о том, будто Бог лицемерно относится к людям и будто по воле Его и по Его повелению возникла та чудовищная неправда, которая обрекает большую часть человечества на нескончаемый тяжелый труд.

Не может быть и тени сомнения в том, что все мы дети одного Отца, что все мы равно одарены правом на пользование Его милостями. Ни один человек не осмелился бы открыто выступить против этой истины. И люди, которым она колет глаза, уклончиво говорят: «Да, все это правда; но нельзя провести этого в жизнь». Но вникните в смысл этих слов. В Божьем мире не может быть осуществлена правда Божья и воля Его!.. Разве не нелепость это, разве это не богохульство? Если и точно царит во вселенной любящий Бог, если и точно законы Его распространяются не только на физический, но и на нравственный мир, то должна быть возможность к исполнению Воли Его в отношении всех Его созданий, должна быть возможность ко всем к ним быть одинаково справедливым.

И эта возможность действительно существует. Люди, которые ее отвергают, не хотят видеть простого и легкого способа к ее достижению. При нашем общественном развитии, понятно, уже нельзя бы было делить землю равными долями. Этот порядок мог применяться лишь при первобытном состоянии общества, среди народа, подобного тому, для которого составлено было законодательство Моисея. Его нельзя было бы применять при

теперешнем состоянии общества. Мы ушли уже в своем развитии далее того места, когда можно было прилагать такие примитивные средства. Но мы не зашли еще, да и никогда не зайдём так далеко, что нам нельзя бы было осуществлять Божьих предначертаний. И мы можем обеспечить за всеми равенство прав, не разделяя землю на равные части, но отбирая в общую пользу ту ценность, которая возникает в земле не вследствие приложенного к ней личного труда, а вследствие роста народонаселения и вследствие общественных улучшений. Таким способом мы могли бы всех одинаково сделать участниками во владении землёю родной страны. Если бы кто-нибудь пользовался более ценной землёй, чем его сосед, то он платил бы и более налогов. Если бы кто-нибудь и вовсе непосредственно не пользовался землёй, все же он наравне с прочими пользовался бы с нее доходом. И как прост этот способ, как хорош! Как ясно выражены в нем благие предначертание Небесного Отца! В природе мы всюду видим разумную преднамеренность: будем ли мы смотреть в телескоп на звезды или в микроскоп на те миры, которые заключаются в капле воды. И даже люди, отрицающие творческий разум, принуждены, бывают, наперекор самим себе, толковать о предназначении. Когти животных, говорят они, очевидно предназначены для лазания, плавники — чтобы плавать. Но сверх этой разумной преднамеренности мы ничего не можем усмотреть в законах физического мира. Мы не усмотрим в них признаков благости. Однако в том великом общественном законе, что с ростом народонаселения, с введением усовершенствований, с движением человечества вперед по пути развития всюду поднимается ценность земли, мы можем видеть также благость Творца.

Вдумайтесь только во внутренний смысл этого явления. Разве не показывает он того, что общественные законы приспособлены к движению вперед человека. При грубом состоянии общества, когда нет еще общих расходов, земля не имеет никакой ценности. Ценность имеют тогда лишь произведения труда. Но лишь только начинает развиваться образование, лишь только появляется разделение труда и люди скучиваются местами, как возникают общие нужды и делаются необходимыми общественные расходы. И вот в ценности, которую получает земля в доходе, который она начинает приносить не вследствие чего-либо такого, что делает каждый из нас, а просто вследствие роста общества, оказывается тогда как бы запас, предназначенный для покрытия общественных расходов, — запас,

который все увеличивается и увеличивается вместе с ростом общественных потребностей. И, забирая этот доход в пользу общества, мы нимало не нарушали бы права собственности, ничего не отнимали бы у производителей и нигде не уменьшали бы естественной награды за трудолюбие и бережливость. И только лишь забирая этот доход в пользу общества, мы могли бы предупредить возникновение самого безобразного из всех захватов. Что же это значит? Не значит ли это, что согласно творческому плану естественный рост общественной жизни приводил бы не к чудовищному неравенству, а к все большему и большему равенству?

«Да приидет царствие Твое!» Быть может, мы никогда не увидим его. Но для человека, который верит, что оно должно наступить, для человека, который видит, что он послан сюда для того, чтобы работать ради наступления этого царства на земле, — для такого человека, хотя бы он и не увидел здесь этого царства, есть безмерно великая награда в сознании того, что он, слабый и незначительный человек, кое-что делает ради наступления этого царства, что он работает на стороне той доброй силы, которая проявляется всюду во вселенной, что он трудится ради того, чтобы вырвать этот мир из когтей дьявола и сделать его царством праведности. Быть может, мы никогда его не увидим. Но люди, которые борются ради него, знают в глубине своих сердец, что оно где-то существует, что где-то когда-то всякий, кто помогал его наступлению, услышит приветствие Господа: «добрый и верный раб, — Тот скажет ему, — войди в радость господина твоего».

Не укради

(Речь на митинге общества борьбы с бедностью, 8 мая 1887 г.)

Д-р МакГлин в прошлое воскресенье вечером назвал первое публичное собрание «Общества борьбы с бедностью» историческим событием. На мой взгляд, он был прав. В том факте, что служитель Христа, обращаясь к огромному собранию, состоявшему из мужчин и женщин всевозможных вероисповеданий, призывал всех и каждого к участию в новом крестовом походе, имеющем целью уничтожение бедности, — призывал соединиться и работать совместно над установлением Царства Божие на земле, — в том факте, действительно, нельзя не видеть событие первостепенной важности. Великие общественные преобразования, говорил Мадзини, всегда были и будут лишь следствием великих религиозных движений. И день, в который демократия возвысится до положение религиозной партии, всегда будет началом ее побед. Глубокий смысл собрания, состоявшегося в прошлое воскресенье, как и смысл существование самого «Общества борьбы с бедностью», заключается именно в том, что они должны внести в конце-концов религиозное чувство в борьбу, которую всегда ведет демократия, — то чувство, которое одно только может обновить мир.

Не лишены интереса отзывы печати, относящиеся к этому собранию и к учреждению самого общества. Утверждают, во-первых, что мы не можем уничтожить бедности, потому что негде взять достаточно для всех богатства. Если бы все богатство Соединенных Штатов разделено было между всеми жителями их, то все же на каждого из них пришлось бы не более каких-нибудь восьмисот долларов. Но если это верно, то тем более чудовищной должна казаться нам несправедливость, благодаря которой отдельные лица владеют в настоящее время миллионами, десятками миллионов и даже сотнями миллионов долларов. Если и на самом деле на каждого из жителей нашей страны пришлось бы так мало, то тем большей несправедливостью должны представляться все эти огромные состояния. Однако мы предлагаем уничтожить бедность не столько путем раздела того богатства, какое существует в настоящее время, сколько путем создание нового богатства. Мы предлагаем уничтожить бедность, поставив к работе целую армию людей, исчисляемую в одной только нашей стране приблизительно в миллион человек, —

целую армию людей, желающих создавать богатство, по лишенных всякой возможности к тому из-за права, которым дозволяется теперь монополизировать Божью благодать.

Затем в печати утверждают, что мы не можем уничтожить бедности, потому что бедность всегда существовала. Но если бедность существовала, то, значит, тем больше есть нужды в нашей борьбе из-за ее уничтожения. Она существует с давнего времени, она нам надоела—так постараемся отделаться от нее поскорей. Однако я отвергаю, чтобы бедность, такая, какую мы видим в настоящее время, всегда существовала, ибо никогда еще в истории мира не было времени, когда имелось бы такое изобилие богатства и столько сил, способных его производить. Факт этот настолько бросается в глаза, что те самые люди, которые говорят нам, будто мы не можем уничтожить бедности, почти тотчас же вслед за этим обыкновенно доказывают, что причина бедности кроется в перепроизводстве. Слишком-то уж много производит человечество богатства: вот будто бы почему так много бедняков; слишком- то уж много произведено разных предметов, пригодных для удовлетворение человеческих желаний: вот будто бы почему мужчины не могут найти для себя работы и женщины чахнут и надрыдают свои силы. Мир не знал еще бедности, которую можно бы было приписать перепроизводству, бедности посреди просвещения, бедности, которая увеличивалась бы одновременно с призыванием на служение людям могучих сил природы, пара, электричества, и с целым рядом сберегающих труд изобретений. Более, чем когда-либо, ясно теперь, что нет и не может быть оправданий для существования бедности в наше время и что наш долг позаботиться об ее уничтожении.

У нас есть не мало благотворительных учреждений разного рода. Конечно, их недостаточно для того, чтобы покрыть весь спрос на них, но их вполне достаточно для того, чтобы убедить каждого мыслящего человека в полной невозможности уничтожить бедность путем благотворительности; их вполне достаточно для того, чтобы показать всем людям, привыкшим вдумываться в причины явлений, что для уничтожение бедности нужна не благотворительность, а справедливость, согласование человеческих учреждений с вечными законами правды. Однако, когда мы предлагаем соответственные меры, когда мы указываем на нарушение Божьих законов, как на причину бедности, нам заявляют обыкновенно насмешливо, что мы, видно, знаем более, чем сколько вообще могут знать люди о

намерениях Всемогущего Существа. Бог, которого создали для себя некоторые лица, относится скорее благосклонно к бедности, так как она предоставляет богачам случай проявить свою доброту и милосердие, и эти лица, естественно, видят волю Божию на то, чтобы существовала бедность. Мы возразим им однако, что бедность существует не по воле Бога, а по нашей вине: из-за нашего неповиновения Богу. Воля Божия такова, чтобы бедности не существовало на земле, и мы знаем это так верно, как только вообще можем что-либо знать. Законы вселенной суть законы Бога: все они одинаково установлены им, как те, которые проявляются в человеческом обществе, так и те, которые проявляются в области физических явлений. И мы знаем, что он, Творец всего существующего, для всех одинаково дал простор, для всех дал работу, для всех изобилие. Но вот местами оказывается на земле так тесно, что кажется, будто уж слишком уж много родится народу; тысячи людей, желающих трудиться, не могут найти применение для своих сил; заработная плата падает до нищенского размера из-за конкуренции между трудящимися, и среди изобилия богатства, в самых центрах нашей цивилизации, человеческие существа живут жизнью, сравнительно с которой покажется счастливой жизнь последнего дикаря. Но что же? Вина ли в том скупость Творца? Конечно, нет. Причина тому наша несправедливость, несоответствие наших законов с предписанием поступать с другими так, как мы желали бы, чтобы поступали с нами.

«Общество борьбы с бедностью» не имеет никакого запатентованного средства против бедности. И мы отнюдь не предлагаем чего-либо нового. Мы предлагаем только провести в закон основной принцип христианской нравственности, — не делай другому того, чего не желал бы себе, — признав за каждым человеком его законные права. И мы предлагаем начать с признания за каждым чадом Божьим, здесь в нашей стране, приходящим в мир, его полной и равной доли в нашем общем наследии.

Людям тесно на земле! Да есть ли что удивительного в том, что люди скопляются местами в огромном количестве, как это мы видим хотя бы в Нью-Йорке, когда в других местах некоторые лица захватывают себе столько земли, сколько они никогда не в состоянии будут использовать, и сдают ее в аренду за огромные деньги? Что было бы с нами, если бы в этой зале первые приходящие сюда лица захватывали все места, ближайšie к их стульям, и требовали за них

платы с других лиц, являющихся сюда по равному с ними праву? Однако как раз то же самое делается у нас с землей нашей страны. Вот почему мы видим людей, скопляющихся во множестве в отвратительных наемных квартирах; вот почему бывает так трудно достать работы; вот почему оказывается всегда, даже в лучшие времена, избыток рабочих, а при застое в делах—тысячи и сотни тысяч людей бродят по нашей стране из города в город, нигде не находя для себя работы.

Мало работы! Но что такое работа? Работа в производстве означает собой не что иное, как преобразование сырого материала, заготовленного для нас Создателем, в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих желаний. А разве есть недостаток в этом материале в нашей стране? Предположите, что в то время, когда тысячи людей остаются у нас без работы и всюду чувствуется спад в деловой активности, мы принесли бы жалобу Небесному Судье на страдание и бедность народа, возникающие из недостатка в работе. Он мог бы лишь спросить нас в ответ: «Разве вся ваша земля обрабатывается вами? Разве все разрабатываются рудники? Разве нет у вас больше места для приложения труда?» О чем бы мы стали просить Создателя, чего бы не было у нас уже в изобилии? Он дал нам землю, наполненную сырыми материалами, потребными для удовлетворения наших нужд. Он дал нам способность обрабатывать эти сырые материалы. Если же оказывается в чем-либо недостаток, если чувствуется нужда, если люди не могут найти для себя занятие и умирают с голода посреди изобилия, то происходит это разве не оттого, что богатства, предназначенные Создателем для пользования всех людей, сделаны собственностью только некоторых лиц?

Выступая против чудовищной неправды, лишаящей рабочего возможности прилагать свой труд к естественным удобствам, мы выступаем против основной причины бедности. Мы желаем уничтожить ее, вырвать с корнем, дав каждому человеку простой и легкий доступ к труду. Мы отнюдь не восстаем против истинного права собственности. Мы его считаем священным и готовы всюду отстаивать его, — то право собственности, которое по справедливости прилагается к предметам, произведенным трудом, то право собственности, которое делает моим все то, что я произвожу, предоставляя мне полную свободу дарить это, продавать, оставлять в наследство или пускать в какое мне заблагорассудится употребление, лишь бы при этом я не причинял вреда другим людям. Мы признаем

это право собственности и готовы провозгласить его пред всем миром. Дом ли, пиджак ли, книга ли, всякий предмет, произведенный трудом, всегда имеет на себе отпечаток этого права, налагаемый на него его производителем. В этом основа истинного священного права собственности. Оно опирается на право человека пользоваться своими силами, на его право располагать плодами своего труда. Но где основа права собственности на землю? Где тот человек, который произвел ее и сделался чрез это ее первым собственником? Участки земли под постройками в городе, поля, засеянные хлебом, угольные или газовые месторождения не разделялись Творцом вселенной между их прежними или теперешними собственниками, и мы с полным основанием можем утверждать, что земля предназначалась Им для всех людей.

И естественная религия и религия откровения одинаково учат нас тому, что Бог не обращает внимание на лица; что земля не создавалась Им лишь для некоторых из людей; что Он не давал ее в обладание одному какому-либо поколению предпочтительно пред другими. И естественная и откровенная религия одинаково учат нас тому, что Бог создал землю для всех людей, чтобы каждый из нас, приходя в мир по воле Провидения, мог пользоваться ею в течение всей своей жизни; а раз это так, то, значит, ребенок, рождающийся сегодня вечером в вонючей комнате грязной наемной квартиры в Нью-Йорке, имеет на землю этого города столько же права, сколько любой из наших богачей.

Откуда же мы знаем, что по воле Всемогущего не должно быть бедности? Откуда знаем мы, что ее существование противоречит велением Творца? Мы знаем это из Его заповеди "не укради". И мы уверенно говорим, что бедность, существующая теперь посреди изобилующего богатства, есть следствие системы, узаконивающей кражу.

Вот женщина, склонившись над иглой или швейной машиной, работает по тринадцать, четырнадцать, шестнадцать часов в сутки; вот вдова, выбивающаяся из сил, чтобы прокормить сирот, лишенных своего естественного кормильца; вот дети, вырастающие в грязи и нищете, полураздетые, полуголодные, беспризорные, для которых в этом городе нет места, даже чтобы поиграть, вырастающие в условиях, в которых они могут остаться чистыми только лишь благодаря чуду, наперед присужденные к тюрьмам и домам терпимости; все эти люди страдают, мучаются и умирают именно

потому, что мы позволяем грабить их, попирают их природное право, лишают их того наследства, на которое в праве рассчитывать всякий человек, вступающий в мир. Для жизни их заготовлено средств в избытке. Не будь отнято у них равное право на богатство, припасенное Творцом, и молодые девушки не занимались бы не женским трудом ради одного пропитания; несчастные вдовы не кидались бы в омут жизненной борьбы ради того, чтобы достать хлеба своим детям, и мы не видели бы более той грязи и нищеты, которые так бросаются в глаза в наших больших городах и которые, очевидно, растут вместе с ростом нашей цивилизации.

Все явление такого рода суть результат узаконенной неправды, плоды пренебрежения к той заповеди, которой запрещается красть. Каким же образом эта великая заповедь трактуется сегодня, даже теми, кто якобы проповедует Евангелие? "Не укради". Если их послушать, то это означает: «Не попади в тюрьму». И не на много более этого вы услышите от кого бы то ни было. Вы можете красть, при условии, что вы крадете достаточно большие суммы, и если вы не попадетесь, то вам обеспечены лучшие места в церквях. Не крадите несколько долларов — это может быть опасно, но если вы украли несколько миллионов, то вы становитесь одним из наших первых граждан «Не укради» - это закон Бога. Что он означает? Он означает, не только то, чтобы не залезать в чужие карманы! Он означает, не только то, чтобы не взламывать двери и обирать на большой дороге. Он определенно значит то (если он вообще имеет смысл), чтобы не брать того, на что не имеешь права, вредя тем самым другим людям.

Представим, что мы в пустыни. По ней тянется караван. Шайка разбойников видит его и некоторые из них говорят: «Это богатый караван. Пойдем, нападём на него, убьём, если нужно, людей, заберем их товары, верблюдов и лошадей, и исчезнем». Но один из них заявляет: «Нет, это опасно. Лучше пойдем вперед к источнику, к единственному источнику, без которого караван должен погибнуть от жажды. Окружим его стеной, назовем его нашим, и когда подойдет караван, будем отказывать ему в воде до тех пор, пока он не отдаст нам всех своих товаров». Поступить так, конечно, значило бы поступить благороднее, вежливее и благопристойнее; но разве это не значило бы то же самое — совершить грабеж?

И разве не грабеж такого же рода совершается всюду, где некоторые люди, опережая продвижение населения, захватывают землю, которой сами они не пользуются, и ждут прихода людей,

желающих пользоваться ею, чтобы брать с них за то огромную плату? Разве не на этом грабеже основано благоденствие наших наиболее почитаемых сограждан? Поступайте так, соблюдая ложный нравственный кодекс нашего времени, и люди станут хвалить вашу предусмотрительность и предприимчивость; кругом вас станут говорить, что вы нажили состояние, потому что вы деловой человек, как всякий может нажить себе состояние, кто хочет работать и любит труд! Однако разве нами не будет при этом нарушена заповедь «не укради» — совершенно так же, как если бы вы стали лазить в чужие карманы?

«Не укради». Это значит, конечно, что мы сами не должны красть. Но это значит также и то, что мы не должны допускать, чтобы страдали другие от кражи, если мы можем им помочь. «Не укради». Разве не значит это также: «не допускай, чтобы грабили тебя или других»? А если так, то каждый из нас, богатый ли, бедный ли, одинаково ответственен за общественное преступление, порождающее бедность. Виноваты не только те люди, которые монополизируют землю, виноваты также и те, которые принимают участие в краже, позволяя ее монополизировать. Христианство, которое не хочет знать такой ответственности, в сущности, забывает учение Христа. Он, говоря о суде, не спрашивает человека: «Возносил ли ты мне хваления?» «Молился ли ты мне?» «Верил ли ты тому-то и тому-то?» Он спрашивает только: «Что делал ты, чтобы облегчить страдания, чтобы уничтожить бедность на земле?» К осужденным судья обращается со словами: «Я был голоден, и вы не дали мне есть; я жаждал, и вы не напоили меня; был болен и в темнице, и вы не посетили меня». Те говорят ему: «Господи, когда же мы не сделали тебе этого?» И он отвечает им: «Так как вы не сделали этого одному из сих братьев моих меньших, то не сделали мне». И говорит он благословенным: «Я был голоден, и вы дали мне есть; я жаждал — вы напоили меня, был наг — вы одели меня, был болен и в тюрьме, и вы посетили меня!» А когда те спрашивают его: «Господи, когда же мы делали тебе это», они отвечает им: «Так как вы сделали это одному из сих меньших братьев моих, то вы сделали это мне».

В словах этих выражается весь дух христианского учения. Сущность его состоит не в предписании: «заботься о теле своем и о спасении своей души», а в принципе: «старайся улучшить этот мир ради всех людей». Христианство явилось как протест против учение «каждый для себя — спасайся, кто может». Оно было

провозглашением Бога отцом всех людей, а людей — братьями. И именно потому богатые и знатные, первосвященники и правители преследовали его огнем и мечом. Оно не было таким, каким представляют его себе многие из наших церквей, говоря о религии, которую пытался искоренить языческий Рим. Большинство теперешних церквей назвало бы его «социализмом» и «коммунизмом», ибо оно было не чем иным, как провозглашением равенства человеческих прав.

Представим себе, что мы и наши современники, мужчины и женщины, предстали бы на страшный суд и увидели бы души тех, которые в наше время при этой проклятой общественной системе дошли до преступлений, — души тех, которые голодали и телом и духом, — души тех малых детей, которые здесь, в одном Нью-Йорке, сметаются с лица земли тысячами, когда они едва только вступают в мир, ибо у них не оказывается достаточно пищи, воздуха, света и они скучиваются в грязных кварталах города, где невозможна борьба с болезнями. Представим себе, что нам были бы показаны души этих людей; какую цену имело бы наше оправдание, будто мы лично не были ответственны за те условия, в каких они жили на земле? Что должны бы мы были, согласно евангельской притче, услышать в ответ на наше оправдание, как не эти слова: «Я позаботился о всех них. Я дал им землю, на которой всем было бы достаточно простора. Я заготовил в ней материалов несравненно больше, чем сколько требуется для удовлетворение всех их нужд. Поднимали ли, или нет, вы свой голос против той неправды, которая лишала их законной доли в богатствах, заготовленных мною для всех?»

«Не укради!» А что, как не грабеж, является среди нас причиной бедности, болезней, порока и преступлений? И кража эта оправдывается законами, которые мы поддерживаем. Кто не возвышает против этой кражи своего голоса, тот есть соучастник в ней. Знамя поднято; наконец-таки начат новый крестовый поход. Кто-то из нас, многие из нас, поклялись в душе потратить всю свою жизнь и все свои силы на то, чтобы раскрыть и уничтожить неправду. Мы объявили ей войну. Кто не с нами, тот пусть считается идущим против вас. Не будем колебаться, отбросим полумеры и не отступим до тех пор, пока не добьемся своего.

Бедности не должно быть в нашем мире и при нашей цивилизации. Существует запас, созданный законами Творца, которого было бы достаточно для снабжение продовольствием всех нуждающихся,

которого было бы достаточно и даже более, чем достаточно, для удовлетворения всех общественных надобностей. И малые дети, умирающие в наших трущобах из-за недостатка в просторе и свежем воздухе, представляют из себя, в сущности, обобранных наследников великого богатства.

Представляли ли вы себе когда-либо все значение того замечательного факта, что прогресс вообще, развитие цивилизации и рост народонаселения всегда сопутствуется ростом земельных ценностей. Факт этот пользуется особенным вниманием спекулянтов всюду в нашей стране. Ожидается ли где приход новых поселенцев, встречаются ли где железнодорожные линии, разрастается ли город, открываются ли новые доказательства благодати Творца в виде богатых каменноугольных копей, железных рудников, нефтяных или газовых залежей, — и спекулянты уже тут как тут: ценность земли растет, начинается массовая продажа и перепродажа земель, множество людей наживает себе огромные состояния, не создав ни гроша сколько-нибудь производительным трудом.

Однако ведь не иначе, как в силу естественного закона, увеличивается ценность земли вместе с ростом народонаселения и развитием изобретений; ведь в силу естественного закона открытие каждого нового доказательства благодати Создателя в виде тех богатств, которые заготовлены были Им для нас в недрах земли, ведет именно к повышению ценности земли, а не чего-либо другого. И естественный закон этот является, конечно, таким же законом Творца, как и закон тяготения. Какая же цель имелась в виду при его установлении? Не та ли, чтобы дать средства для удовлетворения общественных нужд? Растет общество, увеличиваются его нужды, и вместе с тем все сильнее и сильнее растет ценность земель. Не ясно ли, что в ней имеем мы фонд, принадлежащий всему обществу и предназначенный того, чтобы оказывать поддержку вдовам, сиротам и всем, кто может в ней нуждаться, чтобы доставлять средства на народное образование, на покрытие общественных расходов и на все те затраты в целях общественного блага, которые становятся все более и более необходимыми вместе с развитием цивилизации?

В настоящее время ценность земли в Нью-Йорке так велика, что ежегодный доход с нее превышает 100 миллионов долларов. Кому обязана она своим возникновением и ростом? Землевладельцам ли, которые сюда явились, или всему населению города, который сделался центром торговли для значительной части материка?

Разве не увеличивает эту ценность земли каждый новый ребенок, рождающийся здесь, и каждый приходящий сюда поселенец? И разве не в праве они, в виду этого, рассчитывать на некоторую долю в общей прибыли? Разве не причиняют им обиду, когда делают эту прибыль достоянием немногих избранных, отнимая ее у общества?

Мы могли бы употреблять этот фонд на покрытие наших общественных расходов. Пользуясь им, мы могли бы сделать наш город просторным, чистым, здоровым и красивым, — разбить повсюду общественные парки, уничтожить грязные съемные квартиры, передать в ведение города все средства сообщения и ввести бесплатное пользование окрестными железными дорогами по тому примеру, как пользуются теперь лифтами жильцы многоэтажных домов. Пользуясь этим фондом, мы могли бы устроить обширные музеи, публичные библиотеки, места для игр и общественных собраний, не ожидая порывов щедрости от богатых сограждан. Мы могли бы из этого фонда доставлять средства пропитание для вдов и сирот, и не как унижительную милостыню, а как по праву принадлежащую им часть в общем великом наследии. И мы могли бы делать все это, не только не взваливая новых налогов на производителей, не только не ущемляя истинные права собственности, но даже охраняя в несравненно большей, чем теперь, степени право собственности и отменяя налоги, которые подавляют в настоящее время производство. Что нам нужно — это то, чтобы уничтожены были все налоги на предметы, производимые человеческим трудом; чтобы отменены были все поборы с людей, которые строят дома, накапливают богатство, привозят товары из чужих стран, или производят их тут на месте, и чтобы все налоги возложены были на ценность земли, чтобы собирался в пользу общества этот огромный доход, который создается ростом общества.

Д-р Налти, епископ мизский, говорил в послании духовенству и мирянам своей епархии, что фонд этот, заготовленный Творцом в виде ценности земли, возрастающий вместе с ростом, народонаселение, представляется ему одним из прекраснейших общественных установлений, а я вижу в нем самое ясное доказательство благодати и мудрости Бога, ибо при соблюдении закона равной свободы цивилизация в своем развитии, благодаря такому запасу, должна вести не к чудовищному неравенству, как теперь, а к самому полному равенству. Далее этот добрый католический епископ в своем послании говорит: «Земля каждой страны есть. общая собственность население

этой страны, ибо она предназначена для него ее единственным собственником, Творцом, который создал ее. «Землю же даде сыновом человеческим». Так как каждый житель всякой страны есть создание и чадо Божие и так как все создание Божии равны перед лицом Его, то всякий захват земли в стране, при котором самый смиренный житель этой страны лишился бы своей доли в общем наследии, должен представлять из себя не только несправедливость или обиду в отношении этого жителя, но также нечестивое противление благим намерениям его Творца». Затем епископ Налти доказывает, что путь, каким может быть обеспечено равное право людей на землю, состоит не в разделе ее на равные куски, а в отобрании в пользу всего народа ценности, возникающей в земле. Именно этому пути предлагает следовать и наше общество. Мне хочется верить, что нью-йоркская печать поймет и поддержит нас. Мы не предлагаем раздела земли, мы предлагаем разделить между всеми членами общества ренту, получаемую с земли; а это очень нетрудное дело.

Нам нет никакой надобности лишать кого-либо его владений, препятствовать постройкам или сооружениям. Нам нужно лишь сложить налоги со всех улучшений в земле или на земле, со всех форм богатства и установить налог на ценность земли независимо от улучшений, так, чтобы люди, удерживающие в своем владении участки порожней земли, должны бы были платить с них столько же, сколько платилось бы и с застроенных участков. Таким путем всю землю нашего города мы сделали как бы поместьем, принадлежащим всему его населению. И как благодаря доходу с сравнительно небольшого участка земли в Нью-Йорке, на остров Стэйтн, например, удалось создать прекрасное благотворительное учреждение для матросов «Тихая гавань», так и весь Нью-Йорк может превратиться в такую же «тихую гавань», но только уже для всех своих жителей.

Население Нью-Йорка могло бы управлять своим владением совершенно так же, как управляют своими владениями корпорации или отдельные лица. И вместе с тем, чтобы пользоваться им, как своею собственностью, ему не нужно бы было впутываться в разного рода владельческие права. Для него не было бы надобности заявлять каждому из землевладельцев, что «такой-то участок более не твой, а мой». Мы можем оставить все существующие права в том виде, в каком они существуют. Мы можем предоставить землевладельцам по-прежнему называть себя собственниками земли; нам нужна лишь рента с земли, ежегодный доход с нее. Заметьте это: нам нужен по

доход, созданный собственниками и зависящий от сооружений или улучшений, а просто тот доход, который получается с голой земли в силу того факта, что она находится в известном месте, — доход, который приносит земля вследствие роста общества. И когда мы возьмем этот доход, тогда пропадет всякая охота монополизировать землю, тогда те почтенные господа, которые удерживают теперь около половины поверхности, занятой Нью-Йорком, вне всякого употребления, найдут налог на землю слишком высоким для себя и постараются или застроить свою землю или продать ее тому, кто пожелает построить, хотя бы по чисто номинальной цене.

И так по всей стране. Отправьтесь в Пенсильванию, и вы увидите там огромные пространства земли, содержащей в себе неисчерпаемые запасы самого лучшего каменного угля. Земля эта принадлежит разным лицам и корпорациям, и каменного угля добывается там сравнительно ничтожное количество. Простые американские граждане, занимающиеся добычей каменного угля, не могут даже и мечтать о том, чтобы снять там в аренду какой-либо участок земли, не говоря уже о том, чтобы купить его. Они могут жить лишь в домах, построенных собственниками, да и в них им позволяется жить лишь на условии (которое предписывается им) очистить свои квартиры в пятидневный срок по уведомлению, которое может быть получено в любой момент. Компании, занимающиеся добычей угля, находятся в створе и продают уголь по искусственно дорогой цене, поддерживая искусственно малый спрос на рабочую силу. Почему бы, спрашивается, этим рабочим самим не разрабатывать копей и не употреблять на это все свое рабочее время, которое теперь занято лишь наполовину? Кем заготовлен уголь? Ответ один — Богом. Для кого он заготовлен? Всякий ребенок скажет на это, что Бог заготовил его для людей, которые должны были явиться на землю. Однако законы Пенсильвании, как и законы Нью-Йорка, решают, что Бог заготовил его для некоторых корпораций и индивидуумов, и потому позволяют немногим лицам лишать работы шахтеров и поднимать искусственно цену на уголь.

Несколько недель тому назад, путешествуя по Иллинойсу, я разговорился в вагоне с рабочим, который сел в поезд в одном из шахтерских городов. Он отправлялся в другое место, надеясь найти там работу. Он рассказал мне об условиях, в каких живут шахтеры, об их малой зарплате, едва дающей возможность существовать, и о сокращении до половины против нормы числа рабочих часов. «Но

ведь в земле,— заметил я ему, — видимо-невидимо угля; что бы вам самим заняться его добыванием?» Он отвечал мне: «Мы устроили было кооперативное товарищество и вступили в переговоры с собственником земли относительно платы, за какую он дозволил бы нам вырыть шахту и добывать уголь. Тот назначил нам \$7500 в год. Такой суммы мы не могли собрать». Будь земля обложена налогом в размере всей ренты или в размере дохода какой она может приносить, разве могли бы тогда монополисты не допустить этих людей до разработки угля? Будь открыта для каждого рабочего, желающего трудиться, возможность сделаться своим собственным хозяином, разве могла бы тогда численность безработного люда подняться в Соединенных Штатах до цифры одного миллиона или хотя бы одной тысячи человек?

Отношение хозяина и работника есть целиком дело удобства. Оно отнюдь не представляет из себя чего-либо непосредственно вытекающего из естественного порядка явлений. По самой природе своей каждый человек обладает способностью сам пользоваться своими силами, и люди сами прилагают к делу свои силы всюду, где не отрезаны от них природные ресурсы. Ни у одного человека нет естественного права на то, чтобы для него трудились другие люди, но каждый из нас имеет естественное, неотчуждаемое, Богом данное право требовать для себя возможности трудиться. Всюду, где будет признано это право, всюду, где для людей, желающих трудиться, открыт будет доступ к природным ресурсам, конкуренция между хозяевами, ищущими рабочих, будет так же сильна, как конкуренция между рабочими, ищущими работы, и заработная плата повысится во всех занятиях до своего истинного размера, до полного честного вознаграждения трудящихся. Тогда, при помощи непрерывно возрастающего общественного фонда, бедность будет уничтожена, а немного спустя мы будем говорить о ней так же, как начинают говорить теперь о рабстве, как о наследии темных невежественных времен.

Право собственности на чужую плоть и кровь защищалось некогда совершенно так же, как теперь защищается право частной собственности на землю; что и на людей, восстававших против личного рабства, возводились некогда те же самые обвинения, какие возводятся теперь на людей, стремящихся уничтожить промышленное рабство. Служители церкви и ее богатые прихожане, признавали возмутителем, даже богохульником всякого священника, который

осмеливался провозглашать истину Божию, что никогда не было и никогда не может быть законного права собственности на человеческую плоть и кровь.

Так же и теперь признают за проповедников грабежа тех, которые протестуют против системы, представляющей из себя лишь иную форму рабства. Заповедь «Не укради» понимается многими, как предписание не возражать против кражи. Когда мы предлагаем вернуть себе свою собственность, когда мы предлагаем обеспечить за каждым ребенком, вступающим в этот мир, принадлежащее ему естественное право, то о нас говорят будто мы хотим устроить конфискацию чужого имущества, и признают нас за нарушителей права собственности. Но на самом деле мы желаем утвердить истинное право собственности, положив конец краже. Личное рабство воплощало собой наихудшую форму кражи. Той системы, которая превращала в собственность человеческие существа, которая позволяла одному человеку продавать другого, отнимать у него плоды его труда, разлучать ребенка с матерью и преследовать собаками беглецов, — той системы рабства более не существует. Уничтожение ее было исполнением заповеди «Не укради»; однако остается другая форма рабства.

Мы продаем в настоящее время огромные количества американской земли английским лордам и капиталистам, которые создают на ней поместья, более крупные, чем в Великобритании или Ирландии. Мы продаем им землю, они — покупают. Но приходило ли вам когда в голову, что лично им земля эта, в сущности, не нужна? Они не пользуются ею и не предполагают когда-либо жить на ней. Не предполагают они, конечно, и переправлять ее к себе в Европу. Им нужна не земля. Им нужен лишь доход с нее. Они покупают ее не потому, что она может понадобиться им, а потому, что с ростом нашего народонаселения она понадобится американским гражданам. Те придут к ним со временем и будут просить этой земли. «Вы можете пользоваться ею, — скажут они, — но лишь на условии отдавать нам половину всего, что вы будете на ней производить». Мы продаем иностранцам, в сущности, не землю; мы продаем им труд американских граждан, продаем привилегию брать себе без возврата плоды труда наших детей.

Вот и здесь у нас, в Нью-Йорке, как это каждый знает из газет, земля с каждым днем все дорожает и дорожает. Джон Джонсон или Роберт Браун за один только год нажил состояние в сотню тысяч

долларов в виде возросшей ценности его земли в Нью-Йорке. Что это значит? Это значит, что он приобрел власть брать себе на столько-то больше: одежды, сигар, вина, промышленных товаров, лошадей, экипажей, домов и еды. Он приобрел власть брать себе, как ему принадлежащее, на столько-то больше произведений человеческого труда. Но что же он делал? Он ничего не делал. Он проводил время в Европе, путешествовал по Востоку или посиживал себе дома, находя это более спокойным. Но если он ничего не делал, чтобы нажить себе огромную прибавку к своему доходу, то откуда же она должна была браться? Предметы, перечисленные нами, все до единого предоставляют из себя произведение человеческого труда — все они производятся какими-то людьми. И когда человек, который не трудится, будет брать себе эти предметы, то необходимо будут получать меньше, чем следовало бы, те люди, которые их производят.

Вот та система, против которой решило начать войну «Общество борьбы с бедностью», и оно зовет вас прийти к нему на помощь и пополнить ряды его бойцов. Это одно из самых славных дел, в каких только может участвовать человек. Чем должно казаться сравнительно с ним все прочее в нашей жизни? Одно и только одно известно нам всем несомненно: что рано или поздно нас не станет. К чему же послужат нам те немногие годы, какие суждено нам провести на земле? Разве не будет лучшим, самым благородным употреблением нашей жизни — работа над тем, чтобы улучшить и сделать более счастливой жизнь людей, которые придут сюда после нас, — борьба с неправдой, просвещение общественного мнения и посильное участие в ниспровержении той проклятой системы, которая развращает и разоряет огромную массу людей?

Нам предстоит продолжительная и трудная борьба. Быть может — и это очень вероятно, — что многие из нас не доживут до победы. Но что же из этого? Ведь и то особое счастье — быть участником этой борьбы. По своей сущности борьба эта есть лишь часть той великой мировой борьбы, которую во все времена вели все честные и добрые люди, и, принимая участие в ней, мы будем своими слабыми силами содействовать установлению царства Божие на земле, будем приближать жизненные условия грядущих поколений к тому идеалу, который должен осуществиться на небесах.

Земля для народа

(Речь, произнесенная в Тумбридже, Ирландия, 11 июля 1889 г.)

В том немногом, что я имею сказать вам сегодня вечером, я должен коснуться основных принципов.

Земельный вопрос в Ирландии не отличается по существу от земельного вопроса в других странах. Это не есть вопрос только об отношениях между крестьянами и помещиками. Это вопрос, который касается каждого мужчины, каждой женщины, каждого ребенка. Земельный вопрос есть просто другое название для великого рабочего вопроса, и люди, которые думают, что земельный вопрос имеет важность только для крестьян, забывают, что такое земля. Земля ведь не есть только место для пастбища коров или овец, для выращивания хлеба или капусты. Она есть незаменимый элемент, потребный для жизни человеческих существ. Все мы — земные животные, самые наши тела берутся из земли и снова в нее возвращаются. Живет ли человек в городе или в деревне, земледелец ли он, ремесленник или простой рабочий где-нибудь на фабрике или заводе, земля одинаково необходима для его жизни. Каково бы ни было его занятие, но если он занят производительным трудом, то труд этот в конце-концов всегда состоит лишь в работе над землей, в преобразовании и перемещении вещества вселенной. Производя что бы то ни было, люди не создают в собственном смысле этого слова; им не дано творить из ничего. Они не создают угля, они лишь выламывают его в земле и выносят наружу; они не создают рыб, они лишь ловят ее в озерах, в реках или в океане; они не создают домов, они только строят их из дерева, камня и железа; они не создают одежды, они лишь готовят ее из шерсти или растительных волокон; они не создают хлеба, они только поднимают землю и бросают в нее семя, предоставляя его воспроизводительным влияниям природы. Всюду только одно приложение труда к земле может производить предметы, потребные для удовлетворения нужд человека и для поддержания его жизни. Земля и труд — вот два необходимые и незаменимые фактора в производстве богатства.

Что же касается прав собственности, что касается того принципа, который позволяет человеку сказать о чем-нибудь: «Это мое; это моя собственность», то где мы можем видеть его возникновение и начало, как не в праве производителя на то, что им производится? Что сделано

человеком, то он по справедливости может считать своим. Все, что берет он из запасов природы путем затраты труда, все, что отливает он в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд, все это есть его в силу безупречного и священного права собственности, вытекающего из права располагать своими силами и пользоваться плодами своего труда. Нарушать это право значит нарушать священную заповедь «Не укради». Ведь это естественный и божеский закон, чтобы производимое принадлежало производителю, чтобы дом принадлежал тому, кто его строит, а хлеб или скот тому, кто их выращивает.

Но может ли это право собственности распространяться на самые запасы природы, на самую землю? Признавая за основной принцип ту несомненную и очевидную истину, что все, что производит человек, принадлежит ему и может быть даримо и продаваемо им кому угодно, мы вместе с тем признаем за основной принцип также и ту несомненную и очевидную истину, что все, что существовало ранее, чем явился человек на землю, что не было произведено человеком, а было создано Богом, принадлежит безразлично всем людям. Человек не создавал земли и никто из людей не может предъявлять прав собственности на нее. Земля создана была Богом, для которого нет высших и низших, и Он создал ее одинаково для всех людей. Все люди находятся здесь одинаково с Его дозволения; в силу законов, Им установленных, всем им одинаково нужно пользоваться землей; все они имеют равное право на жизнь и потому все они имеют равное право на пользование благостью Творца. И земля Ирландии подобно земле всякой другой страны, не может по справедливости принадлежать какому-либо классу, как бы он ни был мал или велик; земля Ирландии, подобно земле всякой другой страны, должна находиться в пользовании всего ее народа, и ни один человек не может иметь на нее такого права, какого не имел бы всякий другой человек.

Мы утверждаем, что все общественные трудности, заметные здесь, в Ирландии, что все общественные трудности, существующие в Англии и Шотландии, что все общественные трудности, возникающие в Соединённых Штатах — низкий размер заработной платы, малый спрос на рабочие руки, — тот факт, что трудящийся люд всюду пребывает в бедности, хотя труд есть производитель богатства, что все они зависят от одной великой коренной неправды, от того, что сделан собственностью некоторых лиц естественный элемент,

необходимый для всех, от того, что всюду в цивилизованных странах народные массы лишены их природного наследия.

Цель наша не в том, чтобы увеличить численность привилегированного класса, не в том, чтобы несколько тысяч собственников земли заменить многими тысячами их, а в том, чтобы обеспечить за самым низким членом общества его естественное, Богом данное, право, — чтобы обеспечить за каждым ребенком, рождающимся в Ирландии или в какой-либо иной стране, его естественное право на равное с другими пользование родной землей. А как мы можем достигнуть этого? Мы не достигли бы этого, если бы разделили землю на равные доли и поровну распределили ее между всеми семействами. Такой план мог годиться лишь при грубом состоянии общества, да и то нужно бы было сделать, как это и было сделано в Моисеевом законодательстве, чтобы наделы эти признавались неотчуждаемыми и не могли быть продаваемы. Но при нашей современной цивилизации, когда промышленность осложнилась, когда земля местами получила огромную ценность, а местами не имеет почти никакого, когда постоянно меняется ее относительная ценность, равный раздел земли не обеспечил бы равенства.

Путь обеспечения равенства прост. Он заключается не в том, чтобы мы делили землю, а в том, чтобы мы обратились к людям, которым позволено пользоваться землей, имеющей особые преимущества, и обязали их уплачивать всему обществу, всем людям и, в их числе, самим себе известное вознаграждение за пользование такой привилегией в виде правильно определённой ренты, которая и употреблялась бы затем на нужды всего общества. Нам нужно бы было лишь сделать весь народ единым собственником земли, а ренту, которая поступает теперь в карманы частных собственников, направить в бюджет и употреблять на общее благо.

Рента сама по себе есть нечто естественное и справедливое. Для примера представьте себе, что все мы, находящиеся в этой комнате, решили бы отправиться в какую-нибудь новую страну и поселиться там на условии полной равноправности; как могли бы мы поделить землю, чтобы установить и поддержать равенство? Если бы мы решили разделить ее на равные доли, то нам против этого прежде всего могли бы возразить, что при нашем разделе мы еще не знали бы хорошо всех свойств земли, и один человек мог бы получить более ценную землю, чем другой. Со временем и вообще ценность

различных участков изменилась бы. Далее, нам могли бы возразить, что, разделив землю и установив на нее полное и неограниченное право собственности, мы никоим образом не предупредили бы возникновения неравенства в последующих поколениях. Один мог бы быть расточителен, другой, наоборот, чрезвычайно жаден до сбережений или приобретений; один несчастлив, другой — очень удачен в своих начинаниях и т. п. В короткое время земля одного могла бы перейти в руки другого, и его дети уже не имели бы своей доли владения. Единственно, что мы могли бы уверенно сделать, так это предоставить каждому из нас полную свободу брать себе сколько угодно земли и пользоваться ею, пока никто другой не пожелает ею пользоваться; когда же другие пожелали бы ею пользоваться, то владелец ее должен был бы уплачивать известную премию, которая шла бы в общий фонд и, употребляясь на общее благо, выравнивала бы всех по их положению. Таков был бы идеальный способ деления земли в новой стране.

Теперь задача наша состоит в том, чтобы применить тот же способ к старой стране. Тут мы сталкиваемся с тем обстоятельством, что всюду в цивилизованном мире земля находится уже во владении некоторых лиц и лица эти не желают расставаться с ней. Один из ваших выдающихся лидеров, г-н Парнель, заявил несколько лет тому назад, что существуют только два способа получения земли народом. Первый способ — это выкупить ее, второй — отобрать силой. Это неправда. Существует третий способ, наиболее важный, и способ этот есть как раз предлагаемый нами в виде единого налога.

Мы предлагаем уничтожить все налоги, собираемые в настоящее время, и установить один только налог с ценности земли. Заметьте это, мы предлагаем установить налог лишь с ценности земли, а не с ценности улучшений в ней или на ней, которая была создана трудом и принадлежащая трудящимся. Мы предлагаем установить налог только с ценности земли, не зависящей от улучшений, так, чтобы с известного пространства неулучшенной земли взималось бы столько же налога, сколько с такого же пространства такой же улучшенной земли, чтобы с застроенного участка в городе взималось бы столько же налога, сколько с такого же участка незастроенного. Вот что мы называем единым налогом. Мы брали бы в нем лишь ренту в собственном смысле этого слова, и было бы лишь естественно и справедливо, чтобы человек, владеющий землей лучшего качества, уплачивал бы обществу тот излишек, который он получал бы за счет

предоставленной ему обществом привилегии.

Однако сверх ренты в собственном смысле этого слова, — так сказать, «экономической» ренты, — есть еще рента, вымогаемая путем монополии, рента, которую можно бы было назвать «монопольной» рентой. В той стране, куда мы, по предположению, отправились бы при порядке, рассмотренном нами, каждый уплачивал бы ежегодно в общий фонд соответственно той привилегии, какой он пользовался бы, владея землей известной ценности, и люди, во владении которых не было бы ценной земли, не знали бы никаких платежей. Рента, которую уплачивали бы отдельные члены общества, определялась бы только лишь ценностью той особой привилегии, какой они пользовались бы от общества. Но представьте себе, что всей этой страной, которая оказалась бы островом, владел бы один какой-нибудь человек; что, переселясь туда, вы были бы так неосторожны, что позволили бы хотя бы мне предъявить особое право на этот остров и назвать его своим. И вот там возникло бы то, что я назвал монопольной рентой. Я мог бы заставить вас отдавать мне каждую заработанную вами копейку, оставляя вам лишь столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и если я не мог бы требовать от вас большого, то только потому, что тогда вам пришлось бы умереть. Именно эту-то монопольную ренту в значительной мере и представляет из себя все то, что собирается теперь землевладельцами Ирландии с ее народа. Право взимать ее является следствием права удерживать землю вне пользования, права отстранять от нее рабочие руки. Обложите землю соответственно ее полной стоимости, и от права этого не останется и следа: самый богатый землевладелец окажется не в состоянии владеть пустующей землей. Всюду это простое средство принудит собственников земли или пользоваться ею или передать ее в руки людей, которые желают ею пользоваться; арендная плата за землю упадет до размера экономической ренты и будет поступать не частным лицам, а в общее пользование и распределяться на нужды всего общества.

Применяя наши принципы к Ирландии, мы скажем, что арендная плата за землю Ирландии должна равняться лишь ренте, в экономическом смысле этого слова, и должна уплачиваться не собственникам земли, живущим где-нибудь в Лондоне, Париже, Глазго или самой Ирландии, а в ирландский бюджет, чтобы расходоваться на нужды всего ирландского народа.

Один господин в Тумбридже рассказывал мне, он имел с кем-то

разговор, во время которого им было упомянуто мое имя. "Но если правда все, что вы говорите,—заметил его собеседник,— то почему же мы раньше-то не слышали ничего подобного и требовался непременно какой-то Генри Джордж, чтобы открыт нам все это?" Но не Генри Джордж открыл все это. Еще в старину говорили почти о такой же системе, да и теперь я не мог бы обойтись, чтобы не упомянуть имени одного из выдающихся ирландских деятелей, заявившего себя сторонником того же принципа задолго до того, как он слышал что-либо обо мне. Я назову вам имя одного только человека. Многие из вас, вероятно, знают д-ра богословия Налти, епископа из Миза. Во всяком случае все вы слышали о нем. И вот в 1881 году, когда я еще ни разу вне был в Ирландии и д-р Налти ничего еще не слышал обо мне, он опубликовал письмо свое по земельному вопросу к духовенству и мирянам мизской епархии. В письме этом он излагал как раз те самые принципы, которые я отстаиваю теперь перед вами. Он излагал тот принцип, достаточно очевидный для каждого, что все люди суть одинаково дети Творца, что Бог сотворил землю для всех созданий, что все Его дети, как старший сын самого гордого пэра, так и младший сын самого бедного крестьянина, наделены одинаковым правом на пользование его милостями за время своей земной жизни. Он излагал тот принцип, что земля Ирландии в отношении пользования ею, и только в этом отношении, принадлежит народу Ирландии, что даже и во всем своем составе народ Ирландии не может представлять на нее никаких прав собственности. Никакое поколение не может считать своим этот мир или какую-либо его часть. Он создан не людьми, и люди являются лишь его временными обитателями. Мы сюда приходим и уходим отсюда сменяющимися рядами поколений на время короткой нашей жизни, а земля во все дни остается нашим жилищем, нашей житницей и местом работы, и не для одного какого-либо человеческого поколения, а для всех поколений. Д-р Налти излагает как раз тот самый принцип, который я пытался здесь вкратце изложить пред вами, что существует право собственности, проистекающее от труда, от производства; что это закон природы, закон Бога, чтобы все люди трудились и чтобы все, что производит человек своим трудом, было еще неотъемлемой собственностью, но чтобы запас, из которого все берется, сама земля, не принадлежала никому, а находилась как раз в том самом порядке пользования, какой предложен мною; пусть она находится во владении известных лиц, но пусть эти лица платят за эту привилегию

в общий фонд, а фонд этот пусть употребляется на общее благо. Д-р Налти утверждает затем, что всякий человек, вникнувший в дело, от души согласится с тем, что естественный закон ренты, тот закон, в силу которого с ростом народонаселения все увеличивается и увеличивается ценность земли, является самым убедительным и наглядным доказательством не только премудрости, но также и благости Творца.

Исполняй только люди Божию заповедь справедливости, исполняй только люди основное правило христианской нравственности, — не делать другим того, чего ты не желал бы, чтобы делали тебе другие,— и это естественное установление, этот закон ренты стал бы приводить с развитием цивилизации не к чудовищным контрастам богатства и бедности, как это мы видим теперь, а к все большему и большему равенству.

Вот те простые, ясные принципы, которые мы отстаиваем, и мы предлагаем простое и удобное средство к восстановлению равенства прав людей на землю в отмене всех налогов и установлении налога с ценности земли, не зависящей от улучшений, подняв который до размера ренты, мы уничтожили бы монополизацию земли и создали бы фонд для удовлетворения нужд всего общества. Насколько легко это средство, можно видеть между прочим и из того, что, воспользовавшись им, мы могли бы перейти от теперешнего несправедливого общественного строя к идеально справедливому, совсем не сталкиваясь с вопросом о вознаграждении собственников за передачу земли во владение всего народа. Никому и в голову не пришла бы та мысль, чтобы нужно было вознаграждать человека за то, что он сделан плательщиком налога... И я вам скажу, что по моим личным наблюдениям (а за эти три месяца я говорил местах в семидесяти в Англии и Шотландии) идея единого налога быстро завоевывает себе внимание общества в этих странах и вскоре делается очередным вопросом внутренней политики в Великобритании. Не меньше успехов делает эта идея и по другую сторону Атлантического океана, в Соединенных Штатах, где можно встретить горячих поборников ее и в городах, и в селах, и в одиноких хижинах, а о том, как стремительно проникает эта идея в область законодательства под Южным Крестом, вам, надеюсь, поведали находящийся здесь г-н Герленд, член парламента из Нового Южного Уэльса. И я прошу вас здесь сегодня вечером присоединиться, насколько это возможно для вас, к этому общему движению и двинуть

вперед наше дело. Оно имеет не местное, а мировое значение. Оно затрагивает интересы не одного только ирландского, английского или шотландского народа или народа какой-либо иной страны, а интересы всего народонаселения земли. За что мы боремся, так это за свободу всего человечества; чего мы добиваемся, так это уничтожения того промышленного рабства, которое закабляет людей не менее, чем закаблял их жестокий закон. Тридцать лет тому назад вы могли побывать в Джорджии, Луизиане или Южной Каролине в каком-нибудь богатом поместье и видеть там сотни негров-рабов, тяжело трудившихся, одетых в рубища, полуголодных и живших в жалких хижинах. И тут же вы могли видеть их владельца, который не работал, а жил в роскошном доме, проводя зиму в поездках на Север или за Атлантический океан. То была известная форма рабства, форма присвоения труда других людей, принуждения работать их на себя, ничего не платя им за это. Но что мы видим в Ирландии? Здесь нет рабства! Здесь свободны все люди! А побывайте в каком-нибудь богатом поместье, и вы увидите там сотни людей, тяжело трудящихся, одетых в рубища, полуголодных и живущих в жалких хижинах, — людей, которые в хорошую пору еле сводят концы с концами, а в случае неурожая должны обращаться к общественной благотворительности, чтобы не умереть с голода. И тут же увидите вы роскошный дом и великолепный парк, принадлежащий человеку, который вовсе не работает, но который тем не менее наслаждается всем тем, что только производит труд, — который едва достаивает своим присутствием своё владение в течение нескольких недель или месяцев и все остальное время проводит, роскошествуя где-нибудь в Лондоне или Париже или путешествуя на собственной яхте. Есть ли какая разница в обоих случаях? Да только разница в форме. И в том и в другом случае человек, не работая, берет себе работу других. В одном случае он берет себе ее потому, что он владеет их телами, в другом — потому, что владеет землей. Если бы на том острове, о котором я вам говорил, вы позволили мне назвать землю своей, то я сделался бы вашим господином, а вы — моими рабами, в такой же мере, как если бы я завладел вашими телами. Вот где причина того промышленного рабства, которое существует всюду в цивилизованном мире; вот где причина низкой заработной платы и постоянной безработицы. Однако нам не нужно бы было прибегать к междоусобной войне, чтобы избавиться от этого рабства. Есть сила более могущественная, чем сила меча, и эта сила есть сила

общественного мнения. Что порабощает людей, так это только невежество и предрассудки. Нам нужно лишь обратиться к первым принципам, нам нужно лишь утвердить естественные права людей.

Замечу только, что мы не могли бы избавиться от этого рабства путем применения таких мер, какие предлагаются ирландскими патриотами, — путем выкупа земли у лендлордов и продажи ее крестьянам. Какой толк был бы от того для других рабочих? Какой толк от того был бы для ремесленников в городе? Да и был ли бы от того какой-либо толк для тех же крестьян с течением времени? Разве не водворилась бы здесь опять та же система благодаря превратности судьбы, благодаря переменам счастья, благодаря различиям между людьми, которые делают одних богатыми, других бедными, одних продавцами и заемщиками, а других покупателями и кредиторами? Да и несправедливой была бы такая мера. Какое право имеет крестьянин пользоваться благодеяниями общества предпочтительно пред другими его членами? Коли покупать землю для крестьян, то почему не покупать обувь для ремесленников, магазины для продавцов, лодки для рыбаков, и почему вообще правительству не заняться снабжением всех и каждого необходимыми ему орудиями производства? Да и самый выкуп этот что из себя представлял бы? Что, в сущности, стали бы мы выкупать? Право облагать налогом своих соотечественников? Право присваивать то, что принадлежит всем? Не этого требует от нас справедливость. Если бы при восстановлении за людьми принадлежащего им права надо было думать о чем-либо вознаграждении, то следовало бы подумать скорее о награждении людей, которые страдали от неправды, чем людей, которые учиняли ее и извлекали из этого прибыль.

Земля и налоги

(Беседа с Давидом Фильдом в июле 1885 г.)

Фильд. Я просил бы вас объяснить мне, как вы рассчитываете провести в жизнь вашу теорию отобрания земли в пользу государства.

Джордж. Отменяя один за другим различные налоги и сосредоточивая все налогообложение на ценности земель.

Ф. Тогда представим себе некоего А, собственника трехсот акров земли вдоль реки Гудзон, преимущественно полевой и луговой, на которой у него есть дома, житницы, рогатый скот, лошади, экипажи и разные хозяйственные принадлежности; как следовало бы поступить с ним, приводя в исполнение ваш план?

Д. Его следовало бы обложить налогом по ценности его земли, но не по ценности его построек или скота.

Ф. И это все равно, увеличилась ли ценность его земли вследствие его работы или не увеличилась?

Д. Ценность земли, в сущности, не увеличивается вследствие работы. Увеличивается вследствие работы, собственно, ценность разного рода сооружений и улучшений, которые должны бы быть свободны от налогов. Я обложил бы налогом землю по ее теперешней ценности, исключив улучшения, так что наш собственник должен бы был платить не более налогов, чем сколько приходилось бы платить собственнику тысячи акров земли, такой же по плодородию, по ее местоположению и по всему прочему, но оставшейся в ее первобытном естественном состоянии.

Ф. Но предположите, что собственник такой земли держал бы ее под пустырем в течение многих лет, тогда как собственник, о котором я заговорил с вами, отдавал бы свое время и средства на увеличение ценности своих трехсот акров; неужели вы обложили бы их одним и тем же налогом?

Д. Одним и тем же.

Ф. Представим себе некоего Б, соседнего собственника, земля которого никогда ничего не давала, кроме сорной травы; предположим, что собственник А купил свою землю как раз в таком же состоянии, но благодаря своему труду и затратам так улучшил ее, что теперь без построек, хозяйственных принадлежностей и скота она

стоит в пять раз более, чем триста акров, принадлежащих Б; Б платит налог в размере 10% от стоимости акра, и таким же налогом вы обложили бы и А?

Д. Конечно, я обложил бы его не более, чем Б, ибо добавочная ценность, созданная А, представляет из себя, собственно, увеличение общей суммы богатства, и он в праве пользоваться ею по своему усмотрению. При нашей теперешней системе, облагающей налогами ценности, созданные трудом человека и его капиталом, мы в сущности караем за трудолюбие и создаем препятствия для улучшений. Чем больше будет в стране домов, хлеба, построек, тем лучше для всех нас, и мы приносим себе вред, облагая налогами их производство.

Ф. Каким образом может быть определена ценность земли, какую она имела бы, оставаясь в ее первобытном естественном состоянии?

Д. По ее продажной цене. Она может быть определена легче и точнее, чем ценность чего бы то ни было другого. Землю не спрячешь, она вся на виду, и каждый сосед имеет более или менее верное представление об ее ценности.

Ф. Возьмите теперь владение из трехсот акров в Эдирондских горах, на котором вырублен весь лес, и соседнее владение в триста акров, покрытое прекрасной растительностью. Как оценили бы вы их?

Д. Естественный лес составляет часть земли, и когда он имеет ценность, то ценность эта присоединяется к ценности земли.

Ф. Значит участок с вырубленным лесом был бы обложен налогом менее, чем участок с лесом?

Д. Вообще говоря, менее, — где ценность земли из-за того уменьшилась. Но в таких местах, как Эдирондские горы, где правительство всеми мерами препятствует вырубке лесов, на естественный лес можно было бы смотреть, как на улучшение, как на искусственное насаждение, и не прибавлять его ценности к налоговой оценке.

Ф. Тогда представьте себе человека, имеющего тысячу акров первобытного леса, который вырубил бы его, поднял землю, возвел постройки и вообще сделал все нужные улучшения; обложили бы вы его менее, чем человека, у которого земля по-прежнему оставалась бы с лесом?

Д. Я обложил бы налогом ценность его земли, независимо от улучшений, сделанных им, все равно, в чем бы они не состояли: в

расчистке ли земли, в подъеме ее или в постройках. Другими словами, я обложил бы налогом ту ценность, которая создается ростом общества, но не усилиями отдельной личности. Земля получает ценность не вследствие улучшений, сделанных на ней, и не вследствие ее естественного плодородия, а вследствие роста народонаселения и развития общества. И ценность ее растет соответственно с ростом народонаселения и развитием общества. Например, ценность земли, на которой стоит это здание, в настоящее время несравненно больше той, какую она имела несколько лет тому назад, но не вследствие чего-либо, сделанного ее собственником, а просто вследствие роста Нью-Йорка.

Ф. Я не говорю в частности о Нью-Йорке. Я говорю о земле вообще.

Д. Тот же принцип верен и вообще относительно какой бы то ни было земли. Поселенец занимает участок земли где-нибудь в прериях, улучшает его, но земля его все же не имеет ценности до тех пор, пока можно иметь даром такую же землю; ценность, какую создает его труд, есть ценность улучшений. Но, когда места кругом заселяются, тогда является ценность, присущая самой земле. Эту-то ценность я и облагал бы налогом.

Ф. Предположите, что ничто не изменяется в окружающей обстановке и что два человека отправляются на запад и получают по участку земли в триста акров каждый; один оставляет свой участок под ценным лесом, другой вырубает свой лес, возделывает землю и заводит добротное хозяйство. Стали ли бы вы облагать налогом первого, сохранившего лес на земле, в большей мере, чем второго, предполагая, что все окружающие условия остались бы без перемен?

Д. Я стал бы облагать их обоих налогом по ценности земли в данный момент; сначала, думается мне, расчистка земли представляла бы из себя ценное улучшение, и, как на таковое, на нее нельзя было бы возлагать никаких налогов. Таким образом им обоим приходилось бы платить одинаковый налог. С течением времени рост народонаселения должен был бы придать ценность невырубленному лесу, и она, войдя в ценность земли, сделала бы то, что человек, который оставил свою землю в ее первобытном состоянии, оказался бы обложенным более тяжелым налогом, чем человек, который завел на своей земле хозяйство.

Ф. Как стали бы вы облагать налогом людей, которые

отправляются на запад, берут там землю, уплачивая за нее казенную цену, и ничего не делают с этой землей?

Д. Я стал бы облагать их таким же налогом, как людей, которые берут столько же земли и заводят хозяйство. Наша теперешняя система делает несправедливое и вредное дело, облагая налогами хозяев и оставляя в стороне простых собственников. Поселенцы занимают землю, расчищают ее, строят дома, выращивают хлеб и, увеличивая таким образом общее богатство, немедленно же подвергаются за это наказанию в виде налогов на их улучшения. Этим налогам не знает человек, оставляющий свою землю лежать праздно, да и вообще он платит налогов с своей земли менее, чем люди, которые увеличили ценность своих земель. Всюду в нашей стране земля, которой пользуются, облагается налогами тяжелее, чем земля, остающаяся вне пользования. Это — беззаконие. Человек, владеющий землей и не заботящийся об ее улучшении, в сущности, не допускает других людей до ее улучшения, и он должен платить за удобства, которыми он пренебрегает, столько же, сколько платил бы человек, пользующийся ими.

Ф. И вы стали бы брать с фермера, все хозяйство которого стоит \$1.000, столько же налогов, сколько брали бы с соседнего собственника, затратившего на таком же количестве земли \$100.000 на разные постройки и сооружения? Верно ли я понимаю вашу мысль?

Д. Совершенно верно. Постройки и сооружения разного рода, воздвигаемые капиталистами, не наносят никакого вреда крестьянам, бывают полезны для всего общества, и я не стал бы делать того, что могло бы ослаблять энергию предпринимателей.

Ф. За кем стали бы вы признавать право собственности на землю, за государством или за частными лицами, как теперь?

Д. Я сохранил бы все существующие на нее права.

Ф. Ваша теория не касается ни права собственности на землю, ни способов передачи этого права, ни методов пользования землей; но можно ли ее признавать теорией, ограничивающейся только делом собирания налога с земли?

Д. По форме, да. Но, будучи доведена до той степени осуществления, до какой мне хотелось бы довести ее, она, в сущности, сделала бы государство единственным собственником

земли, а номинальных собственников ее просто арендаторами, уплачивающими аренду в виде налогов.

Ф. Прежде, чем перейти к методу, при помощи которого вы желали бы достигнуть этого результата, позвольте мне предложить вам такой вопрос: А, крупный домовладелец в Нью-Йорке, имеет сто домов, разбросанных по разным частям города; каждый из его домов стоит, скажем, \$50.000; какого рода налог должен бы был он платить?

Д. С своих домов он не платил бы никаких налогов. Он платил бы налог лишь с ценности его участков земли.

Ф. Все равно, как если бы эти участки оставались незастроенными?

Д. Как если бы каждый из его участков был свободен от построек, но все окружающие городские сооружения или улучшения были бы те же, что и теперь.

Ф. Если бы вы сохранили все существующие права, то А, собственник дома и земли в городе, стоящих \$10.000, остался бы таким же собственником их, каким он является и в настоящее время?

Д. Да, он продолжал бы быть их собственником, но, вместе с повышением налога с ценности земель, он, сохраняя во всей полноте право владения и пользования домом, стал бы получать все менее и менее дохода от своего права собственности на землю. Доход этот все более и более переходил бы к государству и целиком перешел бы к нему, когда налог с ценности земель был бы повышен настолько, что в сущности сделал бы их собственностью государства. Препный собственник был бы тогда собственником лишь номинально; на самом же деле он был бы уже арендатором, право владения которого обуславливалось бы уплатой налога, и самый налог этот мог бы сделаться тогда и по форме тем, чем он был бы по своей сущности — рентой с земли.

Ф. Теперь предположите, что некто А был бы собственником участка земли в городе и построек на нем, оцененных в \$1.000.000; кто мог бы передать право на них другому лицу, Б?

Д. Только А.

Ф. Тогда предположите, что некто А владеет двадцатью участками, стоимостью по \$1.000 каждый, с двадцатью постройками на них, стоимостью по \$50.000 каждая, а некто Б владеет двадцатью незастроенными участками такой же ценности. Стали ли бы облагать

А и Б одинаковым налогом?

Д. Да, стал бы.

Ф. Предположите, что Б для покупки своих двадцати участков занял денег и после заложил их в ту же сумму: стали ли бы вы принимать в соображение его залог и облагать его собственность меньшим налогом?

Д. При установлении налога я имел бы в виду лишь землю. В тех случаях, когда было бы необходимо принять в соображение отношения заемщика к его кредитору, я стал бы рассматривать их, как собственников-совладельцев.

Ф. Если бы А, собственник участка земли в городе с домом на нем, стал продавать их Б, то думаете ли вы, что цена на них стала бы определяться лишь ценностью построек?

Д. Так это непременно было бы в том случае если бы налог на землю был повышен настолько, что в нем стал бы отбираться весь доход с земли.

Ф. Возьмем пример. Предположите, что некто А владеет участком земли, который без построек может давать ежегодно доходу \$10.000, и постройками на ней, стоящими \$100.000. Все свое владение он продает Б. Думаете ли вы, что цена его владения стала бы определяться лишь ценностью построек, т. е. равняться \$100.000, после того как налог с его владения достиг бы \$10.000?

Д. Не иначе.

Ф. На какие надобности, думаете вы, следовало бы расходовать деньги, получаемые согласно вашему плану налогообложения?

Д. На покрытие обыкновенных расходов правительства и на такие дела, как водоснабжение, освещение, эксплуатация железных дорог, содержание парков, библиотек, училищ и других образовательных учреждений и вообще на разные полезные цели, которые сами собой стали бы представляться вниманию общества от поры до времени; на призрение бедных и нуждающихся, вдов и сирот и, я склонен думать, на уплату некоторой суммы денег каждому гражданину, достигшему известного возраста.

Ф. Думаете ли вы, что деньги, собираемые путем налога, можно бы было расходовать на содержание граждан?

Д. Я совсем не вижу причин, почему бы этого нельзя было делать.

Ф. И вы стали бы кормить и одевать их на общественный счет?

Д. В этом нет необходимости. Мне думается, что было бы лучше выдавать известную сумму гражданам, достигшим того возраста, когда начинают падать физические силы человека, и таким образом кормить и одевать их остаток их дней.

Ф. Теперь перейдем к практическим результатам. Размер налога в настоящее время в Нью-Йорке, допустим, равняется 2,30% с оценочной стоимости. Оценочная стоимость, надо думать, равняется приблизительно шестидесяти процентам действительной стоимости владения. Земля, оцениваемая в \$60.000, в действительности стоит \$100.000 и, обложенная в размере 2,30% с оценки в \$60.000, была бы, в сущности, обложена в размере приблизительно 1,10% с ее действительной стоимости; с этих 1,40%, если я правильно понимаю вас, вы и стали бы поднимать налог до тех пор, пока он не достиг бы в сумме размеров обычного банковского процента со стоимости земли.

Д. Совершенно верно.

Ф. Допустим, что процент этот равен пяти.

Д. Допустим.

Ф. В таком случае ваш план сводился бы к тому, чтобы брать пять процентов с действительной стоимости всех владений, оценивая их как незастроенные участки, и расходовать собираемые таким образом деньги на упомянутые вами надобности.

Но думали ли вы о том увеличении числа чиновников, какое потребовалось бы для собирания и расходования такой огромной суммы денег?

Д. Думал.

Ф. И каково же ваше мнение?

Д. Что касается собирания, то оно допускало бы несколько сократить число теперешних чиновников. Налог с ценности земель мог бы быть устанавливаем и собираем много легче всей массы теперешних налогов; мне думается, что предлагаемый мною план, прямо или косвенно, мог бы сократить весь теперешний штаб чиновников, примерно, на три пятых. Это упрощение в правительственном механизме в огромной мере содействовало бы большему упорядочению течения наших дел, и я очень верю, что улучшения в общественных условиях, которые последовали бы за принятием предлагаемого мною плана, ослабив борьбу из-за

обладания богатством, повели бы к развитию таких привычек мысли и поведения, какие позволили бы нам вкладывать в заведование общественными делами столько же понимания, столько же заботы о чужих интересах, сколько мы видим теперь только лишь в заведовании крупными частными предприятиями.

Ф. Допустим, что и на самом деле сократились бы расходы собирания; но не потребовалось ли бы значительно увеличить число должностных лиц для расходования этих огромных средств?

Д. Не необходимо. Собственно, полное осуществление предлагаемого мною плана могло бы быть достигнуто лишь постепенно. А до того времени, как все признаваемые теперь за чисто правительственные расходы стали бы покрываться из налога с ценности земель, мы во всяком случае все сокращали бы, а не увеличивали бы число чиновников.

Ф. Как предлагаете вы разделять налоги между местными и центральным правительствами?

Д. Да так, как они делятся в настоящее время. Во всяком случае мы будем иметь достаточно времени, чтоб уладить разные частности, когда будет принят общий план.

Ф. Следуя вашей теории, здесь, в штате Нью-Йорк, пришлось бы собирать приблизительно в четыре раза больше дохода, чем сколько собирается теперь; и сколько бы потребовалось чиновников для расходования этой огромной суммы денег на все указанные вами надобности?

Д. Моя теория не требует, чтобы деньги эти расходовались на указанные мною надобности, а требует только, чтоб они расходовались на общественные надобности.

Ф. Думаете ли вы, что теперешней суммы налогов было бы достаточно для всех правительственных надобностей?

Д. При том состоянии общества, какое должно бы было, на мой взгляд, последовать, ее было бы даже более, чем достаточно для теперешних правительственных надобностей. Приходилось бы несравненно менее расходовать на собирание налогов, на полицию, на исправительные заведения, суды, богадельни и проч.

Ф. Словом, для настоящего времени вы предлагаете лишь одну меру, — это собирать всю теперешнюю сумму налогов лишь путем налога с недвижимости, оценивая ее, как состоящую только из

пустопорожных земель?

Д. Для начала, да.

Ф. Но чего же вы хотели бы достигнуть в конце-концов?

Д. Отобрания в пользу общества всего дохода с земли. Я утверждаю, что земля принадлежит всем без различия, что ценность свою она получает благодаря обществу и что доход с нее должен делиться между всеми его членами.

Ф. И этого вы предлагаете достигнуть путем налога с ценности земель, ничего не изменяя в существующих правах собственности на землю, не отменяя права продавать ее, сдавать в аренду или передавать по завещанию?

Д. Да.

Ф. Ваша теория кажется мне неприложимой. Я думаю, что соби́рание огромной суммы денег, хранение ее в казначействе и расходование намеченными вами способами повело бы к невиданному доселе развращению администрации. Цель, которую вы преследуете, — поднятие благосостояния народа — заслуживает всяческого уважения. Мне думается, что мы с вами, как и все вообще люди достаточных классов, слишком пренебрегаем и пренебрегали исполнением наших обязанностей в отношении бедных слоев населения, что это наш первый долг облегчить насколько возможно жизнь людей, страдающих от бедности и разного рода лишений. И я совсем не расположен относиться к вашей теории с насмешкой или пренебрежением; я внимательно и с уважением рассматриваю ее, стараясь позаимствовать из нее то хорошее, что может в ней заключаться, и оставляя в стороне все то, что кажется мне ошибочным; но в общем, взятый в целом, — как это я и объяснял вам, — ваш план не кажется мне удобоисполнимым.

Д. Однако ваши возражения против его удобоисполнимости могут быть действительными, только лишь начиная с того пункта, пока еще весьма отдаленного, когда доход, собираемый путем налогов с ценности земель, превзошел бы всю теперешнюю сумму налогов. Но есть ли что-либо невыполнимое в том, чтобы заменить наши теперешние давящие, развращенные и развращающие способы соби́рания дохода единым налогом с ценности земель?

Ф. Я считаю возможным сосредоточить все налоги на одной земле, если бы это было признано за лучший метод. И многие экономисты держатся того мнения, что налоги следует собирать только с земли,

ибо рента уплачивается, в сущности, тем же потребителем. Но они понимают под землей также все то, что находится на ней и приносит доход.

Д. В таком случае мы могли бы идти вместе с вами еще очень далеко, а там, где нам надо было бы разойтись, мы, быть может, увидели бы возможность более чистого правительства, чем то, какое представлялось нам когда-либо ранее. Без сомнения, тут самая суть вопроса. Если люди слишком себялюбивы, слишком испорчены, чтобы участвовать в общей работе на общее благо, то среди них никогда не прекратятся бедность и страдания.

Ф. Моя теория государственного управления такова, что я считаю главным делом правительства охранять мир в среде граждан и предоставлять каждому развивать свои природные способности для собственного счастья. Я никогда не позволил бы взять ни одного доллара иначе, как для необходимых дел государственного управления. Я полагаю, что все разращение нашей администрация проистекает от того представления, будто государственные должности являются наградой, добычей участников партийной борьбы. Среди нас разросся огромный класс людей, получающих все свои средства к жизни от государства, т. е. от народа. Мы должны освободиться от этих господ и вместо того, чтобы создавать новые должности, уменьшить число существующих.

Д. Я вполне согласен с вами относительно нежелательных черт существующего правительства; и никаким путем мы не могли бы так уменьшить число чиновников и так ослабить соблазн воспользоваться общественными делами для личных выгод, как путем собирания всех общественных доходов налогом с ценности земель, который легко назначить и получить, который не представляет никаких удобств для уклонения от его платежа и нимало не повышает цены товаров. Собственно, и налогом то он является лишь по форме; по своей сущности он есть не что иное, как рента; в нем ничего не берется с народа, в нем лишь возвращается народу по праву принадлежащий ему доход. Первым и самым важным делом правительства является обеспечение полной и равной свободы за всеми гражданами; но я полагаю, что в виду возрастающей сложности цивилизованной жизни и роста крупных промышленных предприятий и корпораций правительству придется делать нечто большее простого охранения мира в среде граждан, что оно должно будет принять на себя ведение

тех дел, которые стоят вне его контроля и представляют из себя монополии, и что чрез это оно все более и более будет вступать в область кооперативных предприятий. Если бы я мог себе представить какое-либо иное средство избавиться от зла, порождаемого ростом монополий, типичным образчиком которых являются хотя бы наши железные дороги, то я и не заикнулся бы о расширении функций правительства; ибо вся моя прежняя работа мысли была направлена как раз в ту сторону, куда тянет и вас и всю демократическую партию нашего поколения. Но я не вижу такого средства. Во всяком случае если бы оказалось, что дальнейшее расширение функций правительства вело бы к деморализации, то можно бы было прямо делить весь излишек дохода *per capita* (поровну между всеми гражданами). Однако мне кажется, что человеческой природе все же должна быть присуща возможность достаточно честного правительства в тех условиях, когда его цели сознавались бы всеми, как направленные к общему благу.

Ф. Я не верю в спасительность грабежа, а на мой взгляд брать собственность у одного и отдавать ее другому, значило бы, попросту грабить. Коммунистический план, как я его понимаю, представляется мне не только вредным, но прямо гибельным для общества. Я отнюдь не хочу сказать, чтоб я причислял вас к коммунистам; напротив, я полагаю, что вы не принадлежите к их числу.

Д. Я вполне соглашаюсь с вами в признании собственности священной. Как вы говорите в вашей последней статье о промышленной кооперации в «Северо-Американском Обзрении», «взять у одного против его воли что-либо, ему принадлежащее, и отдать другому, значило бы оскорбить то чувство справедливости, которое вложено Богом в сердца людей, значило бы нарушить величайший закон Высочайшего Существа, и если я говорю против теперешней системы, то только потому, что она нарушает этот закон. Я признаю, что все, что производит человек, по праву принадлежит ему и только ему; что у него не должно брать этого ни для каких целей, хотя бы и общественных, до тех пор, пока для достижения этих целей можно будет пользоваться какой-либо общественной собственностью, и потому, я освободил бы от налогов всякого рода капитал, движимое имущество и сооружения, — короче, все те виды собственности, которые являются следствием затраты труда. Но я признаю, что земля не может быть по праву собственностью какого-либо человека, — как говорите вы в одной статье, «никто не может

считать своею собственностью привилегию». И если, как признаю это я, земля принадлежит всему народу, то личное владение какой-либо частью ее является привилегией, за которую владелец должен уплачивать обществу равноценное денежное вознаграждение. Потребовать этого вознаграждения не значило бы ограбить собственника, а значило бы положить конец совершающемуся теперь грабежу. Ваша статья, на которую я ссылаюсь, показывает, что вы видите те же самые трудности, какие вижу и я, и стремитесь к той же цели: к улучшению положения трудящихся и к реорганизации общества на началах справедливости. Но разве не замечаете вы, что требуется нечто большее, чем тот план кооперации, какой предлагаете вы, могущий в лучшем случае иметь лишь крайне ограниченное приложение и совершенно искусственный по своей природе?

Ф. Вне всякого сомнения. Предложения, сделанные мною в моей статье, могут повлиять лишь на известное число лиц, но никоим образом не скажутся на всем составе общества. Я понимаю, что требуется кое-что еще и значительно большее. Нужно больше сочувствия в людях, больше взаимопомощи. Я думаю, как это я и говорил, что нам очень нужно побольше сознавать свой долг в отношении всех окружающих нас, и я готов сделать все, что только в моих силах, чтобы помочь им и их детям. Я вижу, что мы не достигли еще правильного понимания наших обязанностей, — тех обязанностей, какие должен иметь каждый американский гражданин в отношении всех прочих американских граждан.

Д. Мне думается, что вы в этом правы; но не сознаете ли вы того, что для достижения сколько-нибудь благих результатов было бы, пожалуй, недостаточно одной симпатии к людям и дел милосердия. Не ясно ли для вас, что основой всех общественных зол является неправда и что до тех пор, пока эта неправда не будет побеждена справедливостью, тщетны будут все усилия благотворителей и бесполезно их чувство симпатии к людям? Хоть факт, что среди нас есть сильные, здоровые люди, желающие трудиться и не имеющие возможности зарабатывать честным трудом пропитание для себя и своих семейств, является для нас очень серьезным предостережением. Он указывает нам на несправедливость, которая, если мы не устраним ее, должна будет ниспровергнуть весь существующий общественный строй. Причины его, я полагаю, кроются в том, что, устанавливая для граждан равенство политических прав, мы не обеспечили еще более важного естественного права — равного права на землю, от которой и

на которой должны мы жить. Для меня ясно, как это выражено в нашей Декларации независимости, что все люди наделены их Творцом известными неотчуждаемыми правами и что первое из этих прав, — в котором, в сущности, заключены все остальные, без которого неосуществимо ни одно из всех прочих прав, — есть равное право на землю. Вот вступают в жизнь дети сегодня здесь, в Нью-Йорке; разве не наделены они правом на что-либо большое нескончаемой борьбы за существование в стране, в которой они не могут ни пить, ни есть, ни спать, ни работать без дозволения других подобных им человеческих существ, называющих своею всю эту часть вселенной от центра земли и до неба?

Ф. Я говорил не о благотворительности, а о чувстве симпатии, могущем сделать людей способными помогать себе; благотворительность лишь унижает их.

Д. Тогда я от всей души соглашаюсь с вами; я тоже готов признать в таком чувстве симпатии наиболее могучую силу, благодетельную для общества. Но ведь сочувствие мало чем лучше насмешки, если оно не приводит к стремлению исполнить требования справедливости, а справедливость требует, чтобы все люди были поставлены в положение равенства относительно пользования естественными удобствами.

Ф. Но как могли бы вы установить такое равенство? Возьмите для примера хотя бы ребенка, рождающегося сегодня в одном из грязных кварталов Нью-Йорка, в какой-нибудь из тех каморок, в которых живет по несколько семейств, и другого ребенка, рождающегося теперь же где-нибудь в одном из лучших домов города. Родители первого — люди расточительные, невоздержные, грязные; родители второго — люди бережливые, трезвые, порядочные; каким образом могли бы вы обеспечить равенство жизненных удобств за первым ребенком в такой же мере, как за вторым?

Д. Равенство всех жизненных удобств не могло бы быть обеспечено: добродетельные родители всегда являлись бы преимуществом, порочные — невыгодой; но равенство естественных удобств могло бы быть обеспечено предложенным мною путем. И я верю, что среди цивилизации, в которой было бы признано равенство прав всех людей на благость их Творца, не было бы более грязных кварталов и было бы очень мало таких родителей, о каких вы говорите, если бы только они были. Пороки, грязь и преступления,

которыми отличаются наши большие города, являются скорее следствиями бедности, чем ее причиной.

Ф. Принцип, провозглашенный в Декларации независимости, на который вы ссылаетесь, есть один из основных принципов американского правительства — признание неотчуждаемого права всех людей на жизнь, свободу и искания счастья. Но им однако не предполагается равенства всех людей в отношении жизненных удобств или относительно их положения. Дитя, рождающееся сегодня, имеет право на труд своих родителей или, вернее, на произведения их труда точно так же, как они имеют на него право до тех пор, пока оно по сделается способным заботиться о себе. Забота о детях является для работника одним из побуждений к труду. Целью американской цивилизации должно быть предоставление каждому ребенку, вступающему в мир, одинаковых с прочими удобств для достижения возможных для него жизненных благ. Но это является, в сущности, только лишь теоретическим пожеланием. В практике было бы невозможно предоставить всем детям одни и те же удобства; мы можем лишь стремиться к этому, и возможное достижение этого должно быть целью каждого филантропа и христианина. Говоря короче, я убежден, что наиболее верные положения политической экономии следует искать в учениях христианской религии.

Д. В этом я вполне согласен с вами. Но мне представляется пародией на христианство то христианство, которое не хочет знать естественных прав человека и не выражает своего протеста, когда земля, которую оно объявляет созданной Всемогущим Богом для жизни всех его детей, делается исключительной собственностью только некоторых из их числа, с лишением всех прочих их природного права. Христианину волей - неволей приходится кое-что делать в качестве гражданина и законодателя.

И если мы хотим иметь действительно христианское общество, мы должны основывать наши учреждения на христианских принципах. Однако вернемся к Декларации независимости. Можете ли вы признать, что равным правом на жизнь, свободу и искание счастья необходимо предполагается также равное право на землю, без которого невозможны ни жизнь, ни свобода, ни искание счастья?

Ф. Но ведь вы не предлагаете наделить каждого ребенка участком земли; вы предлагаете только, если я правильно понимаю вас, обозначить за ним его право, установив намеченным вами путем

налог с земли, которая оценивалась бы как незастроенная.

Д. Только и всего. И этого было бы достаточно. Путем назначения каждому отдельного участка земли при теперешних сложных формах цивилизованной жизни нельзя было достигнуть равенства и нельзя было бы сохранять его, если бы даже оно и было достигнуто; но, поступая со всякой землей, как с собственностью всего народа, можно было бы сделать весь народ собственником земли, а отдельных владельцев ее как бы его арендаторами, и тем обеспечить полное равенство прав.

Ф. Через какое время, думаете вы, при соответственных изменениях в законодательстве можно было бы достигнуть намеченных вами целей.

Д. Полагаю, что можно было бы теперь же достигнуть более или менее существенного равенства, такого равенства, когда вы уже не видели бы безработного люда и каждый жил бы хорошей и легкой жизнью, почти не ведая того тяжелого труда и тех беспокойств, которые являются у нас уделом большинства. Наиболее благодетельным следствием реформы было бы даже не то, что стал бы доставаться обществу тот незаработанный доход, который получают теперь частные лица, а то, что для труда открыт был бы доступ к естественным удобствам. Пользование землями, остающимися теперь вне употребления, и уничтожение налогов, которыми подрываются теперь производительные силы, дало бы новый толчок к производству и улучшениям. Вместе с тем когда земля сделалась бы собственностью всего народа, и самый общественный прогресс стал бы направляться в сторону все большего и большего равенства. В то время как все другие ценности с развитием цивилизации имеют тенденцию к снижению, ценность земли все растет и растет. Факт этот, этот великий факт, несомненно, указывает нам на некоторое творческое предначертание, и в чем именно заключается оно, это, мне кажется, мы в состоянии были бы уяснить себе, когда поразмыслили бы о том, что последовало бы в том случае, если бы рента с земли, — ценность, создаваемая не отдельными личностями, а всем обществом, — отбиралась в пользу всего общества. Прогресс общества, несомненно, стал бы делать тогда все менее и менее важным различие между сильным и слабым, и таким образом, вместо тех чудовищных крайностей, к каким приводит современная цивилизация, постепенно установилось бы состояние более или менее полного равенства.

Ф. В конце концов, если я правильно вас понимаю, ваш план таков. Государство будет облагать налогом землю и только землю; оценивать для налога оно будет ее так, как если бы она только что вышла из рук Создателя и на ней не было бы ничего такого, что сделано было людьми. Все другие виды собственности, короче, все, производимое человеком, позволялось бы приобретать, иметь в своем обладании и передавать другим совершенно так же, как теперь. Размер налога был бы одинаков с размером годового дохода или ренты с земли, и все, собираемое при помощи него, должно было бы служить не только для теперешних целей правительства, но также и для всех других целей, какие могли бы от времени до времени признаваться за желательные законодательством, хотя бы для раздача всему народу по столько-то на человека.

Д. Во всем существенном вы меня понимаете правильно.

Ф. Мне было очень приятно слышать ваши объяснения, хотя все же я могу согласиться с вами лишь постольку, поскольку это выражено было мною.

Преступность бедности

(Речь, произнесенная в Берлингтоне 1 апреля 1885 г.)

Предмет моей речи — преступность бедности. Я не рассчитываю в короткое время убедить вас во многом, но главное мне хотелось бы доказать вам, что бедность есть преступление. Я не хочу сказать того, что преступление быть бедным. Убийство — это преступление, но нет преступления быть убитым, и в человеке, находящемся в бедности, я вижу не столько преступника, в самом себе, сколько жертву преступления, за которое ответственны другие люди, а может быть также и сам он. Что бедность есть преступление, самое худшее из проклятий, мы все это знаем. Карлейль был прав, когда говорил, что ад, которого всего более боится англичанин, есть ад бедности, и его замечание верно не только относительно англичан, но и относительно всех других людей цивилизованного мира какой бы то ни было национальности. Избегнуть этого ада — вот что побуждает нас напрягать свой мозг, вытягивать свои жилы, бороться друг с другом и заботиться о приобретениях даже тогда, когда они становятся для нас ненужны.

Проклятие бедности падает не на одних только бедняков; оно распространяется на все классы общества, даже на людей наиболее богатых. Те тоже страдают и не могут не страдать, ибо в обществе не может быть страдания, от которого был бы вполне избавлен хотя бы один какой-либо его класс. Порок, преступления, невежество, подлость, порождаемые бедностью, отравляют, так сказать, самый воздух, которым дышат как бедные, так и богатые.

Бедность — мать невежества и кормилица преступлений. Проходя по одной из улиц этого города, я видел трех человек, которые шли скованные за руки цепью. И я знаю, что люди эти, наверно, не богатые люди, и хотя я не знаю, за какое преступление их сковали, я наверно знаю, что их преступление, если разобрать его, так или иначе проистекало от бедности. Вглядываясь в окружающую нас жизнь, нельзя не признать, что по меньшей мере девять десятых человеческих страданий порождается бедностью. Избирает кто жизнь бедняка, он не совершает преступления; но он, несомненно, совершает преступление, если заставляет быть бедными других людей. И мне кажется, что огромное большинство тех людей, которые страдают от бедности, бедны из-за условий, создаваемых обществом,

в его целом. Потому я утверждаю, что бедность есть преступление и преступление не личное, а общественное, т. е. такое, за которое ответственны все мы, как бедные, так и богатые.

Недели две тому назад я зашел в церковь одного очень известного бруклинского проповедника. Там происходило что-то в роде миссионерской беседы. Священник рассказывал о некоторых случаях из своей пастырской практики и разбирал причины, препятствующие людям быть христианами. Один из случаев, приведенных им, поразил меня. Священник этот стал замечать в глубине храма одного человека, который изо дня в день внимательно слушал его, все более и более выдвигаясь вперед. Как-то вечером он подошел к этому человеку и спросил его: Брат мой, не имеете ли вы желания сделаться христианином?» Человек этот ответил, что нет, что он не желает. Он ответил, однако, не вызывающим тоном, а с грустью. «Почему же? — спросил священник, разве вы не верите в истины, которые вы слышали здесь!» Нет, он верил им. «Почему же тогда вы не хотите стать христианином?» «Видите ли, — отвечал этот человек, — я не могу присоединиться к церкви, не бросив своего дела, а без него я не могу содержать своей жены и детей. Брось я его, я не знал бы, чем мне жить. Я долго бился прежде, чем нашел его, и я не могу им рисковать. А вместе с тем я не могу быть христианином, продолжая им заниматься». — «Да вы — виноторговец?» спросил священник. Оказалось, что нет. Священник не знал, что и подумать. Ему казалось, что торговля вином была единственным занятием, которое могло препятствовать человеку сделаться христианином. «Чем же вы занимаетесь?» спросил он наконец. «Я продаю мыло», был ответ. «Вы продаете мыло?! — воскликнул священник, — да как же это может препятствовать вам сделаться христианином?» — «Дело в том, — отвечал человек, — что мыло, которое я продаю, есть одно из тех, которые рекламируются повсюду, как могущие очень легко вымывать белье и не содержащие в себе никаких вредных веществ. Каждый кусок мыла, продаваемого мною, завернут в бумагу, на которой напечатано, что в нем нет вредных примесей, тогда как на самом деле они есть в нем, и, вычищая очень быстро ткань, оно в короткое время разрушает ее. Так вот каким образом я добываю себе пропитание, и я прекрасно понимаю, что я не могу быть христианином, если буду продавать это мыло». Священник рассказывал затем, как много он возился с этим человеком без всякого результата, и кончил свою речь словами: «Он прилепился к своему мылу и потерял свою душу».

Но если человек этот потерял свою душу, то его ли только была в этом вина? Чья вина, если общественные условия таковы, что человеку приходится делать страшный выбор между тем, что признает справедливым его совесть, и тем, что оказывается необходимым для его существования? Я утверждаю, что это—вина общества, что это—вина каждого из нас. Чума есть проклятие. Человек, который занес бы сюда холеру, или человек, который, имея возможность предупредить занесение ее, не сделал бы этого, был бы повинен в преступлении. Бедность хуже холеры; бедность уничтожает более жизней, чем чума, даже в самые счастливые годы. Загляните в статистику смертности наших городов; посмотрите, где жизнь имеет наименьшую продолжительность, где малые дети мрут, как мухи,—вы увидите, что в более бедных кварталах. И человек, который смотрит беззаботными глазами на безумную ярость этой чумы; человек, который ничего не предпринимает для того, чтобы ослабить или уничтожить ее, - человек этот, говорю я, повинен в преступлении.

Если бы бедность создавалась силой, находящейся вне нашего контроля, то она не была бы преступление; но так как бедность не необходима, то она - преступление, за которое ответственно общество и из-за которого общество должно страдать.

А что бедность не есть что-либо необходимое, в этом может убедиться всякий, кто живет не с закрытыми глазами. Если эта язва, худшая всякой чумы, держится среди нашей цивилизации, приводя повсюду к лишениям, страданиям и унижениям; если она губит как тела, так и души людей, то отнюдь не по предписанию Всемогущего Бога, а вследствие совершаемой нами несправедливости из-за нашего себялюбия, из-за нашего невежества. Посмотрите на человеческое общество в момент наибольшего расцвета нашей цивилизации. Всюду, во всех цивилизованных странах, увидите вы людей, мужчин, женщин и детей, в таком положении, что с ними не поменялся бы и самый грубый дикарь. Даже здесь, в вашем новом городе, окруженном девственной почвой, вам пришлось в эту зиму устраивать столовые для голодающих. Ваши дороги были переполнены бродягами, а пятнадцать человек, как я слышал, проживали временно в местной тюрьме. И как здесь, так и повсюду. Всюду бедность, и тем больше бедности, чем больше богатства.

Может ли что-либо быть более противоестественным? В природе ничего нет похожего на ту бедность, которую мы видим теперь в человеческом обществе. Мы видим грабеж в природе; мы видим, что

один вид уничтожается другим, но, как общее правило, животные никогда не живут за счет себе подобных. И всюду, где мы замечаем, что известный вид имеет изобилие пищи, мы видим, что и все особи этого вида имеют изобилие пищи. Никто, думается мне, не видел стада буйволов, которое состояло бы из нескольких жирных животных и множества тощих. Никто не видал стаи птиц, в которой две или три птицы заплыли бы жиром, а прочие были бы, что называется, кожа да кости. Никто не видал среди дикарей чего-либо похожего на ту бедность, которая существует среди нашей цивилизации.

При грубом состоянии общества бывают времена лишений, когда умирают от голода; но это бывает лишь в тех случаях, земля не даст урожая, когда не выпадут дожди или неприятель опустошит страну, — отнюдь не тогда, когда заметно всюду изобилие; и однако своеобразной особенностью теперешней бедности является именно то обстоятельство, что она бывает всего ужаснее где всего более богатства.

О чем слышим мы среди бедствий и нужды, угнетающих цивилизованный мир? О чем говорят нам обыкновенно, пытаясь объяснить застой промышленности? О перепроизводстве! Мы слишком много сшили одежду, и потому нам приходится ходить в лохмотьях; мы слишком много нарыли угля, и потому нам приходится в лютые зимы оставаться беззащитными от холода; мы слишком много заготовили хлеба, и потому нам приходится умирать с голоду! Нужда, порождаемая перепроизводством! Да не нелепость ли это? Какое же может быть перепроизводство, когда у людей еще нет и недостатка? Тут не может быть перепроизводства, тут может быть лишь несправедливое распределение.

Бедность необходима! Но подумайте о той мощи, какая таится в человеческом мышлении. Вспомните об изобретениях, позволивших нам силами одного человека производить работу, для которой требовалась ранее сила тысячи людей. В одной только Англии, как говорят, действующие там паровые машины развивают рабочую силу, большую рабочей силы народонаселения всего мира, принимая его состоящим лишь из одних взрослых мужчин. А мы ведь только еще вступили на путь открытий и изобретений. Мы еще не утилизировали всего даже и из числа уже сделанных открытий и изобретений. Подумайте также о силах земли. Мы ведь едва только коснулись их. Во всех направлениях, куда мы ни взглянем, увидим мы новые

средства, ожидающие применения. Способность человека производить богатство, по видимому, безгранична, — нигде мы не видим ее пределов. Смотрите, какая сила даром уходит мимо вашего города в потоках Миссисипи; а ведь она могла бы работать на вас. И таким же образом всюду расточается энергия, которой мы могли бы пользоваться, и средства, к которым мы могли бы обратиться, остаются нетронутыми. Но в то же время мужчины надрывают свои силы и женщины теряют стыд и честь в борьбе из-за удовлетворения простых животных потребностей.

Если бы животные имели разум, что должны бы они были подумать о нас? Огромный пароход несется по океану, против ветра и против волн, пренебрегая бурями и непогодой. Если бы чайки, которые летают над ним, были мыслящими существами, разве могли бы они допустить, чтобы животное, построившее такую громаду, испытывало недостаток в пище? А ведь на деле это так.

Да и кто из нас, даже из тех, кому жизнь дается всего легче, ведет жизнь, согласную с требованиями разума? Пусть скажут люди, которые верят, что есть только одна жизнь у человека: разве не глупо для него проводит эту жизнь лишь в борьбе за существование. И пусть скажут люди, которые верят, как верю я, что этой жизнью на земле лишь открывается новая жизнь: разве не уродлив тот факт, что девять десятых, если не девяносто девять сотых, нашей жизненной энергии расходуется нами или на поддержание нашей животной жизни или на накопление того, чего мы не можем взять с собой. А жизнь простого рабочего? Разве может сказать кто-то, что это есть жизнь, для которой приспособлен человеческий мозг и предназначено человеческое сердце? Посмотрите на фабрики, разбросанные по всей нашей стране; ведь они немногим лучше исправительных учреждений для преступников.

Недавно я читал в нью-йоркских газетах о стачке работниц на фабриках Йонкерса. Газеты заявили, что работницы эти, по видимому, сами не знают, из-за чего они устроили стачку, и их стачка объяснялась просто их увлечением модными идеями. Однако вскоре появились сообщения с другой стороны, и стало ясно, что стачка эта началась из-за постановлений, которым должны были подчиняться работницы. Их штрафовали, если они разговаривали между собою; их штрафовали еще сильнее, если они смеялись за работой; огромному штрафу подвергались те, которые опаздывали хотя бы на минуту. Я посетил одну даму в Филадельфии, которая была надсмотрщицей на

многих фабриках, и спросил ее: «Возможно ли, чтобы были введены где-нибудь такие постановления?»

Она отвечала, что такие постановления применялись в Филадельфии. Был штраф за разговор друг с другом, был штраф за смех. На одной фабрике, где она работала, рабочих штрафовали за опоздание в размере десяти центов за минуту, хотя некоторым из них приходилось ходить за несколько миль в зимнюю стужу. Между прочим она рассказала мне про одну девушку, которая работала в поте лица целую неделю и заработала 3 доллара 50 центов, но должна была заплатить в штрафах 5 долларов 25 центов. Это было бы смешно, если бы не было так трагично и возмутительно.

И далеко ли от всего этого ушла жизнь тех рабочих, которые живут в сравнительном благоденствии и независимости? Работает человек часы, дни, недели, выполняя одну и ту же работу, и для чего же? Только для того, чтобы жить. Он работает десять часов в день для того, чтобы иметь возможность спать восемь и два или три часа употреблять на себя, когда он, усталый и разбитый, возвращается с работы. Нет, это не есть жизнь разумного существа, та жизнь, к которой приспособлены все силы человека, — и это, думается мне, должен чувствовать каждый из нас.

Когда я впервые стал заниматься моим ремеслом наборщика, я считал невероятным, чтобы человек был создан работать целые дни ради одного только существования. В прошлом я регулярно читал журнал "Сайнтифик Американ". В нем сообщалось об одном изобретении за другим, и я ожидал, что к тому времени, когда я сделаюсь взрослым, уже не будет более необходимости работать с таким напряжением. Но на деле борьба за существование усилилась. В доказательство противного приводят массу статистических цифр, указывающих будто бы на улучшение в положении рабочих классов. Хорошо же это улучшение, которое можно заметить лишь в статистический микроскоп! Но на самом деле нет даже и малейшего улучшения.

Улучшение! Где же оно, если по последним сообщениям мичиганского бюро рабочей статистики, которые я читал вчера в одной детройтской газете, заработная плата, достигающая в некоторых промыслах цифры 6-ти и 7-ми долларов в день, в среднем равняется лишь 1 доллару 77 центам, а учитывая праздники, лишь 1 доллару 40 центам. Кто знает, как можно жить и кормить семейство на 1 доллар и 40 центов в день даже в Мичигане, тот едва ли будет

говорить об улучшении в положении рабочих классов.

А вот общий вывод, к которому приходят люди, внимательно изучавшие вопрос, как историк Галлам или проф. Сорольд Роджерз, занимавшийся исследованием цен за последние пять столетий. В то время, когда все промышленные искусства находились еще в самом первобытном состоянии, когда самые плодovитые из теперешних овощей еще не были известны, когда еще не было более или менее крупных и крепких пород скота, когда еще не существовало дорог и перевозка товаров являлась делом в высшей степени трудным, когда прядильная и ткацкая промышленность довольствовалась лишь ручными станками, — в то грубое время положение рабочих в Англии было несравненно лучше, чем теперь. В то грубое время никто не боялся нужды, если только не наступало голода, а недостаток хлеба в одной местности нельзя было тогда, из-за трудности перевозки, восполнять изобилием в другой. Только во время голода можно было бояться нужды. Пауперизм, такой, какой существует в настоящее время, был совершенно неизвестен. Всякий человек, если только он не был физически неспособный, мог добывать себе пропитание, и самые бедные жили в грубом довольстве. И, пожалуй, самым удивительным из всех открытий, сделанных при этом изучении, надо признать факт, что при упомянутых условиях в те «темные времена», как мы их называем, рабочий день равнялся лишь восьми часам, тогда как теперь, при всех наших изобретениях и улучшениях, рабочие классы передовых стран тщетно борются и агитируют из-за сокращения рабочего дня до восьми часов.

Указывают ли эти данные на улучшение? При грубом состоянии общества, на самой первой ступени в развитии искусств, труд естественного добытчика хлеба дает пропитание и ему и тем, кто от него зависит. А среди всех наших изобретений, для огромной массы людей, этого труда оказывается уже недостаточно для прокормления. В нашей цивилизации есть чему подивиться. Однако те вожди племени сиу, которые приезжали с Дальнего Запада и посещали наши промышленные города на Востоке, были удивлены всего более не чудными нашими изобретениями, не машинами, работающими так, как будто они одарены умом, не величиной наших городов, не быстротой, с какой мчатся наши поезда, не телеграфами и телефонами, а тем фактом, что среди этого чудного развития производительных сил они видели детей, занятых работой. Факт этот должен удивлять и нас и должен удивлять нас более, чем что-либо

другое.

Мы толкуем об улучшении в положении рабочих классов, тогда как на самом деле все более и более оказывается необходимой работа женщин и детей. Я слышал, что даже здесь, в этом городе, есть дети 13-ти и 14-ти лет, работающие на фабриках. В Детройте, по донесению мичиганского бюро рабочей статистики, половина детей школьного возраста не посещает школы. Доклад, сделанный законодательному собранию в Нью-Джерси, раскрывает такую картину страданий и невежества, что пред ней нельзя не содрогнуться. Дети растут там, принужденные заниматься однообразной работой в то время, когда они должны бы были играть; дети, которые даже не знают, что такое игра; дети, которые так давно приучены были к работе, что уже свыклись с ней; дети, которые остаются в таком невежестве, что не знают, в какой стране находится Нью-Джерси, никогда не слышали о Джордже Вашингтоне и считают Европу за главный город Нью-Йорка. Подобные факты не могут не остановить на себе внимания. Они доказывают, что затронуты самые основания республики. Опасным человеком следует признавать не того, кто пытается возбудить недовольство, а того, кто утверждает, что все так и должно оставаться. Такое положение дел не может продолжаться; те силы, которые работают в нашем обществе, рано или поздно сделают свое дело гибели и разрушения.

Я говорю, что вся эта бедность и невежество, вытекающее из нее, не есть что-либо необходимое; я говорю, что нет естественных препятствий к тому, чтобы мы все были богаты и не в том смысле, чтобы все мы имели более, чем другие, а в том, чтобы все мы могли вполне удовлетворять свои физические потребности и жить жизнью, допускающей развитие лучших сторон нашей природы. Ничто не мешает нам быть богатыми настолько, чтобы малые дети не томились на фабриках; чтобы женщины не изнуряли себя работой, для которой они не предназначены, и чтобы ее было среди нас того гнетущего страха, который парализует иногда даже людей, не считающихся «бедными», — того страха, который, вероятно, испытывал каждый из нас, что наступит болезнь или придет смерть, и люди, которых мы любили более, чем свою жизнь, должны будут искать благотворительную помощь.

«Посмотрите на лилии полевые, как они растут; не трудятся, не прядут». И я верю, что в истинно христианском обществе, которое не устами, а делами почитало бы учение Иисуса, никому не приходилось

бы заботиться об удовлетворении своих физических нужд более, чем заботятся о том лилии полевые. Нам много дано, — более, чем достаточно. Горе лишь в том, что в нашей безумной борьбе мы топчем в грязи то, что дано было нам, а затем рвем и терзаем друг друга.

Бедность эта имеет свою причину, и если вы станете искать ее, вы заметите, что она коренится в некоторой первичной несправедливости. Посмотрите на мир, каков он есть в настоящее время: бедность — повсюду И причина ее, несомненно, везде одна и та же. Ее нельзя приписывать тарифу или форме правления, или чему-либо такому, в чем нации различаются: глубокая бедность есть явление общее для них, должна быть общей и производящая ее причина. Что же это за причина? Есть только одна достаточная причина, общая всем нациям, и причина эта есть присвоение некоторыми лицами того естественного элемента, который необходим для жизни всех людей.

Возьмите тот факт, о котором я только что упомянул, тот поразительный факт, что в наше время труднее существовать, чем в темный и грубый XIV век, и попытайтесь дать ему объяснение. Это не трудно будет сделать, если вы знакомы с историей Англии или с историей какой-либо другой из культурных стран (и я говорю об истории Англии только потому, что она более известна). Парламент, составленный из аристократов и капиталистов, в течение целого ряда столетий издавал законы, направленные на то, чтобы понизить заработную плату, но это ему не удавалось. Нельзя было принудить людей работать за плату, которая давала бы лишь голое существование, потому что они еще не были вполне лишены щедрот природы, потому что сохранялись еще следы признания той истины, что все люди имеют равное право на землю, потому что земля этой страны, — та, которая находилась в частном владении, — признавалась лишь как бы арендуемой у народа, и народ получал с нее ренту. Церковные земли доставляли средства на содержание церквей, семинарий и богаделен; королевские земли — средства на содержание короля, а земли, находившиеся в так называемом военном владении — средства на содержание войска. Государственного долга не было в Англии в то время. Она вела войны в течение нескольких сот лет, но все издержки на них оплачивались землевладельцами. И, что особенно важно, оставались еще земли, находившиеся во владении всех, которыми могли пользоваться жители известной местности, — так называемые общинные земли, — следы которых до

сего времени сохраняются еще во всех старинных английских городах. Только лишь тогда, когда все земли эти были отгорожены, когда общинные земли были монополизированы, церковные — захвачены жадными придворными, королевские — сделались абсолютной собственностью фаворитов короля, а военные владельцы прикарманили свои ренты и взвалили расходы, которые они несли, на всю нацию в виде налогов, падающих на трудолюбие и бережливость, только тогда бедность стала принимать все большие размеры и бродяга появился в Англии, как появляется он теперь в наших новых штатах.

Подумайте, разве монополизация земли не есть достаточная причина бедности? Что такое человек? Прежде всего он есть животное, земное животное, которое не может жить без земли. Все, что ни производится человеком, берется из земли, весь производительный труд, в конечном итоге, оказывается состоящим из переработки земли или материалов, взятых из земли, в формы, приспособленные для удовлетворения человеческих нужд или желаний. Да и самое тело человека берется из земли. Мы — дети земли, из нее мы взяты и вновь в нее должны мы возвратиться. Отнимите от человека все, что принадлежит земле, и что останется у вас, кроме бесплотного духа? Потому тот, кто владеет землей, на которой и от которой должен жить другой человек, является господином этого человека, и человек этот есть его раб. Человек, который владеет землей, на которой я должен жить, может распоряжаться моей жизнью и смертью так же свободно, как если бы ему принадлежало мое тело. Мы толкуем об отмене рабства, но мы не отменили рабства; мы отменили лишь более грубую форму его — личное рабство. Теперь нам предстоит отменить более тонкую и предательскую, более проклятую форму его, то промышленное рабство, которое делает человека фактически рабом, превознося в то же время его свободу. Разве бедность и нужда причиняют страдания меньше, чем кнут? Одному Богу известно, что выносили рабы, но разве меньше выносят люди в цивилизованных обществах нашего времени? Как ни тяжело было рабство, но оно не доводило однако матерей до того, чтобы они убивали своих детей, а вот из официальных донесений вы можете узнать, что система страхования детей, сильно распространившаяся в Англии и распространяющаяся теперь в наших восточных штатах, заметно и почти повсеместно повысила смертность детей! Что это значит?

Робинзон Крузо, как вам известно, освободил Пятницу от людоедов и сделал его затем своим рабом. Пятница должен был служить Крузо. Но, допустим, Крузо сказал бы: «О, человек и брат! Я рад тебя видеть и приветствовать на этом острове. Будь здесь свободным и независимым гражданином, таким же, как я. Знай только, что остров этот составляет мою собственность, которой я могу распоряжаться по своему усмотрению и которой ты можешь пользоваться лишь на поставленных мною условиях». Пятница тогда оказался бы столь же рабом, как если бы он был им назван с самого начала. Пятница не был рыбой и не мог уплыть морем; он не был птицей и не мог улететь по воздуху; он мог жить лишь на этом острове, и раз остров признан принадлежащим Крузо, то Крузо является хозяином его жизни и смерти.

Один из моих друзей и единомышленников разговорился как-то с другим моим другом, который иначе относился к земельному вопросу и придавал наибольшее значение реформе денежного обращения. «Да, — говорил тот, — земельный вопрос — очень важный вопрос. Но не надо забывал, что есть и другие важные вопросы и в числе их вопрос о реформе денежного обращения. Это вопрос первостепенной важности и вопрос более важный, чем земельный. Дайте мне все деньги, и я заберу все земли». — «Прекрасно, — отвечал другой собеседник, — пусть у вас будут все деньги мира, а у меня вся земля, и скажите теперь, что сделаете вы, если я откажу вам в проживании?»

Вы удивитесь, если я скажу вам, что, на мой взгляд, люди вообще не понимают, что такое земля. Я знаю одну девочку, которая уже посещала некоторое время школу, обучалась географии и прочим «предметам». Как-то она сказала мне: «В учебнике говорится о поверхности земли... Хотелось бы мне знать, как она выглядит». — «Так в чем же дело? — заметил я, — Выйди во двор и увидишь там поверхность земли». — «Как, — воскликнула она, — это будет поверхность земли? Наш двор есть поверхность земли? Ну, этого я никак не думала». Как раз нечто подобное бывает не только со взрослыми людьми, но даже и с теми мудрыми существами, которые занимаются изданием газет. Они, видимо, полагают, что когда говорят о земле, то всегда имеют в виду сельское хозяйство; они полагают, что земельный вопрос есть вопрос, целиком касающийся фермеров, как будто земля употребляется лишь для выращивания хлеба. А было бы интересно спросить, как мог бы человек хотя бы издавать газету, не пользуясь в той или другой мере землею. Он мог бы подняться в небо

на воздушном шаре, но и тогда он не смог бы обойтись без земли. Что поддерживает воздушный шар в воздухе? Земля, земная поверхность. Провалилась земля, и что станется с воздушным шаром? Воздух, которым он поддерживается, опирается на землю. Так же обстоят дела и во всех прочих занятиях. Копают ли человек на глубине трех тысяч футов в шахте, работает ли он на самом вершине одного из тех огромных зданий, которые строятся теперь в Нью-Йорке, идет ли он за плугом по полю или рассекает на корабле волны океана, он все равно пользуется землей.

Земля! Но чем же собственно владеет тот, кому принадлежит земля? Всякий юрист ответит на это: «Всем тем, что есть над этой землей до самого неба, и всем, что есть под нею до самого центра земли». И он владеет этим фактически всюду, где это оказывается в его интересах. В Нью-Йорке есть дома в четырнадцать и пятнадцать этажей, и что же приходится оплачивать людям, живущим на верхних этажах? Один мой друг, имеющий офис в одном из таких домов, признался, что ему приходится платить за кубические футы воздуха. Получается, что тот, кто владеет поверхностью земли, имеет право и на получение арендной платы за воздух над нею, даже если бы здание было высотой несколько миль.

Живя на земле, мы всюду наталкиваемся на земельный вопрос. Человек — это наземное животное. Предположим, вам нужно построить дом. Можете ли вы его построить, не найдя для него места? А материалы, из которых вы должны его построить: камень, известь, дерево, железо? — все это добывается из земли. Возьмите какой угодно предмет богатства, любой из тех предметов, из-за которых борются люди, — откуда берет он свое начало? Из земли. И земельный вопрос является всюду основным вопросом. В сущности, он представляет из себя ничто иное, как рабочий вопрос. Когда некоторые люди делают своей собственностью тот элемент, из которого получается всякое богатство и без которого никто не может существовать, тогда они оказываются в состоянии жить без труда, и, следовательно, людям, которые трудятся, достается меньше из производимого ими.

Думали ли вы когда-нибудь о совершенной нелепости и странности того факта, что рабочий класс во всех странах цивилизованного мира есть бедный класс? Отправьтесь в какой угодно город, возьмите извозчика и попросите его отвезти вас туда, где живут рабочие. Он не повезет вас туда, где стоят прекрасные дома;

он повезет вас в сторону от них, в грязные кварталы с вонючими домами. Останавливали ли вы свое внимание на странности этого факта? Подумайте только, как поразил бы он какое-либо мыслящее существо, еще не бывшее на земле и каким-нибудь чудом явившееся на нее. Вы объяснили бы ему нашу жизнь на земле, объяснили, как создаются трудом дома, пища, одежда и все вообще предметы, нужные нам для жизни, и оно, конечно, подумало бы, что рабочие люди суть как раз те самые люди, которые живут в самых лучших домах и имеют всего более того, что создается трудом. Но на деле, явись оно в Лондон, в Париж, в Нью-Йорк или даже в Берлингтон, оно заметило бы, что именно рабочие-то люди и живут в самых бедных домах.

Это странное явление, и оно стоит того, чтобы над ним призадуматься. Мы невольно презираем бедность. И на самом деле ее следовало бы презирать. Я отнюдь не говорю того, чтобы бедные люди всегда или в большинстве случаев были бедны по собственной вине, но так должно бы быть. Если бы какой-нибудь справедливый человек имел силу создать мир, то он, несомненно, создал бы мир, в котором бедными оказывались бы лишь люди ленивые и порочные. И именно таков тот мир, в котором мы живем, который был создан Богом. Природа вознаграждает лишь труд и только труд; никакой предмет богатства не может быть произведен без участия труда, и при естественном порядке вещей человек, работавший добросовестно и умело, должен быть богатым, а не работающий — бедным. Мы перевернули этот порядок природы, и у нас вошло в привычку думать о рабочем человеке, как о бедном.

Но, вникнув в предмет, мы поймем, что первичная причина этой бедности заключается в том, что мы принуждаем людей, которые работают, платить другим людям за дозволение работать. Вы покупаете пальто, лошадь, дом; вы платите за произведение труда, — за труд, затраченный продавцом или купленный им у других людей. Но за что вы платите человеку, когда вы платите ему за землю? Вы платите ему за то, чего не производил никто из людей, что существовало ранее, чем явился человек, за ценность, которая была создала не каким-либо человеком лично, а обществом, часть которого вы составляете. Где причина того, что земля, на которой мы находимся сегодня вечером, стоит в настоящее время дороже, чем стоила двадцать пять лет тому на зад? Где причина того, что земля в центре Нью-Йорка, которой можно было купить некогда целую милю

за бутылку виски, стоит теперь столько, что вымостить ее золотом обойдется дешевле, чем купить? Разве не в увеличении численности населения? Если это население вдруг исчезнет, то что станет с ценностью земли?

Мы толкуем о перепроизводстве. Но какое же может быть перепроизводство в то время, когда народ нуждается в самом необходимом? Народу нужны те предметы, которые оказываются произведенными в излишке. Почему же он не приобретает их? Не потому, чтобы он не желал их, а потому, что у него нет средств купить их. Почему же у него нет средств? Потому что он зарабатывает слишком мало. Не удивительно, что великое множество товаров остается непроданным, когда огромной массе людей приходится работать, в среднем, за 1 доллар 40 центов в день.

Почему же этим людям приходится работать за такую низкую плату? Потому, что если бы они потребовали высшей платы, то их было бы кем заменить. Всегда наготове стоит множество безработного народа, и именно эта масса безработных создает ту жесткую конкуренцию, которая снижает заработную плату до уровня голого существования. Но почему есть люди, которые не могут найти для себя работы? Разве не странно звучат эти слова, что люди не могут найти для себя работы? Адам не испытывал затруднения в отыскании работы, не испытывал его и Робинзон Крузо; отыскание работы было самым последним делом, о котором они заботились.

Если люди не могут найти для себя работодателя, то почему же они сами не сделаются своими работодателями? Да просто потому, что они отрезаны от того элемента, без которого немислим труд; люди принуждены конкурировать между собой из-за заработной платы, выдаваемой хозяином, потому что они насильственно лишены естественных удобств, пользуясь которыми, они могли бы быть своими собственными хозяевами, — потому что для них нет места в Божьем мире, где они могли бы работать, не платя другим каким-то человеческим существам за то, что те позволяют им работать.

Я отнюдь не хочу сказать того, чтобы, покончив с этой основной несправедливостью, мы могли бы спокойно сложить свои руки; но я хочу сказать что вопрос о праве владения землей лежит в корне всех других общественных вопросов. Я хочу сказать, что вы можете делать все, что угодно, можете проводить какие угодно реформы, но что вы не избавитесь от повсеместной бедности до тех пор, пока элемент, на котором и от которого должны жить все люди, будет оставаться

частной собственностью некоторых лиц; что до тех пор будут бесплодны все ваши усилия. Преобразовывайте механизм управления, сокращайте до минимума налоги, стройте железные дороги, заводите кооперативные магазины, делите прибыль между хозяевами и работниками как вам нравится, — и что же будет в результате? В результате будет то, что земля будет повышаться в своей ценности; только это и ничего больше. Опыт показывает нам это. Разве все улучшения не увеличивают только ценности земли, — той цены, какую должны одни люди другим за право существовать на свете?

Подумайте вот о чем, и я говорю вам это с полнейшим уважением и только для того, чтобы запечатлеть эту истину в ваших умах. До тех пор, пока Его законы остаются таковыми, каковы они сейчас, даже самому Богу было бы невозможно облегчить бедность, — абсолютно невозможно. Подумайте об этом, и вы поймете меня. Люди молят Всемогущего облегчить бедность. Но бедность происходит не от Божьих законов, — сказать это значило бы произнести самую гнусную хулу на Бога.

Бедность происходит от человеческой несправедливости к ближнему. Допустим, что молитва людей была бы услышана Всемогущим; но как Он мог бы исполнить их просьбу, сохраняя установленные Им законы такими, каковы они есть? Ведь Бог ничего не дает нам из того, что составляет богатство. Он дает нам только сырой материал, который перерабатывает человек, производя богатство. А разве теперь он мало дает нам этого сырого материала? И если бы он стал давать его еще более, как мог бы Он облегчить бедность? Допустим, что в ответ на просьбу людей Он увеличил бы силу солнца или плодородие почвы, сделал бы растения более плодоносными и заставил бы быстрее размножаться животных, — кому все это было бы на пользу? Кому все это было бы на пользу в стране, в которой земля вполне монополизирована, как она монополизирована в большинстве цивилизованных стран? Только одним собственникам земли. И даже если бы Бог в ответ на просьбу людей стал прямо посылать с неба те предметы, какие нужно людям, то и тогда это было бы на пользу лишь одним собственникам земли.

В Ветхом Завете рассказывается, как израильтяне, странствуя в пустыне, терпели голод и как Бог послал им с неба манну. ее было достаточно для всех, все брали ее и были сыты. Но допустим, что пустыня признавалась бы частною собственностью, как признается ею земля в Великобритании или Соединенных Штатах. Допустим, что

один израильтянин имел бы квадратную милю земли, другой — двадцать миль, третий — сто и т. д., а огромное большинство израильтян не имело бы земли даже столько, сколько нужно ее, чтобы поставить на нее ступни своих ног, — что случилось бы тогда с манной? Какая польза от нее была бы для народа? Никакой. Хотя Бог посылал бы манны достаточно для всех, но манна эта делалась бы собственностью землевладельцев; они нанимали бы кого-нибудь собирать ее для них в кучи и продавали бы ее своим голодающим братьям. Понятно, что эта покупка и продажа манны продолжалась бы до тех пор, пока большинство израильтян не проело бы все, что у них было, кончая последней одеждой. А потом? Потом им уже не на что было бы покупать манну, они начали бы голодать в то время, как манна лежала бы в огромных кучах и землевладельцы жаловались бы на ее перепроизводство. Был бы огромный запас манны и голодающий народ — как раз то самое явление, какое мы видим в настоящее время.

Я не могу касаться многих сторон дела, но на одно я хотел бы обратить ваше внимание: на совершенную нелепость права частной собственности на землю. Человек продает землю — нашу общую мать, — продает то, что никто из нас не производил, и это право передается из поколения в поколение. Но как же он мог приобрести то право, которое делало бы землю его собственностью?

Есть священное право собственности — священное потому, что оно предписывается законами природы, т. е. законом Бога, и необходимо для общественного порядка и цивилизации, — это право собственности на предметы, произведенные трудом. Оно вытекает из права человека на самого себя. То, что человек произвел является его собственностью и никто в мире не имеет права у него это отнять. Производя вещь, человек приобретает право отдавать ее или удерживать, дарить или давать в займы, продавать или завещать. Но как может он приобрести подобное право на землю, которая была ранее, чем он явился на свет? Личное право на землю основывается лишь на присвоении. Некто, по имени Гелехерд, много лет тому назад поднялся на вершину высокого холма в одной из самых чудных местностей Западной Австралии, осмотрелся кругом и провозгласил: «Вся земля, которая видна с вершины этого холма, отныне пусть будет моею собственностью; вся же прочая земля, которой не видно отсюда, пусть будет собственностью сына моего Джона».

Эта история повторялась повсюду. Всяду права на землю являлись следствием такого же присвоения. Бесспорно, при

некоторых обстоятельствах присвоение может создавать право. Нас приглашают к обеду и просят садиться за стол. Я сажусь, и стул, на который я сажусь, чрез это присвоение на время делается моим. Было бы очень неприлично и неблагопристойно со стороны кого-либо из других гостей подойти ко мне и сказать: «Встаньте с этого стула, я хочу сесть на него!» Однако это право владения стулом, вполне допустимое до тех пор пока я на нем сижу, не дает мне права захватывать все то, что ставится на стол передо мною. Человек имеет право присваивать естественные элементы, которыми он может лично воспользоваться; но имеет ли он право присваивать более того, чем он может пользоваться? Имеет ли право гость в случае, предположенном нами ранее, присвоить себе более, чем сколько ему нужно, и заставить других гостей стоять за столом? А это именно и делается повсюду.

Бедность! Да может ли быть какое-либо сомнение в ее причине? Отправьтесь в старые страны, — отправьтесь в западную Ирландию или на шотландскую возвышенность. Вы найдете там чисто первобытные общества и вместе с тем встретите людей, живущих так бедно, как беднее нельзя и жить, — людей, из года в год живущих лишь на овсяной муке или на картофеле и сплошь и рядом голодающих. Вы без труда откроете причину их бедности. Они лишены всякого права на то, что дает им природа. Все, что они могут сделать сверх необходимого для жизни, они должны отдавать лендлордам. Им приходится платить не только за землю, которой они пользуются, но даже за водоросли, которые выбрасываются морем на берег, и за торф, который они выкапывают из болот. Они не решаются делать никаких улучшений, ибо всякое улучшение приводит лишь к повышению арендной платы. Люди эти, работая в поте лица, ютятся в лачугах, тогда как лендлорды живут в роскоши, где-нибудь в Лондоне или Париже, а приезжая в свои поместья для охоты за лисицами, останавливаются в домиках, которые кажутся великолепными замками сравнительно с жилищами трудящегося народа.

В городах вы заметите еще большую бедность, и, желая показать вам самые тяжелые последствия монополизации земли, я направил бы вас именно в города, — в Дублин, Глазго или Лондон. Там вы увидели бы нечто худшее физических лишений или простого голода: вы увидели бы там нравственное истощение людей, их духовное умирание. И причину вам не трудно было бы заметить.

Люди бегут из деревень в города и ищут пристанища в городских трущобах. С каждым человеком, уходящим из деревни, уменьшается

спрос на произведения городских рабочих, и с каждым таким человеком, приходящим в город с женой и детьми, увеличивается конкуренция между рабочими из-за одной только возможности существовать, что приводит к падению заработной платы. Для людей остается один только выбор: искать где бы то ни было работы или голодать, — работать на каких бы то ни было условиях или сделать то, чего всякий рабочий человек, не утративший совести, боится более, чем смерти — идти просить милостыню. Вот почему так переполнены города. Но сделайте землю доступной для трудящихся, уничтожьте монопольный захват ее людьми, которые, сами на ней не работают и другим не дают работать, и вы не увидите больше бродяг на дорогах и не услышите о перепроизводстве.

Я уверенно отвергаю, чтобы можно было указать какое-либо благое следствие монополизации земли. Где бы вы ни прослеживали ее влияние, — в новых ли странах, где впервые она остановила на себе мое внимание, в центрах ли торговой и промышленной деятельности, — везде вы заметите лишь вред от нее и везде вы увидите полное несоответствие ее с требованиями порядка и справедливости. Посмотрите, как сказывается она хотя бы на дорогах и на расстояниях, отделяющих сельские поселения.

Человек не берет себе земли столько, сколько ему нужно, сколько он может обработать, а берет столько, сколько он может захватить; вследствие этого его ближайший сосед должен селиться где-нибудь дальше, — люди отодвигаются друг от друга более, чем сколько следовало бы, производительная деятельность их затрудняется, выгоды близкого соседства и знакомства утрачиваются. Они не могут иметь хороших дорог, им более приходится работать для достижения тех же результатов, и жизнь их оказывается во всех отношениях более трудной и мрачной.

В городах влияние земельной монополизации сказывается не лучше. В деревне она слишком рассеивает население, в больших городах она слишком сгущает его. Подите в какой-нибудь город в роде Нью-Йорка и посмотрите, как размещаются в нем люди, семья над семьей, этаж над этажом, подобно кильке в консервной банке. Возможна ли там сколько-нибудь естественная или здоровая жизнь? Может ли быть что-нибудь похожее на домашний очаг в квартирах, занимаемых рабочими? Могут ли дети вырасти здоровыми там, где им нет места поиграть? Две или три недели тому назад я читал в газетах, что один нью-йоркский судья оштрафовал на пять долларов двух

мальчиков за то, что они позволили себе играть на улице; а где еще они могли бы играть? Монополизация земли не оставила им мест для игр. Один член общества трезвости заявил как-то, что по его мнению даже питейные дома Лондона являются благом в том смысле, что они дают возможность живущим в темных и грязных квартирах побыть хоть немного в светлых и чистых комнатах и хоть на время отделаться от гнета своей удручающей обстановки. Где же причина такой скученности в городах? Естественной причины нет. Возьмите Нью-Йорк: он наполовину не застроен. Зачем же люди так скучиваются там? Тут сказывается влияние права частной собственности на землю. Есть много мест, чтобы строить дома, есть много людей, желающих строить, но прежде, чем строить их, приходится платить выкуп собственникам земли. Приобрести свободный участок под постройку дома обходится нередко дороже, чем построить сам дом. И что же ждет потом человека, который внесет за землю выкуп и построит дом? К нему явится налоговый инспектор и наложит на него налог за постройку дома.

Так делается это всюду в Соединенных Штатах. Люди, которые строят, люди, которые превращают степь в поля и пустыню в сады, люди, которые украшают наши города, подвергаются за это налогам и штрафам. Разве жителям Нью-Йорка, да и массе других городов, не требуется большого числа квартир? Зачем же, скажите, опутываете вы налогами людей, которые строятся? И так всюду: главная масса налогов приходится на людей, которые прилагают к земле свой труд и капитал. Строит кто дом, устраивает фабрику или возделывает землю, и он облагается за это налогами; более того, в девяти случаях из десяти человек, пользующийся своей землей, платит с нее значительно больше налогов, чем платит собственник, который, выжидая время, и сам не пользуется своей землей и другим не дает ею пользоваться.

Я говорил слишком долго; но я все же позволю себе в немногих словах очертить тот путь, каким мы могли бы освободиться от монополизации земли и обеспечить за всеми людьми право на ресурсы, необходимые для жизни. Для этого нам не нужно было бы разделять землю. При грубом состоянии общества, как среди древних евреев, наделение каждой семьи участком земли и признание такого надела ее неотчуждаемой собственностью могло вести к чему-то похожему на равенство. Но теперь, при нашей сложной цивилизации, этого было бы недостаточно. Нам нужно было бы установить раздел

не земли, а доходов, получаемых с земли. Этим путем мы могли бы достигнуть абсолютного равенства, и при том без всяких сколько-нибудь резких и насильственных изменений. Мы могли бы постепенно и спокойно осуществить реформу, отменяя налоги, которые падают теперь на труд, капитал и их приложения, и вводя вместо них налог с ценности земель. Подумайте об этой реформе, и для вас станет ясно, что она будет благодеянием повсюду.

Предположите, что мы отменили бы все налоги, прямые и косвенные, введя вместо них налог с ценности земель; к каким последствиям повела бы эта реформа? Прежде всего она уничтожила бы спекулятивные цены. Она переместила бы центр тяжести налогообложения из более новых частей страны в более старые и богатые. Она избавила бы от налогов первопроходцев и возложила бы главную массу их на более крупные города. Она освободила бы энергию и предприимчивость, сняла бы гнетущее бремя с труда и капитала и дала бы новый могущественный толчок производству. Затем она позволила бы нам из налога с ценности земель не только покрывать все теперешние правительственные расходы, но делать нечто неизмеримо большее. В Сан-Франциско некто Джеймс Лик оставил в пользу города несколько участков не застроенной земли, и на ренту с них там будет построен величайший в мире телескоп, выстроены обширные общественные бани и другие здания, сооружены дорогостоящие заводы. Но если бы, вместо ренты с этих немногих участков, Сан-Франциско стал получать ренту со всего города, что тогда мог бы он сделать для своих жителей?

Даже здесь, в Берлингтоне, где рента ничтожна сравнительно с Чикаго или Сан-Франциско, вы многое могли бы сделать для города, если бы признали общественной собственностью те доходы с земли, которые получают теперь частными лицами. Вы могли бы завести огромную публичную библиотеку, могли бы устроить картинную галерею, могли бы разбить великолепный общественный парк. У вашего города прекрасное местоположение, редкое по своей красоте, а я много путешествовал. И вы могли бы сделать так, что жизнь в вашем городе была одним удовольствием.

Но при теперешних порядках вам не удастся этого сделать никогда. Самый факт, что с известных мест города у вас открывается красивый вид, побуждает некоторых лиц захватывать эти места и требовать за них более высокую цену. Штату Нью-Йорк хочет купить полосу земли, чтобы дать возможность публике любоваться на

Ниагарский водопад. Но сколько же ему придется заплатить за нее!.. Посмотрите, что делается во всех наших крупных городах. В Филадельфии, например, чтобы выстроить величественное здание мэрии, пришлось загородить единственные две большие улицы в городе. Везде увидите вы тот вред, какой наносит монополизация земли, и всюду заметите вы, что частная собственность на землю только препятствует общественным и частным улучшениям.

Однако у меня нет времени вдаваться в дальнейшие подробности. Я прошу вас только вдуматься в смысл этой реформы. Вы поймете, насколько она желательна. Один из моих английских друзей, определял ее как-то словами: «никаких налогов и пенсия для всякого», и формулой этой достаточно точно выражается ее сущность. Брать в качестве налога ренту с земли, на самом деле, не значить брать налог; брать ее значить брать в пользу общества то, что принадлежит обществу, и из этого фонда, принадлежащего обществу, мы действительно могли бы, никого не унижая, оказывать помощь нуждающимся, — тем, которые потеряли своих кормильцев, подверглись несчастным случайностям или утратили с годами способность к труду. Все толки о том, что мы растлевающим образом влияли бы на простых людей, давая им то, что не было заработано ими, — ложь. Растлевающим образом влияет лишь то, что подрывает в человеке самоуважение; а то, что получается по праву, как достояние каждого гражданина, не унижает человека. Бесплатные школы благотворителей влияют принижающим образом на детей, которые их посещают; бесплатные общественные школы уже не оказывают такого влияния.

Однако все эти благодеяния реформы, как бы они ни были велики, все же являлись бы, так сказать, лишь побочными следствиями ее. Главным, основным следствием предложенной мною реформы было бы то, что для труда открыт был бы доступ к земле, и люди получили бы возможность всюду находить для себя занятие. А это очень ценное следствие. Мы сэкономили бы те огромные производительные силы, которые расточаются теперь всюду в нашей стране, — силы безработного народа, ищущего работы. Заработная плата стала бы подниматься. Не каждый стал бы пахать землю или строить себе дом, получив к тому возможность, но многие стали бы делать это, и эти многие ослабили бы давление на рабочем рынке и дали бы занятие всем прочим, ищущим его. Вместе с возрастанием заработной платы стала бы возрастать общая производительность страны. Высокая

заработная плата всюду сопутствуется высокой производительностью. Где заработная плата достигает наивысшего уровня, там наиболее деятельным бывает дух изобретения, наиболее сообразительным рабочий и наиболее щедро вознаграждается всякая затрата труда.

Чем более вы будете думать об этом, тем яснее будет становиться для вас, насколько верно то, что я говорю. Я не рассчитывал убедить вас, поговорив с вами лишь в продолжение часа или двух, и я буду доволен, если мне удалось побудить вас к исследованию.

Вдумайтесь сами в явления окружающей вас действительности и сами спросите себя: точно ли не преступление факт существования бедности в нашей среде, и не ответственен ли за нее каждый из нас, кто умалчивает о ней и не делает того, что можно сделать для ее устранения?

Причины экономических кризисов

(Статья из журнала „Once a Week“ от 6 марта 1894 г.)

Чтобы уяснить себе причины расстройств в отправлениях человеческого тела, врач прежде всего старается представить себе полную картину этих расстройств. Подобным же образом, чтобы уяснить себе причины экономических кризисов, нам нужно прежде всего выяснить что такое экономический кризис.

Под экономическим кризисом мы понимаем всякое уменьшение в быстроте и объемах обменов, при помощи которых в нашей высокоспециализированной промышленной системе переходят товары в руки потребителей. Это сокращение обмена, очевидно, обуславливается не недостатком в предметах, подлежащих обмену; они бывают, наоборот, в изобилии. Не обуславливается оно и уменьшением желаня приобретать их среди потребителей. Напротив того, периоды кризиса — это периоды, когда массы людей остро испытывают нужду в большом количестве предметов, которые продаются торговцами или промышленниками, так что с целью предупредить гибель людей из-за недостатка этих предметов, приходится обращаться к благотворительности.

На первый взгляд может показаться, что это сокращение обмена обуславливается расстройством в самом механизме обмена. Так как таможенные тарифы имеют своей целью препятствовать обмену товарами, то поверхностному наблюдателю легко может показаться, что именно тарифы являются причиной экономических кризисов. Еще более правдоподобной причиной их могут казаться разного рода постановления, касающиеся денежного обращения, так как деньги являются общей мерой ценности и в массе случаев посредником при обмене товарами. Но как ни важны сами по себе влияния таможенного тарифа или денежного обращения, однако ими все же нельзя объяснить возникновения кризисов. Таможенное покровительство, доведенное до его крайних пределов, могло бы только лишить нас выгод обмена наших товаров на товары других стран; самая полная свобода торговли только лишь позволила бы нам обмениваться с другими странами совершенно так же, как мы обмениваемся теперь между штатами. А деньги, какова бы ни была их важность в качестве меры ценностей и средства обмена, все же суть не что иное, как средство для счета. Периоды кризисов наступают и

проходят независимо от каких-либо перемен в тарифах или системах денежного обращения, и их можно наблюдать в странах с совершенно различными тарифами и денежными системами. Истинная причина их должна корениться где-то глубже. И что она действительно коренится где-то глубже, легко обнаружить с первого же взгляда.

Сокращение обменов, при которых товары переходят в руки потребителей, очевидно, зависит не столько от увеличения трудностей при передаче этих товаров, сколько от уменьшения возможности платить за них. Всякий промышленник знает, что застой в делах проистекает от ослабления покупательной способности потребителей или, как выражаются, от их "стеснения в деньгах". Но деньги представляют из себя лишь средство, выполняющее при обмене такую же функцию, как фишки при игре в покер. В конечном итоге они являются ничем иным, как трудовыми свидетельствами. Огромное большинство потребителей получает деньги, обменивая на них свой труд или плоды своего труда, чтобы потом покупать на них то, что им нужно. Так что то, что они уплачивают за товары, в сущности, есть их труд.

«Труд с самого начала был единственным платежным средством при каких бы то ни было покупках», говорит Адам Смит. Это замечание верно не только в том смысле, какой вкладывал в него Смит. Труд и до сего времени остается единственным платежным средством при каких бы то ни было покупках.

Ослабление «платежеспособного спроса», являющееся ближайшей причиной экономических кризисов, означает, следовательно, ослабление способности превращать труд в форму, подлежащую обмену, т. е. то, что называется «безработицей». Эти два названия выражают собой, в сущности, одно и то же явление, но с разных сторон. Кризис для предпринимателя оказывается безработицей для рабочего. Они вместе наступают, вместе проходят и между ними всегда поддерживается известное взаимодействие, как это мы можем видеть хотя бы, когда торговец или промышленник увольняет своих работников из-за застоя в делах, увеличивая тем самым безработицу. Но в причинно-следственной связи явлений безработица все же наступает ранее кризиса. Другими словами, не безработица происходит от кризиса, как это признают иногда, а кризис происходит от безработицы. Ибо платежеспособный спрос со стороны потребителей определяет собой размер и направление, в каких будет

прилагаться труд к производству, а не предложение товаров определяет собой спрос.

Ведь именно труд обмениваем мы при всех наших куплях-продажах товаров или услуг. Один человек чистит мне сапоги, затрачивая свой труд на оказание мне известной услуги. Я плачу ему пять центов, на которые он приобретает соответственное количество труда в форме пищи, одежды, газет, проезда на трамвае и т. п. В конечном анализе сделка наша сводится к тому же, как если бы я нанимал его чистить мне сапоги, а он нанимал меня выполнять, соответственно, нужные ему работы, или как если бы я сам чистил себе сапоги, а он сам выполнял для себя работы. Даже для близорукого наблюдателя не может быть сомнения в том, что есть только три способа для людей поддерживать свое существование: работой, милостыней и воровством, ибо всякий, пользующийся трудом, не возвращая его, с

экономической точки зрения есть или нищий или вор. В сущности же, эти три способа сводятся к одному, ибо и нищие и воры могут жить лишь за счет работающих. При каком бы то ни было состоянии цивилизации только человеческий труд может доставлять удовлетворение нуждам и потребностям человека.

Труд же может применяться лишь на земле. Возьмете ли вы одну какую-либо страну или весь мир, везде вы увидите, что люди могут жить лишь благодаря приложению труда к земле. Так это есть и было и будет, все равно, как бы ни возрастало народонаселение, как бы ни усложнялась цивилизация, как бы ни развивался обмен, как бы ни умножались изобретения. Поверьте это умственным опытом. Представьте в своем воображении пахаря за плугом; шахтера в шахте; железнодорожный поезд, несущийся по степи; пароход, рассекающий волны океана; огромную фабрику с вертящимися колесами и тысячами рабочих; каменщиков, воздвигающих здание; телеграфных рабочих, строящих новую линию; торговцев, продающих товары; бухгалтеров, разбирающихся со счетами; чистильщиков обуви, полирующих на улице ботинки своих клиентов. Нарисуйте в своем воображении эти картины и удалите затем мысленно из них мало-помалу все принадлежащее земле. Что будет у вас в остатке?

Земля есть источник всякой трудовой деятельности, естественный элемент, необходимый для всякой работы. Труд и земля — вот два первичных фактора, которые, соединяясь, производят всякое богатство и доставляют удовлетворение всем нашим материальным

потребностям. Где есть труд, т. е. способность и желание трудиться, там никогда не может быть безработицы, если трудящийся имеет доступ к земле. Разве Адам и Ева могли страдать от безработицы? Разве знали о ней первые поселенцы в этой стране или те люди, которые приходили сюда в то время, когда легко было достать земли? Разве не ясно, как день, что именно земельная монополия, ограждение земли от трудящихся при помощи высоких цен, требуемых за нее, является всюду причиной безработицы и экономических кризисов? И в городе и в деревне, и в шахтерских и в сельскохозяйственных районах — везде вы видите земли, пригодные для обработки, но недоступные для трудящихся из-за высоких цен, какие требуют за них люди, не пользующиеся ими. В самом центре Нью-Йорка остаются незастроенные участки, за один из которых, далеко не самый крупный или ценный, тщетно предлагали недавно сорок тысяч долларов в год. А это только лишь образчик того, что совершается повсюду. Труд отрезан от земли и простаивает. Желания остаются, но "платежеспособного" спроса уже нет. Надо ли считать тогда тайной причину кризисов? Пусть бы вся земля находилась в таком же владении, как те пустующие участки в Нью-Йорке, и много ли людей из всего ее многомиллионного населения могло бы найти для себя работу?

В конце прошлого великого кризиса я представил исследование причины экономических кризисов в книге, носящей название «Прогресс и бедность», к которой я и отсылаю читателя, желающего ознакомиться с предметом во всей его полноте. Но сущность дела ясна. Пустующие земли означают собой незанятые рабочие руки, а незанятые рабочие руки означают собой уменьшение покупательской способности всех слоев населения, что неизбежно приводит к экономическому кризису. Каждый из активных периодов земельной спекуляции, имевших место в нашей истории, приводил к кризису и неминуемо должен был приводить к нему. Социалисты, популисты и народные благодетели разного рода, желающие бороться с великим злом маленькими средствами, собираются выдергивать здоровый зуб. Больное место нашей цивилизации — это наше владение землей. Именно оно превращает в проклятие даже успехи изобретений.

Благотворительность и снабжение нуждающихся общественнополезной работой могут лишь в слабой степени облегчить страдания рабочих, но они не могут избавить от экономических кризисов. Они лишь перемещают покупательскую

способность, но они не могут увеличить суммы "платежеспособного" спроса. Есть только одно средство против циклических повторений экономических кризисов, и нет и не может быть других. Средство это — единый налог, отмена всех налогов, падающих на труд и произведения труда и отобрание ренты в пользу общества при помощи налога с ценности земли, не зависящей от улучшений. Сделав невыгодной земельную спекуляцию и невозможной монополизацию земли, средство это откроет для обладателей способности к труду возможность превращать ее в богатство или покупательскую способность и раз и навсегда положит конец тому нелепому положению дел, при котором люди, желающие трудиться, принуждены страдать из-за недостатка в предметах, создаваемых трудом.

Почему землевладельцы не могут переложить на других налог на ценность земель

Против предложение сосредоточить все налоги на ценности земель обыкновенно возражают, что собственники земель отвечали бы на всякое повышение налога с ценности земель равным ему повышением арендной платы. И именно мысль, что всякое повышение налога с ценности земель падало бы на лиц, пользующихся землей, а не на собственников земли, быть может, более, чем что-либо другое, мешает людям оценить должным образом то всеохватывающее и благотворное действие, какое оказало бы уничтожение налогов, падающих на труд или производство труда, и отобрание в пользу общества той ценности, которая возникает в земле вследствие роста и преуспеяние общества.

Однако налог с ценности земель или, применяя политико-экономический термин, налог на ренту падает не на того, кто пользуется землей, и не может перелagаться собственниками земель на арендаторов. Это истина, признанная всеми более или менее известными экономистами. Как бы много они ни спорили относительно всего прочего, а относительно этого между ними нет спора. Какие бы смешные основание ни приводились некоторыми из их числа в защиту того мнения, что более не следует обращаться к налогу на ренту, все они одинаково признают, что налог на ренту всегда уменьшает прибыль собственников земли, никогда не перелagается на лиц, пользующихся землей, не повышает цен и не сдерживает производства. Чтобы не приводить многих цитат, достаточно будет сослаться на Джона Стюарта Милля. В своих "Основах политической экономии" (Книга V, глава III, § 2) он говорит:

"Налог на ренту падает весь на землевладельца. Нет ему никакого средства переложить это бремя на кого-нибудь другого. Налог этот не возвышает ни ценности, ни цены земледельческого продукта, потому что она определяется стоимостью производства в наименее благоприятных обстоятельствах, а часть продукта производимого в наименее благоприятных обстоятельствах не платит ренты, как мы уже доказывали много раз. Потому единственное действие налога на ренту — очевидное его действие. Он просто берет всю свою сумму у

землевладельца и передает ее государству".

Причина этого ясна будет для всякого, кто усвоит принятую теорию ренты, — ту теорию, которой дано было имя Рикардо, и которую, по словам Джона Стюарта Милля, нужно только понять, чтобы признать доказанной. Причина этого ясна будет для всякого, кто вникнет, хотя бы, впервые, в сущность ренты и ее происхождение. Рента с земли представляет собой доход с права собственности, остающийся за вычетом той доли дохода, которой было бы достаточно, чтобы побудить к пользованию землей; она есть плата за дозволение пользоваться землей. Отбирая в налоге часть этой платы или всю ее, государство никоим образом не ослабляло бы побуждение пользоваться землей и не понижало бы дохода от этого пользования, никоим образом не уменьшало бы количества земли, которой можно пользоваться, и не затрудняло бы доступ к ней людям, желающим ею пользоваться. Не существует способа, каким налог с ценности земель или налог на ренту можно было бы переложить на людей, пользующихся землей. Требуя себе сколько бы то ни было из платы за дозволение пользоваться землей, государство лишь уменьшало бы, соответственно, чистую прибыль собственников земли от их права дозволять пользование землей или ту цену, которую они могли назначать при продаже их земли, — капитализируя ренту, действительную или ожидаемую.

Вот, например, участок земли, имеющий ценность, — где он находится — безразлично. Его рента или ценность определяется наивысшей платой, какую могут предложить за него лица, желающие им пользоваться. И понятно, что налог с этой ценности или налог на ренту, не увеличивал бы готовности платить за землю более, чем прежде, у лиц, желающих пользоваться, и возможности требовать более за пользование ею у собственников. Предположить, что такой налог мог бы быть переложен собственниками земли на владельцев ее, в сущности, значило бы допустить, что собственники земли берут теперь за нее не столько, сколько можно было бы взять, что они могли бы повысить плату за землю до любого размера всюду, где им захотелось бы.

А это, конечно, нелепое допущение. Цены могли бы расти беспредельно, если бы они назначались только продавцом. Цена, какая может быть дана или получена за известный предмет, всегда устанавливается при взаимодействии двух желаний или стремлений: желание или стремление покупателя и желание или стремление

продавца. Один хочет дать возможно меньше, другой хочет получить возможно больше, и тот пункт, на котором состоится обмен, есть как раз тот пункт, на каком оба эти желание или стремление приходят в равновесие и делается возможным соглашение. Другими словами, цена определяется уравнением спроса и предложении. И налог, очевидно, не может оказывать влияние на цену, если он не оказывает влияние на относительную величину того или другого из членов уравнения. Простое желание продавца больше взять, простое желание покупателя меньше дать, не может ни повысить, ни понизить цены. Не может повышать цены то, что не уменьшает предложение или не увеличивает спроса. Не может понижать цены то, что не увеличивает предложение или не уменьшает спроса. А налог с ценности земель, или отобрание государством части той платы, которую собственники земли могут брать за пользование землей, ни спроса на землю не увеличивает, ни предложение земли не уменьшает, и потому он не может повышать той цены, которую собственники земли могут брать с лиц, пользующихся землею. Для собственников земли является полной невозможностью перелagать налог на лиц пользующихся землею в виде повышенной арендной платы.

При налоге с ценности земель, при неизменности прочих условий, арендные цены будут не выше, чем прежде, тогда как продажные цены земель, которые определяются чистым доходом, должны будут значительно понизиться. Всякий, кто покупал бы землю, платил бы менее продавцу, потому что после он должен бы был платить более государству.

И мало того, что налог с ценности земель не повышал бы арендной платы: в странах, подобных Соединенным Штатам, где так много ценной земли, которой никто не пользуется, он с силой стремился бы к понижению этой платы. Во всех городах, да и всюду у нас, мы видим множество земель, находящихся вне пользование или вне надлежащего пользование просто потому, что за них назначаются слишком, высокие цены людьми, которые не хотят или не могут пользоваться ими сами и которые удерживают их за собой только в надежде получить прибыль от возрастание их ценности вследствие роста народонаселения. Благодаря налогу с ценности земель люди эти вынужденны были бы искать для своих земель арендаторов или покупателей. За землю, с которой не берется налогов, свободно может назначать высокую цену даже человек бедный, ибо землю кормить не надо. Но берите с той же земли высокий налог, и даже богатый

человек вынужден будет искать для нее покупателей или арендаторов, а чтобы найти их, будет понижать цену, которую требует, а не повышать, ибо требуя меньшего, а не большего, ищет покупателя тот, кто в нем нуждается. Собственнику приходилось бы платить высокий налог с земли, которая ничего ему не приносит и ничего не обещает принести в будущем при возрастании ее ценности, ибо это возрастание ценности сопутствовалось бы возрастанием налога, — и он предпочел бы передать ее кому-нибудь другому или вернуть государству. Не стало бы более собак на сене, — людей, которые всюду в нашей стране владеют землей, не пользуясь ею и не позволяя пользоваться другим. Обложить земли налогом приблизительно в размере ренты значило бы в конец уничтожить спекулятивные цены и понизить арендную плату в которую всегда входит спекулятивный элемент. А как неосновательно было бы думать, что собственники земель, имеющие арендаторов, могли бы переложить налог с ценности их земель на своих арендаторов, это можно видеть из того, как влиял бы этот налог на собственников, которые не имеют арендаторов. Рента растет не тогда, когда собственники земли ищут арендаторов, а тогда, когда арендаторы ищут земли.

Чтобы представить дело в форме наиболее понятной, рассмотрим два случая: во-первых, случай страны, в которой использована вся годная земля, и конкуренция арендаторов довела арендную плату до такого размера, что арендатор уплачивает собственнику земли почти все то, что он в состоянии добыть, довольствуясь одним голым существованием, и, во-вторых, случай страны, в которой использована не вся пригодная земля, и арендная плата, которую собственники земли могут требовать с арендаторов, определяется условиями, на каких арендаторы могут занимать еще не использованную землю. Каким образом, в обоих этих случаях, мог бы перелагаться собственниками земли на арендаторов налог с ценности земель, если бы он был установлен?

Заметим, что налог с ценности земель не есть налог на землю. Это совершенно различные вещи, и только лишь смешивая их признают, будто налог с ценности земель должен падать на лиц, пользующихся землей. Налог на землю, другими словами, налог с земель постольку то с акра или фута, должен падать на лиц, пользующихся землей, не говоря уже о том действии, какое он может оказывать на спекуляцию. Ибо этот налог, падая ровно на всякие земли, — на самые плохие и невыгодные по местоположению в такой же мере, как на самые

лучшие и выгодные, — становится условием пользования какой бы то ни было землей, от которого никто не может избавиться, и собственники земли присоединяют его к арендной плате. Действие его аналогично действию налога на производимые товары и сводится, в сущности, к сокращению предложения земель, которыми можно пользоваться, ибо при нем становится невозможным пользование малодоходными землями, на которых не возвращается уплачиваемый налог. Но налог на ренту (в экономическом смысле слова), или налог с ценности земель, падает не на всякую землю, а лишь на ценные земли и на эти земли — пропорционально их ценности. Таким образом его не приходится платить с самых плохих земель, находящихся в пользовании (которыми, собственно, и определяется рента); он не становится условием пользования землей и не уменьшает количества земли, которой можно с выгодой пользоваться. Потому собственники земли, с которой он взыскивается, не могут перелгать его на лиц, пользующихся их землей. Это различие между налогом на землю и налогом с ценности земли, — существенное различие в их действии, — никогда не следует упускать из виду.

Не следует также упускать из виду и того, что ценность земли есть нечто совершенно отличное от ценности улучшений. Это ценность, которая возникает не вследствие труда какого-либо индивидуума, но вследствие роста и прогресса общества. Налог с ценности земель не может, стало-быть, уменьшать награды за труд или за накопление богатства. Он просто берет в пользу всего общества ту ценность, которая создается всем обществом.

И если относительно налога с ценности земель или налога на ренту нельзя утверждать того, чтобы он падал на лиц, пользующихся землей, и распределялся в виде повышенных цен, то это с полным основанием можно утверждать относительно большинства тех налогов, посредством которых собираются теперь общественные доходы. Так, говоря вообще, налог на доходы с капитала падает не на собственников капитала, а на лиц, пользующихся капиталом, и перелгается ими на потребителей того, что производится при содействии капитала; налог на дома или строительные материалы уплачивается в конце концов в виде повышенной наемной платы обитателями домов; сборы с промышленных заведений или ввозные пошлины уплачиваются в конце концов потребителями товаров. Факт этот далек от того, чтобы быть общепризнанным, иначе массы никогда не выражали бы своего согласия с системой собирания

большинства наших налогов. Но смутное сознание его все же есть в людях, и именно оно, при всей путанице в мыслях, поддерживает убеждение, будто налог с ценности земель должен прибавляться к арендной плате. Однако, чтобы уничтожить это убеждение, надо только рассмотреть как это бывает, что люди, впервые уплачивающие налог, оказываются в состоянии перелagать его на других людей путем повышение цен.

Акциз на спички, например, как это все мы знаем из опыта, дает фабрикантам или торговцам возможность назначать более высокие цены. Почему так? Да просто потому, что он увеличивает стоимость производства спичек и сокращает предложение их до тех пор, пока цена на них не станет вознаграждать за уплату налога. И именно убеждение в том, что налог будет увеличивать стоимость производства и сокращать предложение, побуждает торговцев повышать цены наличного товара тотчас же, как только вводится налог, и понижать, лишь только он отменяется. Но налог на ценность земель не может увеличивать стоимость производства земель. Земля не есть произведение человеческих рук. Человек не производит землю! Он, приходя в мир, находит ее уже существующей. ее цена, следовательно, не определяется стоимостью производства и бывает всегда наивысшей ценой, какую только может предложить кто-либо за привилегию пользоваться ею. У земли, в отличие от предметов, которые должны быть произведены не иначе, как трудом, нет нормальной ценности, основанной на стоимости производства, и ценность ее изменяется от нуля до тех огромных сумм, какие уплачиваются в городах за участки на бойком месте или в горнозаводских округах за более богатые залежи, когда на них является спросе вследствие роста народонаселения. Потому налог с ценности земли не дает собственнику земли возможности требовать соответственно большей платы за свою землю или вообще увеличивать плату. Напротив того, делая более затруднительным удерживать землю праздною, он стремится увеличивать количество той земли, для которой собственникам приходится подыскивать арендаторов или покупателей. Потому следствием налога с ценности земель должно быть не повышение платы, которую вносят собственникам земли арендаторы, а скорее понижение ее. И так как налог этот уплачивается из того, что получает с своей земли собственник, то следствием его должно быть также понижение цены, по какой земля могла бы быть продана в вечное владение. Возьмем,

для примера, хотя бы участок земли на главной улице Нью-Йорка, приносящий его собственнику ежегодно \$10000. Такой участок в настоящее время стоил бы при продаже около \$250000. Установление налога с ценности земель не понизило бы его доходности, разве только повлияло бы на нее несколько в силу того обстоятельства, что при нем стали бы застраиваться пустые земли, лежащие на более далеком расстоянии от центра города. Но так как меньшая часть дохода стала бы оставаться у собственника, то продажная цена этого участка понизилась бы. И если бы налог с ценности земли можно было установить с таким теоретическим совершенством, что вся рента с земли отбиралась бы обществом, то собственники земли утратили бы и свой доход с ее теперешней ценности и всякую надежду на доход с ее будущей ценности. Земля сохранила бы прежнюю цену для лиц, пользующихся ею, но уже ровно ничего не стоила бы просто для собственников. За нее не дали бы прежних \$250000, за нее ничего не дали бы при продаже, так как всё, что уплачивалось бы ее арендатором, целиком поступило бы в пользу общества. При такого рода налоге, если бы даже он был установлен с теоретической точностью, просто собственников земли не стало бы более. Никто не стал бы гоняться за владением землей иначе, как ради того, чтобы пользоваться ею или производить на ней улучшения.

Общий закон, которым определяется тенденция налогов, таков: налог на предметы, цена которых удерживается на известном уровне благодаря возможности увеличивать их предложение, равно налог на методы или орудие производства таких предметов, увеличивая стоимость производства, сдерживает предложение, повышает цены этих предметов и падает в конце концов на потребителей. Иное дело налог на предметы, предложение которых не подлежит изменениям или монополизировано. Стоимость производства их не имеет значение для их цен, так как она не составляет определяющего элемента для их предложения, и потому налог на них не повышает их цен и падает целиком на их собственников.

Я счел нужным доказывать, что налог с ценности земли не может перелagаться собственниками земли на арендаторов, в виду тех усилий, которые делаются, чтобы запутать общественное мнение в вопросах такого рода. Сами собственники земли понимают достаточно хорошо, что налог этот не может перелagаться ими. Иначе как можно было бы объяснить себе их противодействие единому налогу и их крики о „конфискации"? Из опыта пашей страны, как и из

опыта всех других стран, мы знаем, что люди, обязанные уплачивать налог, который можно перекладывать на других, лишь в редких, исключительных случаях относятся к нему враждебно; обыкновенно же они относятся к нему благосклонно и даже противятся его отмене. Но слыханное ли дело, чтобы собственники земли отнеслись когда-нибудь благосклонно к налогу на ценность земель или противились его отмене?

Справедливость — цель, налог — средство

(Речь произнесенная в Сан-Франциско, 4 февраля 1890 г.)

Уважаемые дамы и господа, друзья и сограждане!

Когда я поднимался на эти подмостки, то мое прошлое вставало предо мной. Двенадцать лет тому назад, — по видимому так давно, но на самом деле так недавно, — двенадцать лет тому назад когда мой язык еще прилипал к моей гортани, когда выступить перед публикой казалось мне не менее страшным, чем выступить против неприятельской батареи, — я входил на эту платформу, чтобы сказать мое первое слово в защиту того дела, которое я отстаиваю. И я видел тогда пред собой, вместо приветствующей меня публики, страшные ряды пустующих скамей. Но время это миновало. Много раз потом, в этой стране и в Старом свете, мне приходилось говорить даже перед более многочисленной публикой, чем сегодня, и тысячи людей, которых я никогда не видел ранее, встречали меня так, как они встретили бы своего старого и нежно-любимого друга; и все же, мне кажется, я никогда не испытывал такого удовольствия, выступая пред публикой, какое я испытывал сейчас на этом месте.

Из году в год давал себе я обещание вновь посетить Сан-Франциско. Однако мне пришлось пять раз переправиться через океан, прежде чем оказалось возможным привести в исполнение это желание. И теперь я нахожусь здесь, чтобы через несколько дней отправиться в Австралию; кто знает, быть может, мне

никогда не придется еще раз увидаться с вами. Но если буду жив, постараюсь еще раз побывать здесь. Пусть я никогда более не буду здешним гражданином, пусть мой жизненный путь будет идти так далеко отсюда, что сама Калифорния будет казаться только лишь узкой полоской на горизонте, — но все же мое сердце всегда лежало и будет лежать к Сан-Франциско, к дому моей юности, к городу, в котором я вырос, в котором нашел так много искренних друзей, к стране, в которой я женился и в которой родились мои дети. Я всегда считал Сан-Франциско своей родиной, а какая это радость после долгого отсутствия встретить привет на родной стороне.

Да, мои дорогие друзья, мои испытанные верные товарищи, присоединившиеся в нашему движению еще в то время, когда мы

могли по пальцам пересчитывать друг друга, — я явился к вам, чтоб поведать вам, что теперь уже обеспечено торжество нашего дела, что никогда еще в истории мысли не было движения, которое развивалось бы так быстро и решительно.

Десять лет тому назад, когда я уезжал отсюда, я далеко не был исполненным надежды человеком; десять лет тому назад, у меня не хватило бы смелости сказать, чтобы когда-либо за время нашей жизни мы могли увидеть начало этой великой борьбы. Да мне и не приходилось много думать об этом. Мне, а как я полагаю, также и всем, принявшим участие в этом движении, было не до того, чтобы заниматься предсказанием того, к чему оно приведет. Это, по нашему, — говоря словами великого стоика-императора, — «было дело Юпитера, а не наше». Нам нужно было лишь знать то дело, какое нам следовало делать; нам нужно было лишь посеять семя, которое возросло бы. Но теперь так быстро развивается это движение, так много имеет оно могучей поддержки в разных странах, и оно зашло уже так далеко, что для нас уже безразлично, кто остается в живых и кто умирает, кто идет вперед и кто отстает. Теперь уже все течения времени становятся попутными для нас. Теперь, наконец, мы уже уверенно можем сказать, что пройдет немного времени, и среди всех цивилизованных людей будет признана та великая истина, что ни один человек не является в мир без равного с прочими на него права.

Я говорю сегодня вечером перед моими друзьями; я говорю сегодня вечером перед людьми, столь же, как я, убежденными и осведомленными в этом деле; но я, вероятно, говорю также перед многими людьми, которые имеют о нем лишь смутное представление. Поэтому я позволю себе, находясь здесь, в Сан-Франциско, объяснить ход развития моей мысли. Я прибыл сюда в ранней юности, когда я еще ничего не знал о политической экономии. Моя мысль еще не останавливалась ни на каком общественном вопросе нашего времени. Помнится, впервые мне пришлось задуматься над одним из них вскоре же после моего прибытия в Калифорнию, когда мне было еще около восемнадцати лет. Я сидел тогда на палубе шхуны, направлявшейся к реке Фрезер, в компании золотоискателей; разговор зашел о местных китайцах, и я спросил между прочим, какой вред могут принести эти китайцы, если они, как говорили тут же золотоискатели, занимаются разработкой только самых бедных россыпей. Один из золотоискателей, уже старик, обратился тогда ко мне и отвечал: «Теперь от них нет никакого вреда; но не всегда

заработная плата будет так высока, как теперь, в Калифорнии. Вместе с тем, как будет богатеть страна и увеличиваться ее население, заработная плата будет все падать и падать, и тогда наступит день, когда белые люди рады будут работать на тех россыпях, на которых работают теперь китайцы». Я прекрасно помню, как поразила меня та мысль, что вместе с тем, как будет развиваться промышленность страны, положение трудящихся классов будет не улучшаться, а ухудшаться.

Помню я и другой случай со мной, как, вернувшись сюда с Фрезера и сидя в райке старого театра, я был свидетелем того волнения, какое охватило публику, когда опущен был впервые новый занавес, на котором изображено было то, что являлось в то время заветною мечтою каждого калифорнийца: локомотив, подходящий сюда с поездом из Нью-Йорка. После того, как мы охрипли от восторженных криков, я стал вдумываться: а какая польза может быть от того для людей, подобных мне, — для людей, у которых нет ничего, кроме их способности к труду. И мысль моя полетела дальше. Все мы, и бедные и богатые, мечтали тогда о великой будущности, ожидавшей Калифорнию, о том времени, когда Сан-Франциско сделается одним из величайших городов мира, а наша страна станет исчислять свое народонаселение миллионами. Но в душе моей не переставал звучать голос того рудокопа, который говорил, сидя у мачты на шхуне, отходившей на Фрезер: «Страна будет богатеть, население ее будет увеличиваться, но заработная плата будет все падать и падать». «Что же будет тогда с народной массой?» спрашивал я себя.

Потом, уже войдя здесь в зрелый возраст, я отправился чрез континент, когда еще не была окончена Тихоокеанская дорога, и на улицах Нью-Йорка впервые увидел те контрасты богатства и бедности, какие можно видеть во всяком большом городе; я увидел зрелища, которые должны были повергнуть в шок человека, прибывшего с запада, — и я задумался над ними. Я сказал себе, что все это должно иметь свою причину и что против всего этого должно быть какое-нибудь средство; я решил, что я не остановлюсь до тех пор, пока не открою этой причины и не найду этого средства. И в конце концов все стало ясно для меня, как Божий день. Я открыл причину и нашел средство. И в том, к чему я пришел, не было ничего нового. В истине никогда не бывает ничего нового.

Когда я впервые читал в Оксфорде, то один профессор политической экономии в этом славном университете выступил

против меня с возражениями и заявил: «Я прочел книгу г-на Джорджа от доски до доски и могу сказать о ней только одно: в ней нет ничего нового и верного; все верное в ней — не ново, а все новое — не верно». Я отвечал ему: «Вполне соглашаюсь с вашим заключением. Это совершенно верное замечание; общественная истина никогда не бывает чем-то новым; и истина, которую мы отстаиваем, есть старая истина, — истина, которую повсюду усматривали люди и которая везде являлась их первичным восприятием; она была только извращена, была только затемнена в нашей среде при помощи насилия и обмана».

Да, это так. В настоящее время одна из наших газет пытается представить меня каким-то апостолом, а моих друзей — моими учениками, но это совершенно ошибочный взгляд. Самое большее, что только я мог сделать для моих друзей, так это — указать им на звезды небесные. Они всегда были над нами. Миллионы людей видели их так же, как вижу я, и всякий человек, могущий видеть, может увидеть их.

Во время моего первого посещения Ирландии я получил записку от одного очень уважаемого ирландского епископа, доктора Дугана, в которой он просил меня прийти к нему и побеседовать с ним наедине. Я отправился к нему, и вот этот старик с совершенно белыми волосами и румянцем на щеках, сохранивший под митрой епископа всю искренность и простодушие ирландского крестьянина, пользуясь привилегией своего возраста, стал как бы допрашивать меня. «Что это за новое учение, с которым связывают ваше имя? — спросил он меня; — «вы говорите, что все люди имеют равные права на землю, но ведь не все люди могут пользоваться ею; как же вы предлагаете устроить раздел между ними?» И он стал переходить от одного вопроса к другому, выставляя мне все те доводы и возражения, которые обыкновенно встают в умах людей в подобных случаях, которые, может быть, встают и теперь в умах многих из тех, которые слушают здесь меня. Я отвечал ему на них. Тогда он молча простер свои руки и произнес, обращаясь ко мне: «Да благословит тебя Бог, мой сын. Я хотел видеть тебя и слышать твои ответы на мои возражения только для того, чтобы узнать, можешь ли ты защищать свою веру. И теперь я говорю тебе: «вперед». То, что ты сказал мне, не ново для меня. Это — старая, хотя и попираемая истина, которую всегда исповедовал наш народ, невзирая на все преследования и насилия. То, что ты сказал мне, я слышал уже, будучи маленьким мальчиком, в глухой деревушке

на западе Ирландии, когда сидел у камелька в кругу моих родных, ни слова не понимавших по-английски. Вперед — говорю тебе. Уже настало время. Попомни слова старика: никакая власть на земле не может остановить этого движения». И годы показали, что почтенный епископ был прав.

Откуда падает та мрачная тень, которая повсюду сопутствует современной цивилизации? Откуда берется страшная нужда в самых центрах нашей общественной жизни? Почему оказываются бесполезными все успехи последнего времени, все чудесные открытия и изобретения? Где причина того, что вместе с ростом производительных сил, что вместе с изобретениями, в сотни и тысячи раз увеличивающими способность труда удовлетворять человеческие потребности, — во всем цивилизованном мире и особенно здесь, в Соединенных Штатах, растет бедность, увеличивается число сумасшествий, возрастает преступность, уменьшается процент лиц, вступающих в брак, и борьба за существование не ослабевает, а усиливается? На это может быть только один ответ. Или это делается согласно воле Бога, в соответствии с естественным законом, или это делается по нашему невежеству и себялюбию, которые побуждают нас отклоняться от этого естественного закона. И мы, сторонники единого налога, указываем на вполне достаточную причину. Всюду, где заметны эти явления, тот естественный элемент, на котором и от которого должны жить все люди, если только вообще возможна для них жизнь, сделан собственностью не всего народа, а лишь некоторых лиц. Мы указываем на вполне достаточное средство: возвращение всем людям их естественного права на землю, — обеспечение за каждым сыном человеческим, вступающим в мир, возможности пользоваться его природным наследием, — правом трудиться, правом наслаждаться плодами своего труда, теми правами, которые необходимо обуславливаются равенством прав на элемент, являющийся основой производства, основой жизни, источником всего, что только есть физического в человеке. Ибо самые наши тела берутся из земли и снова в нее возвращаются, и люди в такой же мере являются плодами земли, как цветы или деревья.

Мы называемся в настоящее время сторонниками единого налога. Лишь в очень недавнее время, всего несколько лет тому назад, мы приняли это название. Но это не новое название; боле ста лет тому назад во Франции существовала группа философов и патриотов — Кенэ, Тюрго, Кондорсэ, Дюпон — людей наиболее славных для своего

времени, которые предлагали в качестве средства против всех общественных зол L'impôt unique — единый налог.

И мы, на далеком западе, к концу девятнадцатого века, возродили это название и находим его очень подходящим.

Нам постоянно приходилось встречаться с вопросом: "ну, ладно, поделите вы землю; но как потом-то сохраните вы ее разделенной?" Теперь мы не встречаемся более с этим вопросом. Единый налог имеет по меньшей мере то великое преимущество, что им указывается наш метод, что им намечается тот путь, которому мы намерены следовать — простой путь отмены всех налогов, за исключением одного только налога с ценности земель.

Обратите внимание на то, что я говорю. Мы не предлагаем ввести налог на землю, как это сплошь и рядом неправильно думают о нас. Мы предлагаем брать налог с ценности земель, то, что на языке политической экономии называется рентой, — налог с той ценности, которая возникает в земле независимо от улучшений, сделанных в ней или на ней, — не в силу чего-либо, сделанного собственником или владельцем, не в силу индивидуальной затраты труда, а в силу роста и развития целого общества. Мы предлагаем брать в качестве налога то, что Джон Стюарт Милль называет «незаработанным приращением ценности», — другими словами, то приращение богатства, которое достается собственнику земли, не как человеку, пользующемуся ею, которое достается ему безразлично, живет ли он на ней или нет, занимается ли каким полезным делом или не занимается, умный он человек или идиот, взрослый или ребенок; то приращение ценности, которое происходило с поразительной быстротой у нас на глазах в этом городе, которое позволяло назначать огромную цену за участки песчаной земли, остававшиеся в том самом положении, в каком они находились тысячи лет тому назад, без какой-либо затраты на них труда или капитала. И это различие между налогом на землю и налогом с ценности земель, могущее показаться пустым с первого взгляда, имеет весьма важное значение. Налог на землю, т. е. налог со всякой земли, в конце концов должен делаться условием пользования землей и следовательно должен пасть на труд, сказаться на повышении цен и выплачиваться всем обществом. Но налог с ценности земель падает не на всякую землю, ибо не всякая земля имеет ценность, он может падать лишь на ценные земли и падает на них лишь пропорционально их ценности; стало быть, он может падать на труд не более, чем мог бы падать подоходный налог или налог с

ценности особых привилегий какого бы то ни было рода. Он может брать от человека не личный его заработок, а лишь тот излишек, который он получает, пользуясь землей высшего качества, благодаря росту и развитию общества.

Ограничьтесь самым низменным представлением о едином налоге — возьмите его просто как фискальную меру, и вы все же увидите, что он удовлетворяет всем требованиям благоразумия и целесообразности, что он соответствует принципам справедливости. Мы делаем изобретение за изобретением, улучшение за улучшением, и все же нам приходится еще считаться с тем знаменательным фактом, что у нас нет еще достаточно богатства. У нас в Соединенных Штатах есть несколько лиц более богатых, чем вообще могут быть богаты люди без вреда для себя. Но народная масса у нас не имеет того богатства, какое следовало бы иметь цивилизованным американцам в конце девятнадцатого столетия. Огромная масса нашего народа может только лишь тяжким трудом зарабатывать себе пропитание. Огромная масса нашего народа и понятия не имеет о тех утехах, радостях и прелестях жизни, которые должны бы быть теперь достоянием каждого. Всюду в нашей стране мы видим лишь жестокую борьбу за существование. Когда я шел сюда, то на улице у самых дверей этого дома меня остановил нищий — молодой человек; он сказал мне, что он не мог найти работы. Я не знаю, может быть, он солгал мне. Я знаю, что раз человек вступил на эту дорогу, то потеря нравственности не заставит себя долго ждать. Я знаю, что благотворительность направо и налево может скорее навредить, чем помочь, но я все же подал ему, ибо сказанное им могло быть и правдой.

Это — берег Тихого океана. Это — Золотые ворота. Подвигаясь все далее и далее на запад, мы достигли наконец океана, на противоположном берегу которого нас ждет древний Восток. Дальше нам уже некуда двигаться. И однако здесь, в этой стране, в этом золотом штате, находятся люди, желающие работать, ищущие работы и все же лишенные ее в течение более или мене долгих периодов времени. И чем дальше на восток, тем хуже. Человек, впервые прибывший в Нью-Йорк из Сан-Франциско, увидит там такие картины, что он содрогнется. Отправьтесь за океан в еще больший город, в столицу мира Лондон, — и вы встретите там еще более глубокую и страшную бедность. Где причина этого? Если бы требовалось больше богатства, то почему бы людям не заняться его

приобретением? Мы не можем излечить эту язву бедности путем раздела между всеми имеющегося теперь богатства, все равно как бы ни были чудовищно велики состояния некоторых лиц, — а богатство концентрируется теперь в этой стране быстрее, чем когда-либо ранее в мировой истории. Разделив его, мы все же не получили бы его достаточное количество для каждого. Но если людям нужно больше богатства, то почему они не добывают его в большей мере? Если мы, как народ, нуждаемся в большем количестве богатства (а наверное девяносто девять американцев из каждой сотни нуждаются в нем), то почему же есть люди, которые не могут найти для себя работы и страдают от этого? Почему другие люди работают, не добывая себе пропитания, не удовлетворяя самых насущных своих потребностей? И не было ли бы это самой дикой несообразностью, если бы мы, нуждаясь в большем богатстве и считая процветающими странами страны, увеличивающие свое богатство, стали бы облагать людей налогами за то, что они заняты производством богатства?

Однако как раз это самое мы делаем в настоящее время. Стоит только вам привезти сюда из-за границы почти любой предмет богатства, и вас сейчас же обложат налогом. Разве не есть это одно из самых вопиющих противоречий нашей общественной жизни? Если мы нуждаемся в большем богатстве, если мы считаем благоденствующими странами страны, увеличивающие свое богатство, то зачем, скажите, ставить преграды людям, привозящим сюда богатство? Нам нужно больше тканей, нам нужно больше одежды, нам нужно больше сахара, нам нужно больше всех тех желанных предметов, которые называются товарами, — и однако при теперешней системе налогов мы, в сущности, отгораживаемся от них высокой стеной и связываем руки людям, которые доставляют их нам.

Если богатство есть нечто хорошее, если нужно хлопотать о процветании страны, т. е. роста ее богатства, то, конечно, признав для этого желательными какие-либо ограничения торговли, было бы благоразумно облагать налогами не людей, которые привозят сюда товары, а людей, которые их увозят отсюда. Мы, сторонники единого налога, уничтожили бы такого рода стеснения. Мы стали бы ограждать себя от оспы, от холеры, от ядовитых змей, от язвы. Но мы стали бы с радостью встречать людей, которые посылали бы к нам товары или привозили их сюда. Мы говорим, что безрассудно, нуждаясь в большем количестве богатства, препятствовать людям привозить его к нам. Мы говорим тоже, что не мене безрассудно

облагать налогом людей, которые производят его у нас.

Толкуют, что нам нужно больше фабрик, и американский народ несет тяжелое бремя налогов ради их создания. Но что же мы делаем, когда кто-нибудь строит фабрику? Мы немедленно же подвергаем его за это налогу. Мы, конечно, нуждаемся в жилье. Маленькая кучка людей живет более просторно, чем вообще следовало бы жить людям, но огромная масса американского народа не имеет достаточно хороших жилищ. В Нью-Йорке, — а туда же тянутся и все другие американские города, — шестьдесят пять процентов населения живет по две и более семей в одной квартире. Но вздумает кто-нибудь выстроить дом где-нибудь в Соединенных Штатах, и к нему сейчас же является сборщик налогов, как бы требуя штрафа за то, что он выстроил дом.

Люди считают за очень ценное качество в человеке трудолюбие и бережливость, и даже признают, что трудолюбивый и бережливый человек легко может нажить себе богатство. Правда это или неправда, но во всяком случае трудолюбие и бережливость должны считаться за ценные качества. Но как относятся в нашей среде к людям трудолюбивым? Начинают они производить достаточно богатства и накапливать его благодаря своей бережливости, и от них уже требуют известную долю его в виде налогов. Мы говорим, что это неблагоразумно, что мы не должны своими налогами подавлять производство богатства; что когда крестьянин селится на пустыре и превращает его в плодовый сад или виноградник или когда он в степи выращивает хлеб или разводит тонкорунных овец, то мы должны благодарить его за это, а не карать налогами; что мы должны радоваться, видя проявление в людях энергии; что ни один человек не может производить богатство только для себя, не увеличивая в то же время общего запаса, не делая богаче всю страну.

Мы вводим некоторые налоги с целью освободиться от чего-нибудь, с целью уменьшить количество облагаемых предметов. В большинстве наших графств и штатов вводят налог на собак, чтобы освободиться от них, когда их разводится слишком много. Но, облагая налогом собак, чтобы избавиться от них, как станем мы облагать дома, не имея желания уменьшить числа домов? Как станем мы облагать фермы, не желая иметь меньше ферм? Как станем мы облагать человека налогом за то, что он проявил свое трудолюбие или энергию в производстве богатства? облагать налогами дома всегда значит иметь меньше домов.

Если бы вы побывали в Бруклине, то увидели бы там наглядное доказательство этого. Что меня особенно поразило впервые в этом городе, так это длинные ряды домов из темного камня, двухэтажные по улице и трехэтажные со двора или трехэтажные по улице и четырехэтажные со двора; что за странная идея втемяшилась в голову этих людей, подумал я тут же, отрезать таким образом целую половину верхнего этажа? Но потом, порасспросив, я узнал, что все дело было в налогах. В Бруклине члены оценочной комиссии принимают в соображение только лишь число этажей по улице, и вот там стали строить дома так, чтобы при трех этажах во дворе были лишь два на улицу.

Подобным же образом в Англии вы можете видеть следствия налога на окна. Налог на окна остается в силе до настоящего времени во Франции, и в этой стране, согласно последнему цензу, насчитывается двести тысяч домов, построенных вовсе без окон с целью избегнуть налога.

Точно так же облагать налогами суда значить иметь меньше судов. Кто из здешних старожилов не помнит того времени, когда в бухте у Сан-Франциско можно было видеть множество американских судов изящной конструкции, с высокими мачтами, самых быстрых и самых лучших на свете? Я сам прекрасно помню то время, когда ни один американец не переправлялся через океан в Европу иначе, как на американских судах. Теперь, если вам захочется побывать в Европе, вам придется сесть на английский пароход, если только вы не предпочтете ему немецкий или французский. На всех мировых водных путях американские суда становятся такой же редкостью, как китайские джонки. А почему? Да просто потому, что мы сжили их со свету нашими налогами. Разве это не ясно? Обложите налогами дома, и у вас будет меньше домов или дома ваши будут хуже; обложите налогами фермы, и у вас будет меньше ферм и больше пустырей; обложите налогами суда, и у вас будет меньше судов и суда ваши будут хуже; обложите налогами капитал, и у вас будет меньше капитала; но обложите налогом ценность какой угодно земли, и у вас ни на вершок не убудет земли. Обложите налогом ценность какой угодно земли до того размера, чтобы в этом налоге отбирался весь годичный доход с нее, чтобы одно право собственности на нее перестало давать какую-либо выгоду, так что никто не желал бы быть просто собственником земли, — и что окажется в результат? Да только то, что земля сделается более доступной для людей, желающих

пользоваться ею; только то, что земля потеряет всякую цену для простых спекулянтов — для монополистов, которые хотят только владеть ею, но не пользоваться ею, — для хищников, которые хотят лишь жать, где другие сеяли, и брать себе произведения чужого труда. Обложите налогом ценность земель, и вы сохраните за трудящимися полное вознаграждение за их труд, а также откроете перед ними широкое поле для деятельности.

Мы хвалимся нашими республиканскими учреждениями, но посмотрите на дело просто и прямо: разве не утрачивается в нашей среде самый дух демократии? Хотя бы здесь, в Сан-Франциско, разве не видим мы, в сущности, политической диктатуры, и разве Калифорния не посылает в сенат людей, которые правят штатом так, как не правил бы им никакой герцог? Самое сердце ваших учреждений кажется как бы выеденным. А отчего это зависит? Чем вызывается это нравственная порча, это политическое растрение? Да главным образом нашей фискальной системой. Она преследует налогами совесть, правдивость и уважение в законе; она предлагает награды за ложь, клятвопреступление и обман; она создает и поддерживает подкупы и взяточничество.

Отправьтесь в Европу; побывайте там в центрах наиболее аристократического управления, и вы научитесь ценить демократию; тогда возвращайтесь домой. И вот, наконец, вы берете лоцмана. Перед вами вырисовывается уже на горизонте низкий берег «страны свободных людей и родины храбрецов», а если вы, как большинство американцев, возвращаетесь через Нью-Йорк, то вы видите уже огромную статую, подаренную нам гражданином Французской республики — статую Свободы, освещающей мир. До едва только вы подойдете к этой статуе настолько, что в состоянии будете хорошо ее рассмотреть, как к вам явится таможенный чиновник с требованием, чтобы все вы, и мужчины и женщины, выстроились в ряд и клялись Всемогущим Богом, Творцом неба и земли, в том, что в ваших чемоданах, саквояжах и рюкзаках нет ничего оплачиваемого пошлиной. И вы даёте эту клятву; великая республика требует от вас этого. Но великая республика не ограничивается этим. Следом перед вами предстанет другой чиновник, потребует от вас, чтобы вы раскрыли ваш чемодан, саквояж и рюкзак, и будет искать в них предметы, оплачиваемые пошлиной, если только, быть может, он не наткнется на умело положенную денежную купюру. Всякий, кому случалось так путешествовать, прекрасно знает, что у большинства

пассажиров всегда можно найти подлежащие пошлине вещи, — и, как я замечал, у протекционистов бывает их обыкновенно не меньше, чем у сторонников свободной торговли. Мне не случалось еще видеть сколько-нибудь убежденных протекционистов. Может быть, есть в их числе такие, которые не стали бы провозить тайком товары, имея к тому возможность, но я не думаю, чтоб таких было много. Их патриотизм, их заботу о покровительстве бедному рабочему люду можно видеть только лишь в конгресс и его коридорах, где они всегда готовы всеми правдами и неправдами отстаивать всякую пошлину, подлежащую отмене.

Но это все еще сравнительно маловажные отклонения от закона, которые практикуются пассажирами; а подумайте о тех отклонениях, которые выражаются в чудовищной контрабанде, в хитроумных измышлениях для оценки товаров ниже их стоимости при провозе через границу, в устройстве общественных собраний для защиты исключительно классовых интересов, в массовых подкупах во время президентских выборов? Не покажется ли вам и вся система эта сплетенной лишь из подкупа и обмана и приспособленной лишь для подавления честности и добропорядочности и подержания лжи и презрения к закону? А подумайте теперь о наших местных налогах и между прочим о внутренних сборах федерального правительства. Припомните, как горячо и упорно боролись спичечные производители против отмены налога на спички, введенного во время Гражданской войны. Припомните, как производители виски сорили деньгами, чтобы воспрепятствовать уменьшению акциза на свою продукцию, как и теперь они охотно тратят огромные деньги, чтобы удержать существующий акциз. А что творится в наших штатах с так называемыми прямыми налогами? Мы воображаем, будто мы облагаем все виды собственности; многие из наших налогов специально предназначались для собирания налогов с богатых людей. А что оказывается в результате? Да именно богатые-то люди всюду в Соединенных Штатах постоянно ускользают от налогов. Всюду в Соединенных Штатах попытка обложить налогами богатых людей оказывалась лишь игрой и обманом, и если не по какой другой причине, то хотя по одной этой следовало бы отменить все эти налоги. По самой природе своей они являются побуждением к уверткам, отклонениям и клятвопреступлениям, к взяточничеству и подкупам, и налог на ценность земель имеет за собой по меньшей мере то преимущество, что земля не может быть скрыта или спрятана, что

она, так сказать, остается всегда на виду у всех, если вы ее и не видите, то вы все же знаете, что она есть тут. И из всех существующих ценностей ценность земель является наиболее определенной, наиболее поддающейся точной оценке. Я могу находиться в Сан-Франциско, в Денвере, в Нью-Йорке, в Бостоне или в другом каком-нибудь совершенно неизвестном мне город, и если кто-нибудь предложит мне купить там какой-нибудь участок земли, я могу отправиться к любому агенту по недвижимости и спросить его: Вот здесь на такой-то улиц продается земля такой-то длины и ширины; сколько она стоит?

И он может с точностью определить мне ее цену. Но может ли он определить цену дома, построенного на ней? Без обстоятельного осмотра это совершенно невозможно; того менее может мне кто-нибудь определить без осмотра экспертов стоимость внутренней отделки этого дома, если он более или мене обширный и роскошный, и цену предметов, принадлежащих лицам, живущим в нем. Но вот земля. Вы можете поставить какие-нибудь простенькие значки на каждом участке или на каждой полосе обрабатываемой земли, показать на них ширину, длину и площадь участков или полос, кому они принадлежат и во сколько они оценены, и тем самым вы сделаете все, что требуется для должного контроля оценки; вы будете иметь тогда вполне определенные и точные сведения о стоимости земли, и вы можете смело заменить налогом с нее все прочие собираемые теперь налоги. И какая выгода была бы от этого для общественной нравственности, какая экономия в расходах. Мы избавились бы от целой армии чиновников, запятых сбором и назначением налогов; мы избавились бы от клятв, допросов и высматриваний, при помощи которых определяется теперь, что человек имеет и сколько он получает.

Посмотрите на дело с точки зрения справедливости. Мы, сторонники единого налога, никоим образом не отрицаем права собственности; мы, напротив того, поддерживаем и защищаем его. Мы говорим, что великие французские законодатели прошлого века были правы, признав священное право собственности, что есть право собственности, которое вытекает не из человеческого закона, которое предшествует каким бы то ни было человеческим постановлениям и возникает как нечто самопонятное. То, что производит человек, то, что он достает из запасов природы и приспособляет своим трудом к удовлетворению человеческих нужд, есть его собственность, его и

ничье другое во всем мире. Если я с помощью моего труда ловлю рыбу, то рыба эта — моя и должна быть моею; если я строю машину, эта машина принадлежит мне, — и это есть священное право собственности. Оно имеет ясное основание в личности производителя, вытекает из права человека на самого себя, на применение своих способностей, на пользование результатами своего труда, и право это человек может передавать другим, продавать или завещать.

Но что мы делаем, когда облагаем налогами какое-нибудь здание? Когда человек воздвигает его своим трудом или когда он получает его от других людей, передавших ему свое право на труд, к нему является общество и, в сущности, требует от него, чтобы он отдал ему часть этого здания. Человек честно зарабатывает и накапливает богатство, а к нему являются сборщики налогов и требуют, чтобы он ежегодно отдавал часть его приобретений. Разве не есть это такое же нарушение права собственности, как если бы у него брали телят или овец? Разве брать пять или двенадцать процентов было бы не так же преступно, как брать их все сто? Мы должны оставлять у человека полную ценность того, что производится его трудом. Мы должны уважать право собственности не до известного только предела, а во всей его полноте. Мы должны оставлять производителю или его преемникам все богатство, созданное его трудом. Каковы бы ни были формы богатства, оно должно принадлежать человеку. Но по той же причине мы должны отбирать в пользу общества ценность земли. Она может принадлежать только обществу, ибо она создается ростом общества.

В чем причина того, что земля в Сан-Франциско стоит теперь во много раз дороже, чем в 1860 или 1850 годах? Почему эти бесплодные пески, ничего не стоившие в то время, приобрели теперь огромную ценность? Потому, что было сделано что-нибудь их собственниками? Вовсе нет. Просто вследствие роста народонаселения. Просто потому, что Сан-Франциско сделался более крупным городом, — потому, что все мы находимся здесь. Каждый рождающийся здесь ребенок, каждая приходящая сюда семья, каждый человек, улучшающий здесь условия жизни, повышает здесь ценность земли. Это — ценность, возникающая из роста общества. И потому, подчиняясь тому же чувству справедливости, тому же чувству уважения к правам собственности, которое побуждает нас оставлять за человеком все то, что производится его трудом, мы должны брать в пользу общества ту ценность, которая создается ростом и совершенствованием общества.

Что было бы прямым следствием этого? Возьмите этот город, этот штат или всю страну; отмените все налоги, падающие на производство богатства; пусть каждый человек волен был бы пахать, сеять, строить и всячески увеличивать общее богатство, не подвергаясь за это никаким штрафам или пеням. Пусть было бы сказано всем людям, желающим увеличивать производство богатства: идите с Богом, производите, накапливаете все, что вам нужно; увеличивайте общий запас богатства каким вам угодно способом; все созданное вашим трудом будет вашей собственностью, ни единого гроша не будет взято у вас в пошлинах или налогах. Что было бы следствием отмены всех тех налогов, которые угнетают теперь промышленность, давят труд и уменьшают прибыль людей, увеличивающих общее богатство? Конечно, рост богатства и чрезвычайное оживление всех отраслей производства. Подумайте об этих следствиях.

С другой стороны, подумайте о тех следствиях, которые наступили бы в том случае, если бы мы, отменяя все эти налоги, падающие на труд или на произведения труда, стали бы собирать общественные доходы путем налога с ценности земли, — налога, который падал бы на собственника пустующего участка в городе совершенно так же, как на собственника, который застроил свою землю, и на собственника пустующей земли в деревне, выжидающего арендатора или покупателя, совершенно так же, как на крестьянина, возделывающего свою землю? Разве не был бы тогда положен конец земельному хищничеству? Разве не были бы принуждены тогда использовать свою землю или продать ее те люди, которые владеют теперь землей не ради того, чтобы пользоваться ею, а только ради дохода, чтобы брать за нее с тех, которые желают ею пользоваться.

На всем протяжении нашей страны от Атлантического океана и до Тихого, от великих озер и до мексиканской границы труду предоставлены были бы все естественные удобства, и на рабочий рынок стал бы поступать спрос на произведения труда со стороны людей, которых спрос никогда не может быть удовлетворен — спрос со стороны самих трудящихся. Рабочий вопрос прекратил бы, наконец, свое существование. Зрелище людей, способных к труду, желающих трудиться и не находящих себе работы, исчезнуло бы, как страшный сон.

Посмотрите, что творится в настоящее время, хотя бы здесь у нас, в нашей новой стране. Какие-нибудь шестьдесят пять миллионов

рассеяны по территории, которая при современном состоянии техники могла бы прокормить население по меньшей мере в тысячу миллионов. И однако мы находим возможным думать и говорить так, как будто у нас было бы уже слишком много народу. Нам нужно больше богатства. Но почему же мы не приобретаем его? Чувствуется у нас недостаток в каком-либо из факторов производства? А каковы эти факторы? Труд, капитал и земля или, располагая в порядке их важности: земля, труд и капитал. Нам нужно больше богатства. Но что же из этого? У нас есть труд, могущий создавать его. Или, может быть, у нас слишком мало рабочих? Нет. Всюду в Соединенных Штатах мы слышим, что их есть как будто даже излишек. Мы, в сущности, привыкли даже думать, что человек, дающий другим работу, оказывает им благодеяние. Или, может быть, у нас слишком мало капитала? Но нет, его так много в нашей стране, что государственные облигации при теперешнем курсе могут давать лишь немногим более двух процентов и наше правительство смело могло бы заключать двухпроцентные займы и вскоре требовать даже премии. Его так много в нашей стране, что он всюду ищет для себя мало-мальски выгодного помещения. И если нет у нас стеснения ни в труде, ни в капитале, то оно должно быть в земле.

Но мы не можем сказать, чтобы у нас не было простора на всем протяжении нашей территории, ибо везде мы видим неиспользованные или наполовину использованные земли. Мы видим их даже в наиболее заселенных местах. Разве мало земли хотя бы здесь в Сан-Франциско? Или отправьтесь в огромный город Нью-Йорк, где люди местами скучены так, что для них зачастую становится одинаково невозможна и физическая и нравственная здоровая жизнь, — где, несмотря на постоянный прилив богатых людей со всей страны, только лишь четыре процента семей живет в отдельных собственных домах и шестьдесят пять процентов теснится по две и по три семьи в одной квартире, размещаясь этаж над этажом, подобно сардинам в консервной банке. Но почему там не строят больше домов? Отнюдь не потому, чтобы там мало было капитала или земли. Половина Нью-Йорка остается еще незастроенной и абсолютно неиспользованной. Почему же при такой тесноте люди не занимают этих свободных земель и не строятся там? Потому, что земля эта, хотя и неиспользованная, имеет уже собственников, а эти собственники, учитывая будущий рост города требуют тысячи долларов за позволение постройиться на ней.

То, что вы увидели бы в Нью-Йорке, вы можете видеть и повсюду. Отправьтесь в шахтерские округа Пенсильвании, и вы встретите там тысячи шахтеров, лишенных заработка из-за локаута или забастовки в ответ на сокращение их и без того ничтожной заработной платы.

Но почему им приходится вести такую борьбу с хозяевами? Почему сами они не возьмутся за разработку шахт? Не потому, чтобы мало было залежей угля в этих округах, ибо разрабатывается там лишь сравнительно малая часть его, а потому, что все залежи эти составляют собственность некоторых лиц, лишь номинально платящих налоги с них, и люди, желающие пользоваться ими, должны выплачивать им предварительно по несколько тысяч за акр.

Посмотрите, как жмутся люди около земель, принадлежащих индейцам, ожидая надела, какие пространства проходят они по неиспользованной или наполовину использованной земле, чтобы найти место, на котором они могли бы поселиться. Ведь они делают почти то же, как если бы они переплывали реку, чтобы напиться. Побывайте в этом штате, в его широких долинах с одиноко стоящими кое-где домиками; посмотрите, как обрабатываются здесь огромные поместья сезонными рабочими, которых нанимают ненадолго во время пахоты, на несколько больший срок во время жатвы и которые бродят затем по всему штату, оборванные и истощенные. Везде вы увидите лишь искусственно прегражденный доступ к природным ресурсам.

Есть ли что удивительного в том, что при таком отношении к земле мы видим всюду в цивилизованном мире нужду и лишения, — более того, — страдания и нравственную порчу, неизвестные даже среди дикарей?

Могло ли быть это иначе в мир, подобном нашему, населенном земными существами, какими являются люди? Мог ли бы сам Бог помочь нам, оставив наши законы такими, каковы они есть? Допустите, что в ответ на молитвы об облегчении бедности Он стал бы посылать нам богатство с неба в виде дождя или из недр земли в виде ключей; кому стало бы доставаться оно при существующих условиях? Только землевладельцам. Для трудящихся от него не было бы никакого облегчения. Представьте себе какой угодно мир, доступный вашему воображению; представьте себе хотя бы самый рай пресветлый, который опять-таки мы могли бы представить себе не иначе, как имеющим известное протяжение, — и что было бы там, если бы люди, впервые явившиеся туда, поделили его между собой,

как свою неотъемлемую собственность: разве не хуже каких угодно атеистов те так называемые христиане, которые если не прямо, то обиняком, приписывают Богу ужасные страдания народа в самых центрах нашей цивилизации? Может ли быть худшее нечестие? Это — Богу, к которому они зовут нас обращаться с хвалой и молитвой, которого они исповедуют устами своими, что Он весь есть любовь и милосердие! Может ли быть большее богохульство? Когда я был в последний раз в Лондон, то в первый же день рано утром, я вышел из дому и пошел бродить по улицам, как это я всегда делал, приезжая в Лондон. На одной из улиц — я не знаю их названий — я увидел вывеску, большую медную дощечку: «Общество распространения христианства в Центральной Африке».

Я прошел дальше полквартала и у Корпуса конных гвардейцев, где вы можете видеть чернокожих людей, одетых в дорогие и блестящие костюмы, увидел семью из мужа, жены и двух детей в состоянии самого тяжелого и безнадежного отчаяния.

Несколько раньше я был в Эдинбург, в современных Афинах, прекрасной (и местами действительно прекрасной) столице Шотландии, и побывал там в огромных уродливых зданиях, сохранившихся от старого времени. Я видел там, в центре умственной и общественной жизни, среди богатства и патриотизма, такие зрелища, которые ужаснули бы даже дикарей. И я видел там самое тяжелое зрелище, какое только может видеть человек; я был там в учреждении, в котором призрываются и воспитываются те дети, которых матери уходят на работу, и видел там крошек, исхудавших и изболевших от хронического голодания. Между прочим надзирательница показала мне маленькую девочку и рассказала ее историю. Она была принесена туда почти умиравшей от голода. Когда перед ней поставили пищу, то прежде, чем коснуться или отведать ее, она сложила на груди руки и со слезами на глазах благодарила своего Небесного Отца за Его милость. О Боже милостивый! О добрые люди! Да разве не богохульство думать или говорить, будто так только посылает свою милость Небесный Отец своим детям? Он ниспослал ее довольно и с избытком для всех, приходящих в мир по Его вол, и не Он, Всемогущий, а человеческая несправедливость лишает детей Его их наследия.

Несколько лет тому назад я говорил на этой трибуне, что семя посеяно. Теперь я скажу вам, что оно уже всходит. В Великобритании, здесь, в Соединенных Штатах, в Австралии, куда я отправляюсь, в

различных странах Европы, везде пробиваются наружу те великие истины, которые мы отстаиваем. Дни гигантской нужды уже сочтены. Но я говорю вам, и мои товарищи будут вам свидетелями в этом, что для уверенности и спокойствия в этом деле совсем не надо знать того, что будет.

В Лондоне, во время одного из моих посещений этого города, ко мне явился какой-то англиканский священник и просил побеседовать с ним с глазу на глаз. «Мне хочется откровенно поговорить с вами, — сказал он мне, — некоторые из ваших выражений навели меня на мысль, что вы можете разрешить мне кое- что из моих сомнений. Я был воспитан для церкви, получил университетские степени, вступил в духовное звание и был послан за границу в качестве миссионера. Потом я сделался флотским священником и, наконец, получил приход в Лондоне, где и живу вот уже несколько лет. До самого последнего времени я был верующим христианином. Я верил в Библию, как в Слово Божие, и лелеял в себе вызываемые ею надежды. Моя мысль особенно часто останавливалась на словах: «Я был молод и состарился, и не видел праведника оставленным и потомков его просящими хлеба». Я верил им до тех пор, пока я не вернулся к себе на родину. Я верил им до тех пор, пока я не вступил в отправление священнических обязанностей в Лондоне. Да, я верил в их истинность, но теперь... я не верю в нее. Я видел праведника оставленным и потомков его просящими хлеба. У меня нет более веры, — закончил он, — я остаюсь еще священником, но уже сознаю себя лицемером. Мне хотелось бы знать, как вы объясняете себе то, что смутило меня». И я объяснил ему, как это я пытался объяснить и вам сегодня вечером, что, по моему разумению, все эти напасти являются следствием нашего нарушения естественного закона справедливости, следствием того, что люди сворачивают с назначенной для них дороги.

Да, мы находим покой в душах наших. Что будет — безразлично для человека, который верит истине и вступает на свою дорогу. Он знает по крайней мере, что не из-за силы, создавшей мир и вызвавшей к жизни людей, так омрачается наша цивилизация, не из-за жадности Творца.

Но невольно хочется думать о том, чем мог бы быть этот мир. Молитва, которой Иисус учил своих учеников: «Да приидет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе», была не просто набором слов. Людям дано бороться за царство справедливости и

правды и, борясь за него, они могут надеяться, что наступит тот день, предреченный пророками и ясновидцами, когда не будет более невольной праздности, когда у всех будет работа, у всех досуг, у всех изобилие, когда даже самые низкие члены общества будут иметь свою долю участия во всех удобствах, радостях и прелестях жизни, когда каждый ребенок, рождающийся среди нас, в состоянии будет развивать в себе все высшие и благородные стороны своей природы и когда среди общего довольства никто не будет бояться нужды. Не станет больше той жажды богатства, которая заставляет людей пренебрегать истиной и справедливостью и давать своих братьев, чтобы не быть задавленными ими; люди перестанут растрачивать свои силы в погоне за тем, чего они не могут взять с собой, и в жизни их начнут обнаруживаться все высшие качества человека.

Мы не можем изменить человеческой природы и самую мысль об этом считаем безрассудной мечтой. Чего мы хотим достигнуть, так это только того, чтобы могло развиваться все то, что есть доброго в человеческой природе.

Подвергните предложенное нами средство любому испытанию. Испытайте его со стороны справедливости, испытайте его со стороны целесообразности. Испытайте его с помощью принципов экономики, нравственности и политики. Оно выдержит какое угодно испытание. И лишь об одном попрошу я вас: не принимайте на веру того, что говорю я вам или что скажет вам другой какой человек. Полагайтесь лишь на собственный разум.